

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 5 · № 4 · ИЮЛЬ – АВГУСТ · 2007

Содержание

Мораль и конфронтация *Фёдор Лукьянов* 5

Идейный багаж

Сдерживание России: назад в будущее? *Сергей Лавров* 8

Однополярность является покушением на прерогативы Всевышнего. Ценностные ориентиры и модели развития теперь тоже стали предметом конкуренции. И она должна быть честной. Это – фундаментальный вызов для всех.

Свобода от морали. Что ценит современная Россия?
Светлана Бабаева 22

Никто из тех, кто высказывался в последние месяцы на тему моральных норм, так и не уточнил, что под ними подразумевает, каким бы хотел видеть российское общество, скажем, через 5–8 лет, что сам считает моральным, а что – безнравственным.

Россия как «другая Европа» *Иван Крестев* 33

Критики Путина внутри России и за ее пределами склонны игнорировать интеллектуальную начинку концепции «суверенной демократии». Они исходят из того, что единственная идеология Кремля – это цинизм, позволяющий оставаться у власти и богатеть. Но так ли это на самом деле?

Россия и Запад: наши разногласия *Константин Косачев* 46

В отношении демократической идеи Россия поступила примерно так же, как в свое время заклеившие большевиками западные социал-демократы – в отношении идеи социалистической. Она восприняла все полезное, но отказалась впадать в демократическое кликушество и идеологические истерики.

Линия размежевания?

Новая эпоха противостояния *Сергей Караганов* 58

Многим в Москве кажется, что политико-пропагандистский прессинг Запада связан исключительно с ее усилением. Но суть этого давления составляет не столько атака на Россию, сколько общая контратака Запада, цель которой – не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, а по возможности и отыграть их.

- Возвращение великих авторитарных держав** *Азар Гат* 70
 Либеральные демократии, лидером которых выступали Соединенные Штаты, вышли триумфаторами из крупнейших сражений XX века. Однако подъем после окончания холодной войны экономически успешных, но недемократических Китая и России может представлять собой устойчивую альтернативу современному развитию. Она ставит под сомнение безусловность победы либеральной демократии и ее будущее доминирование.

Разговор по существу

- «Не стесняться имперского прошлого»** *Эмманюэль Тодд* 84
 «На Западе мало кто знает, что именно тоталитарный Советский Союз, а не Соединенные Штаты сыграл решающую роль в победе над Гитлером. Европа находится в неоплатном долгу перед Россией, и поэтому все антипутинские выступления относительно недостатков российской демократической системы я расцениваю как моральную ошибку».

Смена караула

- Гордон Браун: моралист у власти** *Александр Терентьев* 96
 Вероятнее всего, Браун отдаст внешнюю политику на откуп британскому МИД, который в блэровскую эпоху постоянно чувствовал себя ущемленным. Бывший премьер принимал решения, не считаясь с внешнеполитическим ведомством, и нередко шел на конфликт с профессиональными дипломатами.

- Николя Саркози: прагматизм и преемственность** 111
Юрий Рубинский
 Новый президент Франции стремится возложить часть ответственности за возможные внешнеполитические издержки на перебежчиков из левого лагеря. Реальное руководство внешней политикой будет осуществлять не МИД, а лично глава государства при опоре на создаваемый Совет национальной безопасности

Полуостров Индостан

- Индийский марш** *Сергей Лунёв* 126
 Общая история и единство задач, проистекающее из неравноправного положения в международном разделении труда, цементируют узы стран Юга. Региональные державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия, Южная Африка и пр.) с точки зрения геополитики и психологии скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом.

- Преодолевая стереотипы** *Андрей Давыдов* 139
 Если в книжных магазинах Дели и можно найти книги о России, то это несколько тенденциозных работ западных авторов. Индия и Россия стали смотреть друг на друга через призму западных средств массовой информации и исследований.

- Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану** 149
Даниел Марки
 Америка все больше разочаровывается в действиях пакистанских властей по борьбе с терроризмом. Но не стоит грозить президенту Мушаррафу или требовать от него быстрого перехода к демократии. Чтобы побудить Исламабад к более эффективной роли в противостоянии терроризму, Вашингтону придется поддерживать очень тонкий баланс: стимулировать политические реформы, не нанося при этом ущерба базовым интересам военных.

- Пакистанская рулетка *Владимир Овчинский* 168
 Ситуация в Пакистане может качнуться в любую сторону. Интересы на территории страны имеют, как минимум, три мощных «центра силы» — США, Китай и настоящие (а не управляемые иностранными спецслужбами) исламские экстремисты.

Глобальные ресурсы

- «Газовая ОПЕК» или другие формы взаимодействия?
Владимир Ревенков, Владимир Фейгин 176
 Термин «газовая ОПЕК» целесообразно исключить из серьезных профессиональных дискуссий, как контрпродуктивный и излишне политизирующий обсуждение проблем, перспектив и форм усиления взаимодействия стран — экспортеров газа.

- Открытый код и национальная безопасность
Павел Житнюк, Виталий Кузьмичёв, Леонид Сомс 186
 Информационные технологии — одна из самых важных сфер человеческого развития в постиндустриальном мире. Сегодня же получается, что на средства российских налогоплательщиков поддерживается не самая бедная ИТ-отрасль экономики США.

Продолжение темы

- Американская ПРО и альтернатива Путина *Филип Коил* 196
 США предлагают Европе фикцию, неработающий проект. Польше и Чехии предписывается воздвигнуть щит против несуществующего противника. Создание бессмысленной, неэффективной системы чревато серьезным конфликтом.

- Мнимое противоречие *Тигран Торосян* 203
 Политическое развитие принимает все более глобальный характер. И конфликты, имеющие изначально внутренние причины, приобретают иное измерение, как только в процесс урегулирования вовлекается международное сообщество.

- Азербайджан: «без друзей и без врагов» *Сергей Маркедонов* 215
 Действуя по принципу «у нас нет друзей, нет врагов, а есть одни лишь интересы», Баку сумел заставить великих мира сего искать дружбы у малого государства.

- Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить
Георгий Мирский 225
 Создается впечатление, что США и Израиль (а в известной степени также Европейский союз и Лига арабских государств) узаконили раздел территории, находившейся под контролем Палестинской национальной администрации, и намерены иметь дело только с одной из двух образовавшихся властей автономии.

Рецензии

- Пространство свободы *Сергей Караганов* 240
 Великобритания: хроника модернизации *Игорь Максимычев* 243
 ИМЭМО смотрит в будущее *Иван Иванов* 247

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯ Р.К.
«Тройка-Диалог»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
ООО «Промышленные инвесторы»

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Аэрофлот»

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

*Издается Фондом исследований
мировой политики*

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (495) 980-7353
Факс: (495) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2034.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя

БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)

КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ Гельмут
(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)

НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ Джеймс (США)

ШМЕЛЁВ Н.П.

ЭЛЛИСОН Грэм (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ВИШНЕВСКИЙ А.Г.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.

ЭНТИН В.Л.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно».
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Радченко

Англоязычное издание
Russia in Global Affairs

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Наталья Шматова

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
or@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

Мораль и конфронтация

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Мы привыкли к тому, что в современном мире все меняется очень быстро. И все же не устаешь поражаться темпам этих изменений. Едва усвоишь, что российская внешняя политика руководствуется исключительно прагматическим подходом, как уже начинается следующая фаза.

В России заговорили о моральных основах государственной политики.

Светлана Бабаева размышляет о том, станет ли будущий российский лидер моралистом и как это может повлиять на общую ситуацию. Новый взгляд на международные отношения содержится в статье министра иностранных дел РФ **Сергея Лаврова**. Выступая против однополярного устройства мира, глава российской дипломатии апеллирует к нравственным и духовным категориям, призывает к смирению в мировой политике, обращается к Священному Писанию.

Россию и ее западных партнеров разделяют не ценностные приоритеты, а то, как Запад пытается воплощать свои представления в жизнь, уверен **Константин Косачев**. К выводу о том, что разногласия между Россией и Европейским союзом носят идеоло-

гический характер, приходит **Иван Крастев**. Он усматривает в концепции «суверенной демократии» гораздо более серьезную идейную основу, чем принято считать на Западе. **Эмманюэль Тодд** считает Россию неотъемлемой частью Европы, но полагает, что Старый Свет относится к ней предвзято.

Сергей Караганов анализирует признаки «новой эпохи противостояния» в мировой политике. Причины ее не только в быстром росте амбиций Москвы, но и в общем снижении влияния Запада, который нервно реагирует на изменения в глобальной расстановке сил. Тему продолжает **Азар Гат**. Рост экономического и политического потенциала авторитарных гигантов — России и Китая — бросает вызов западной модели либерального капитализма и ставит под сомнение ее будущее доминирование, считает автор.

Конфронтационные подходы дают себя знать в разных сферах. Тема косовского урегулирования стала чуть ли не главным яблоком раздора между Россией и Западом. О правовой коллизии, возникающей вокруг

непризнанных территорий, размышляет **Тигран Торосян**. О том, что автор интересного материала, присланного в редакцию по электронной почте без указания должности и титула, — председатель Национального собрания Республики Армения, мы узнали только задним числом.

Филип Койл резко критикует администрацию США за намерение разместить элементы системы ПРО вблизи российских границ. С военной точки зрения это бессмысленно, считает автор, а с политической — провокационно. **Сергей Маркедонов** анализирует ситуацию в Азербайджане, стране, которая попала в центр внимания в том числе и в связи с российской инициативой в области ПРО. **Владимир Ревенков** и **Владимир Фейгин** рассуждают, возможен ли картельный сговор стран — производителей газа и соответственно станет ли «голубое топливо» орудием в большой политике.

Статьи **Сергея Лунёва** и **Андрея Давыдова** посвящены еще одному быстро растущему колоссу — Индии, которой пока удается избегать участия в формирующейся конфронтации. А **Даниел Марки** и **Владимир Овчинский** обращаются к ситуации в соседнем с Индией и весьма беспокойном Пакистане. Другой взры-

воопасный очаг, Палестина, — тема материала **Георгия Мирского**.

Новые лица европейской политики Гордон Браун (его, кстати, считают моралистом) и Николая Саркози — герои публикаций **Александра Терентьева** и **Юрия Рубинского**. Свое видение того, как монополизм на рынке программного обеспечения влияет на национальную безопасность, излагают **Павел Житнюк**, **Виталий Кузьмичёв** и **Леонид Сомс**.

В следующем номере мы обратим взоры на Восток. В статье классика американского востоковедения и гуру неоконсерваторов Бернарда Льюиса утверждается, что ответственность за «столкновение цивилизаций» лежит на мусульманах, а не на христианах. Российские ученые выскажут свой взгляд на взаимоотношения конфессий.

Каковы перспективы Шанхайской организации сотрудничества и как видят свое геополитическое будущее страны, которые в нее входят? Почему Китай вызывает в США меньшее раздражение, чем Россия? Жив ли в КНР марксизм и настоящие ли коммунисты управляют Молдавией? Способны ли Россия и Европейский союз найти общий язык?

На эти и многие другие вопросы ответят авторы осеннего номера.

Идейный багаж

Альбрехт Дюрер. Ангел с короной

“*Нагорная проповедь, «золотое правило», смирение содержат нравственный закон и для международных отношений. Только равноправие и универсальное применение международного права, где «нет ни эллина, ни иудея», может помочь восстановить управляемость мирового развития. Если мы не будем поступать с другими по-христиански, то будут ли с нами так поступать?»*”

Сдерживание России: назад в будущее? *Сергей Лавров*

8

Свобода от морали. Что ценит современная Россия?
Светлана Бабаева

22

Россия как «другая Европа» *Иван Крестев*

33

Россия и Запад: наши разногласия *Константин Косачев*

46

Сдерживание России: назад в будущее?

Сергей Лавров

Влиятельные политические силы по обе стороны Атлантики, похоже, стремятся развернуть дискуссию на тему «сдерживать или не сдерживать Россию». Судя по всему, это отражает реальные настроения и политические стратегии. Хотел бы внести в эту дискуссию свой посильный вклад.

Сама постановка вопроса о «сдерживании» России апеллирует к инстинктам прошлого. Это говорит не столько об отсутствии воображения, сколько о том, что для кого-то после окончания холодной войны почти ничего не изменилось. На весь сегодняшний мир предлагается механически экстраполировать видение структуры международных отношений, которое сложилось в ту пору в рамках западного альянса. Мотивы, которыми тогда был продиктован выбор в пользу политики сдерживания, дают себя знать и на новом историческом этапе.

КАКУЮ РОССИЮ «СДЕРЖИВАТЬ»?

В чем же может состоять задача «сдерживания» России в наше время? России, замечу, которая отказалась от идеологии, имперских и иных «великих замыслов» в пользу прагматизма и здравого смысла. Как «сдерживать» державу, которая сосредоточилась на своем внутреннем развитии и делает это неплохо? Укрепление страны в результате созидательной работы естественным образом конвертиро-

С.В. Лавров – министр иностранных дел РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». Первоначально статья предназначалась для журнала *Foreign Affairs*, однако не смогла быть там опубликована из-за того, что издание выдвинуло редакционные требования, которые автор счел неприемлемыми.

валось в упрочение нашего международного положения. Россия проводит вовне политику, которая является продолжением внутренней. У нас реалистичные и понятные устремления, а именно: поддержание международной стабильности как важнейшего условия решения задач дальнейшего развития страны и естественной эволюции международных отношений в сторону свободы и демократии.

Если проанализировать идеологическую инерцию, которая привела США к «преобразовательной дипломатии», очевидно, что между внешнеполитическими устремлениями Вашингтона и Москвы существует внушительный зазор. Надо полагать, что в этом и кроется проблема, по крайней мере ее значительная часть. У России более чем достаточный опыт революций: на них ушел весь наш XX век. Минувшее столетие явилось своего рода чистилищем для европейской цивилизации, преодолевавшей зло через изгнание своих идеологических «бесов» — разного толка экстремистских продуктов европейской либеральной мысли. Поэтому Россия не подпишется ни под каким идеологизированным проектом, тем более не заимствует его извне.

Вестфальская система, которую в определенных кругах стало модным критиковать, вывела ценностные различия за рамки межгосударственных отношений. С данной точки зрения холодная война означала движение вспять. Надо ли продолжать идти по этому пути назад, который может вести только к конфронтации?

Идеология, когда ее путают с практической политикой, застит глаза и разум. Примером служит свидетельство Збигнева Бжезинского, который утверждает, что Соединенные Штаты спровоцировали ввод советских войск в Афганистан. Но тогда получается, что США еще в большей мере, чем полагают, приложили руку к созданию «Аль-Каиды». Закон «нежелаемых последствий» чаще срабатывает там, где действует энтузиазм, вдохновляемый идеологией.

В чем смысл «сдерживания» страны, которая хочет немногого, в том числе просто торговать, чем подавляющее большинство наших партнеров занимаются веками и преуспели в этом? Реализуя свои естественные конкурентные преимущества, мы наращиваем инвестиции в человеческие ресурсы, расширяем свои возможности в деле перевода экономики на инновационный путь развития. Наша экономика приобретает нормальные параметры: ее рост во многом основывается на внутреннем потребительском спросе. Мы также вписываемся в общую тенденцию появления в новых экономиках

глобальных корпораций, бросающих конкурентный вызов «старым» ТНК. Мы намерены продолжать интегрироваться в мировую экономику на общепринятых условиях. Мы будем продолжать соответствующим образом адаптировать свое законодательство.

В отличие от Советского Союза Россия — открытая страна, которая не собирается от кого бы то ни было закрываться. Поэтому и «открывать» нас нет нужды. Не мы строим сегодня стены, как физические (между странами и внутри них), так и политические. Мы выступаем против искусственных препятствий в международном общении, за снятие визовых барьеров, в том числе в отношениях с Европейским союзом. Что может дать более надежные гарантии против непредсказуемого развития той или иной страны?

Россия стала частью всеобщего согласия в отношении того, что демократия и рынок должны составлять основу общественно-политического устройства и хозяйственной жизни. Нет сомнений в том, что мы находимся в начале пути и еще далеки от идеала. Но вектор развития выбран, и выбран бесповоротно. В итоге крайне болезненных последствий вступления России на путь беспрецедентных перемен в обществе сформировался широкий консенсус относительно их глубины и темпов. В этом — цена мира, внутривнутриполитической стабильности, эволюционного, без потрясений, развития. В конечном счете более зрелая демократия, включая развитое гражданское общество и структурированную партийную систему, станет естественным следствием более высокого уровня социально-экономического развития. Я и имею в виду прежде всего формирование значительного среднего класса, который не может появиться в стране в одночасье. В одночасье могут возникать только «олигархи», как это было у нас в начале 90-х годов прошлого века, но то время безвозвратно ушло.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГЕТИКА И РОССИЯ

России пеняют на ее естественную роль в глобальной энергетике. Тут очевидно проявляются комплексы тех стран, которые не могут пережить осознания своей зависимости от внешних источников энергоресурсов. Но энергетическая зависимость взаимна. По инициативе России на Санкт-Петербургском саммите «Группы восьми» в июле 2006-го был найден баланс интересов всех участников энергетических рынков. Ни для одной из стран — экспортеров энергоресурсов не является разумным «сидеть на трубе» или на своих запасах энергетического сырья — как собака на сене. Как и повсюду

в мире, энергетика воспринимается в России как стратегическая отрасль. Сейчас — в особенности, поскольку нам приходится сталкиваться с негативной внешней реакцией на укрепление страны и возрастание ее роли в глобальной политике. Но Россия не нарушила ни одного своего обязательства перед странами-импортерами, ни одного контракта на поставку углеводородов.

Думаю, будет верно сказать, что свою роль в мировой энергетике мы рассматриваем как средство обеспечения своей внешнеполитической самостоятельности. И похоже, что именно свобода действий и свобода слова, которые мы обрели во внешних делах и которыми, кстати, пользуемся в рамках международного права, являются главным пунктом обвинения со стороны тех, кто недоволен укреплением России.

Энергетическая политика российского правительства отвечает общей тенденции к росту государственного контроля над природными ресурсами. Так, в целом по миру 90 % разведанных запасов углеводородов в той или иной форме находится под контролем государства. В глобальной энергетике складывается новый баланс, когда контроль государств за доступом к энергоресурсам уравновешивается сосредоточением передовых технологий в руках частных транснациональных корпораций. Чем это не условия для равноправного взаимодействия, которое основано на конкурентных преимуществах каждой из сторон, объединенных общей целью обеспечения энергетических нужд мировой экономики?

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Россия начала проводить национальную внешнюю политику. И в этом, действительно, огромное отличие от того идеологически мотивированного интернационализма, который лежал в основе внешней политики Советского Союза. Многосторонняя дипломатия с опорой на международное право становится универсальным средством регулирования отношений на глобальном и региональном уровнях.

В условиях глобализации конфронтация не имеет никаких объективных оснований. Разумеется, если оставить за скобками попытки внедрения идеологии в международные отношения и их ремилитаризации. С выходом глобализационных процессов за рамки западной цивилизации конкуренция приобрела подлинно всеобщий характер. Убежден, что именно в этом заключается смена парадигмы

международных отношений. Ценностные ориентиры и модели развития теперь тоже стали предметом конкуренции. И она должна быть честной. Это — фундаментальный вызов для всех.

В свое время Франциск I, проиграв битву под Павией, писал матери, что «потеряно все, кроме чести». Точно так же никто никогда не заставит Запад отказаться от своих ценностей и своего образа жизни, если он сам того не захочет. Но при этом было бы естественно не навязывать свои ценности другим, а сосредоточиться на собственных конкурентных преимуществах. Уместно сослаться на профессора Эберхарда Зандшнайдера, который возглавляет Научно-исследовательский институт Германского общества внешней политики. По его мнению, ослаблению позиций Запада в этой конкуренции способствовала политика США последних лет, обернувшаяся «гигантской утратой имиджа Запада» в Азии и Африке. «В последние восемь лет, — считает он, — мы ничего — или почти ничего — не предприняли, чтобы сделать наши ценности привлекательными для жителей данных регионов Земли». Спрашивается, почему отвечать за это должна Россия?

На первый план в мировой политике вышли глобальные вызовы и угрозы, которые требуют подлинно глобального ответа посредством возможно более широкого международного сотрудничества. Традиционные громоздкие «обязывающие альянсы», как и «священные союзы» против кого бы то ни было, не решают этих задач. Следствием многообразия интересов и возможностей участия в разного рода международных усилиях стало развитие сетевой дипломатии как оптимального средства взаимодействия государств в двусторонних и многосторонних форматах. Логично, что дипломатия осваивает сетевой метод, выработанный частными корпорациями и гражданским обществом. Единство метода позволит обеспечить гармонию международной жизни во всех ее составляющих.

Основа новой международной системы — нарождающаяся многополярность. Эту объективную реальность уже невозможно оспаривать. И когда президент России Владимир Путин говорил в Мюнхене о том, что «однополярный мир» не состоялся, он констатировал очевидное. Опыт последних лет более чем убедительно доказал, что ни у одного государства или группы государств нет достаточных ресурсов для навязывания однополярности. При всей привлекательности такого якобы благотворного упрощения межгосударственных отношений — их выстраивания по иерархической вертикали — оно

заведомо нереалистично. Одно дело — уважать культурно-цивилизационные особенности Америки, другое — исповедовать американоцентризм.

Однополярность, если на то пошло, является покушением на прерогативы Всевышнего. Новая система международных отношений — это не анархия или беспорядочное броуновское движение. Наличие в глобальной политике более двух ведущих игроков диктует необходимость коллективного лидерства как средства гибкого регулирования международных отношений. Это требует умения приводить к общему знаменателю многообразные интересы партнеров, действовать в согласии с другими ведущими государствами.

В многополярности нет никакой конфронтационной предопределенности. Будущее, позволю себе процитировать Анну Ахматову, «бросает свою тень задолго перед тем, как войти». Таким будущим мировой политики эпохи глобализации является Организация Объединенных Наций, которая в период холодной войны зачастую лишь отбрасывала тень. В наши дни всемирная организация может и должна на деле стать центральной для всей международной системы. Устав ООН дает для этого все основания.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: РЕШАТЬ ИЛИ ОТТЯГИВАТЬ РЕШЕНИЕ?

В своем развитии международные отношения подошли к рубежу, когда в силу неделимости безопасности и процветания в мире XXI века дальнейшее откладывание решения накопившихся проблем грозит катастрофическими последствиями для всех государств.

К сожалению, унаследовав проблемы периода холодной войны, мировое сообщество вступило на путь создания новых. Идеологически мотивированное одностороннее реагирование в силу инерции, которой обладает, получило в наши дни второе дыхание. В итоге повсюду «битая посуда» — тупиковые ситуации, неразрешимые в рамках прежних подходов.

Вновь и вновь, будь то на практике в Ираке и Ливане либо на уровне анализа по отношению к Северной Корее, Сирии, Ирану или провинции Дарфур в Судане, приходится констатировать отсутствие силовых решений имеющихся проблем. Безопасность нельзя запасти впрок — это живой процесс, раскрывающий значение истины о «хлебе насущном» применительно к международным отношениям. Только нормальные отношения и сотрудничество со всеми

государствами, включая «проблемные», их вовлечение в диалог в состоянии обеспечить реальную безопасность сейчас и на обозримую перспективу. Трудно не согласиться с министром иностранных дел Германии Франком-Вальтером Штайнмайером в том, что мир должен сегодня основываться не на военном сдерживании, а на готовности к сотрудничеству. Более того, эпизод с захватом пятнадцати британских военнослужащих в Персидском заливе показывает, что человеческий фактор, включая мотивацию поведения, неадекватен задачам силовой политики, генетически противится ей. Так стоит ли упорствовать в ее проведении и заниматься самообманом?

О том, что не все ладно в чисто военном плане в Ираке, говорит число сотрудников в действующих там так называемых «частных военных компаниях». Оно уже составляет 30 % по отношению к численному составу сил коалиции. Эти лица, деятельность которых выходит за рамки международного гуманитарного права, искажают представление о реальной роли силового фактора в иракском урегулировании и наносят непоправимый ущерб межцивилизационным отношениям.

Комплексные проблемы требуют комплексного подхода. Это особенно относится к ситуации вокруг Ирана. Полагаться только на принуждение Ирана — значит вступать в прямое противоречие с интересами обеспечения энергобезопасности Европы и мира в целом. Частью решения должна стать нормализация всеми странами отношений с Тегераном, что поможет решить и задачу сохранения режима нераспространения.

Проблему Косово пытаются разрешить за счет мирового сообщества, то есть на путях создания прецедента, выходящего за рамки норм международного права. В косовском случае наши партнеры склонны поддаваться шантажу насилием и анархией, в то время как к Палестине, где это длится уже не один десяток лет, проявляется равнодушие: палестинского государства как не было, так и нет.

Абсолютная безопасность по определению возможна только в ущерб всем другим государствам. На это справедливо указывает в своей «Дипломатии» Генри Киссинджер. Такая политика обрекает на одиночество. Но химера «абсолютной безопасности» является и опасным искушением: тогда, по Фёдору Достоевскому, «все позволено». Выведение себя за международно-правовые рамки равнозначно попытке встать над нравственным законом, по ту сторону добра и зла.

Сегодняшние проблемы, включая противоречивые следствия глобализации, нельзя решить вне морали. Нагорная проповедь, «золотое правило», смирение содержат нравственный закон и для международных отношений. Это, кажется, понимала нынешняя администрация США на начальном этапе ее деятельности: президент Джордж Буш говорил о необходимости для Америки смирения в международных делах (Выступление президента США перед сотрудниками Государственного департамента 15 февраля 2001 г. — **Ред.**). Только равноправие и универсальное применение международного права, где «нет ни эллина, ни иудея», могут помочь восстановить управляемость мирового развития. Если мы не будем поступать с другими по-христиански, то будут ли с нами так поступать?

Возможно, соборность российского мироощущения делает понимание этого более доступным для нас, чем для других. Вся трагическая история России учила умению сосуществовать. Договариваться — вот путь к укреплению межцивилизационного согласия. Попытки же цивилизационного раскола мира являются повторением опыта большевизма и троцкизма.

ЕВРОПА: ПРЕОДОЛЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Особенно остро проблема преодоления наследия холодной войны стоит в Европе. Слишком долго здесь доминировала блоковая политика, основанная на логике сдерживания. И сейчас приходится сталкиваться с тем, что трудно воспринимать иначе, как воссоздание санитарного кордона к западу от границ России. Фаворитизм в этой части Европы порождает нездоровую атмосферу. Поощряется рост националистических настроений, таящих в себе главную угрозу единству континента. И значит ли это, что сохраняет свое значение прежний императив: обеспечивать присутствие США в Европе, держать вне ее Россию, а Германии не дать подняться?

Как бы то ни было, под бременем политизированного расширения ЕС европейский проект оказался отброшенным назад. Получается, что объектом политики «сдерживания» была не только Россия, но и Европа в целом как один из центров нового миропорядка. Более того, Европе грозит абсурдная ситуация, когда она должна финансировать свой собственный раскол, имея в виду неспособность Евросоюза повлиять на позицию ряда своих новых членов, одержимых стремлением «сдерживать» Россию, взять некий исторический

реванш. Глубоко убежден, что нынешние проблемы Европейского союза и европейской политики в совокупности не могут быть решены вне конструктивных и устремленных в будущее отношений с Россией, основанных на взаимном доверии. Это должно отвечать и интересам Соединенных Штатов.

Вместо этого Россию продолжают так или иначе пытаться сдерживать. Так, НАТО расширяется в нарушение ранее данных альянсом Москве заверений в том, что этого не произойдет. Сейчас продолжение курса на расширение оправдывают необходимостью «распространять демократию». Но подобные объяснения годятся лишь для наивных. Какое отношение к демократии может иметь военно-политический альянс, который в рамках своей «трансформации» последовательно повышает количество сценариев возможного применения силы?

Тем не менее тезис о членстве в НАТО как своего рода пропуске в «клуб» демократических государств провозглашают теперь уже для стран на пространстве Содружества Независимых Государств. (Хотя критерий того, выдерживает ли та или иная страна тест на «демократичность», применяется только один — готовность следовать в фарватере чужой политики.) Трудно понять, осуществляется ли подобное освоение «советского наследия» ради морального удовлетворения либо для того же «сдерживания» России.

Что касается СНГ, то ни у кого не вызывает сомнений, что Россия располагает основными ресурсами поддержания здесь социально-экономической и иной стабильности. Отказ Москвы от политизированных торгово-экономических отношений, переход на рыночные принципы — что может убедительнее подтвердить нашу решимость обеспечить нормальные межгосударственные отношения на этом пространстве?

Для сотрудничества России и Запада в данном регионе есть все условия. Но сотрудничества равноправного, уважительного, в том числе и по отношению к самим странам — участницам СНГ, которым надо помочь в становлении государственности, а не делать их заложницами пресловутой геополитической «игры с нулевым результатом».

В менталитет «сдерживания» России укладываются и односторонние планы размещения американской базы ПРО в Европе. Вряд ли случайно, что противоракетная база в Европе точно — как недостающий элемент *jigsaw puzzle* (головоломка, в которой общая картинка собирается из отдельных элементов. — Ред.) — ложится в ри-

сунок глобальной системы ПРО США, расположенной по периметру российских (а заодно и китайских) границ. Разумеется, ответ на этот стратегический вызов будет даваться на стратегическом же уровне. Никто не отменял взаимосвязь между стратегическими оборонительными и наступательными вооружениями. Многие в Европе справедливо озабочены тем, что размещение элементов национальной ПРО США будет иметь глобальные негативные последствия для разоруженческих процессов.

Предложение президента России о совместном с Соединенными Штатами использовании Габалинской РЛС в Азербайджане, его последние предложения, сделанные в Кеннебанкпорте, о создании региональной системы мониторинга и раннего предупреждения предоставляют возможность найти выход из нынешней ситуации без ущерба для достоинства всех сторон. В качестве исходного пункта подлинно коллективных усилий в этой сфере мы готовы совместно с США и другими заинтересованными странами, прежде всего европейскими, провести совместный анализ потенциальных ракетных угроз на период вплоть до 2020 года. Такая кооперация, как отметил президент Путин, могла бы привести к изменению качества российско-американских отношений в сфере безопасности и вывести их на более высокий, доверительный уровень. Мы обрели бы то взаимное доверие, которого так не хватает сейчас нашим странам, подошли бы к подлинно глобальному стратегическому союзничеству, которое позволит продвигаться к новой многосторонней системе коллективной безопасности, создание которой нам завещали отцы-основатели ООН.

Стремление сдержать Россию ясно просматривается и в ситуации вокруг Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Мы подходим к этому документу честно и претендуем только на то, ради чего он был принят, — на равную безопасность. Проблема, однако, в том, что принцип равной безопасности был подорван с роспуском Организации Варшавского договора при одновременном сохранении и расширении НАТО. Попытки же исправить ситуацию натолкнулись на категорический отказ членов Североатлантического альянса ратифицировать Соглашение об адаптации ДОВСЕ к новым условиям под предлогами, юридическая несостоятельность которых понятна любому, кто читал документы Стамбульской конференции 1999 года. Значит, речь опять-таки идет не о праве, а о политике. Той самой политике «сдерживания».

Уровни вооружений, приходившиеся, согласно ДОВСЕ, на государства — члены Организации Варшавского договора, перекочевали в натовскую квоту. Это уже не «равная безопасность», а желание забрать то, что принадлежало другим. Такая ситуация говорит о попытке воспроизвести блоковые инстинкты и подходы, вернуться к логике «игры с нулевым результатом». Положение дел с ДОВСЕ — яркий пример того, что любой элемент глобальной или европейской архитектуры безопасности, который не основан на принципах равноправия и взаимной выгоды, не может быть устойчивым.

В конечном счете, раз мы не можем адаптировать этот старый инструмент к новым реалиям, не пришло ли время провести обзор создавшегося положения и начать разработку новой системы контроля над вооружениями и мер укрепления доверия? Если, разумеется, мы сочтем, что современная Европа в ней нуждается. А откровенные и честные обсуждения в Кеннебанкпорте дают надежду на то, что пути к введению в действие адаптированного ДОВСЕ могут быть найдены. Это возможно, если все будут выполнять взятые на себя юридические обязательства, не прячась за искусственными политическими увязками.

Может быть, в целом было бы лучше «расчистить» площадку европейской политики от всего наследия холодной войны и начать строительство новых, отвечающих требованиям времени структур контроля над вооружениями и системы мер укрепления доверия, раз уж мы больше не противники и не хотим создавать ложное ощущение того, что в Европе возможна война?

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЗ ДОВЕРИЯ?

Путь к доверию лежит через откровенный разговор и аргументированное обсуждение, а также взаимодействие, предполагающее совместный анализ угроз. Именно в этом, последнем, России отказывают без внятных на то оснований. От России, по существу, требуют слепой веры в аналитические способности и добрые намерения партнеров. Но в вопросах, затрагивающих национальную безопасность, это, как минимум, несерьезно.

Мы будем реагировать в интересах поддержания собственной безопасности, станем делать это на основе принципа разумной достаточности. При этом всегда останется открытой дверь для позитивных совместных действий по обеспечению общих интересов на основе равноправия.

Выступая в Мюнхене, президент Владимир Путин пригласил всех наших партнеров к серьезному, аргументированному разговору о том далеко не удовлетворительном положении, которое сложилось в международных отношениях. Убежден, что прошло время двойственного — партнер/противник — отношения к России. На этих путях не решить проблему доверия, а значит, и сотрудничества. Если кто-то намерен «давать отпор негативному поведению России», то на чем основано ожидание сотрудничества с нашей стороны в тех вопросах, которые интересуют партнеров? Надо выбирать между «сдерживанием» и сотрудничеством. В том числе в таких вопросах, как вступление России в ВТО и Азиатский банк развития или поправка Джексона — Вэника, основания для которой исчезли в конце 80-х годов прошлого века.

Прискорбно, что даже в таком предельно ясном вопросе, как необходимость пресечь возрождение неонацистских тенденций и оскорбление памяти победителей фашизма, позиция многих наших западных партнеров формируется под воздействием все того же желания «сдерживать» Россию.

В условиях глобализации вызовов и угроз безопасности есть большая разница между сотрудничеством и его отсутствием, между коллективным образом действий и необходимостью для каждого государства или группы государств действовать на свой страх и риск либо полагаться на чужую мудрость, безапелляционно предлагаемую как единственно возможный рецепт решения мировых проблем. Мы несем свою ответственность в мировых делах: никто не сделает этого за нас. У нас нет комплекса исключительности, но нет и оснований считать свой анализ и свои идеи хуже, чем у других. Взаимодействие с Россией возможно только на основе полного равноправия, уважения интересов безопасности друг друга и обоюдной выгоды.

РОССИЯ — США: РАВНОПРАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В российско-американских отношениях пока действует стабилизирующий фактор тесных и честных рабочих взаимоотношений президентов Владимира Путина и Джорджа Буша, что вновь ярко продемонстрировал недавний саммит в Уолкерс-Пойнте. У обоих народов сохраняются память общей победы над фашизмом, по-своему объединяющий опыт холодной войны и совместного выхода из нее.

Если в отношениях между Россией и США возобладает равноправное партнерство, обе страны, убежден, будут способны добить-

ся почти всего. Чего допустить нельзя, так это поставить российско-американские отношения в зависимость от электоральных циклов двух стран или, еще хуже, позволить сделать это кому-то со стороны. Это означало бы «умыть руки», отвернувшись от жизненно важных интересов наших народов, интересов глобальной стабильности.

Борьба с международным терроризмом, оргпреступностью и наркотрафиком, поиск реалистичных путей охраны климата, развитие ядерной энергетики при укреплении режима нераспространения, обеспечение глобальной энергобезопасности, освоение космоса и многое другое — стоит ли приносить все эти области уже развивающегося практического сотрудничества на алтарь политики «сдерживания»?

Было бы печально, если бы инерция блоковых подходов (к тому же теоретически кодифицированных возвращением к сдерживанию), а также ненужная поспешность в вопросах, которые вполне могут подождать, спровоцировали отчуждение между Россией и США. Это привело бы к сокращению пространства нашего взаимодействия. Такой эффект «шагреневого кожи» может задать свою динамику в отношениях, особенно если рядовых американцев будут убеждать в том, что Россия виновата чуть ли не во всех бедах их страны.

В России нет столь распространенных антиамериканских настроений, как в иных местах. И если вспоминать Джорджа Кеннана, хотелось бы, чтобы не только цитировали «длинную телеграмму», но и последовали бы его совету о том, как внешний мир должен был бы себя вести (без менторства и навязывания) в постсоветский период развития России. В этом плане не могло прийти более чем кстати создание под сопредседательством Генри Киссинджера и Евгения Примакова рабочей группы «Россия — США: взгляд в будущее». Президенты Владимир Путин и Джордж Буш активно поддержали это начинание, как и формирование группы Владимир Лукин — Джессика Мэтьюз для непредвзятого обсуждения вопросов, касающихся развития демократии и обеспечения прав и свобод человека.

С обеих сторон требуется широкий, незашоренный взгляд на вещи. Такой подход могло бы предоставить восприятие России и Соединенных Штатов как двух ветвей европейской цивилизации, каждая из которых привносит в нее свою «добавленную стоимость». Мы могли бы встретиться за «общим столом» на почве европейского мироощущения. Практической формулой сохранения целостности

евро-атлантического пространства в глобальной политике могло бы стать тройственное взаимодействие в международных делах — между США, Россией и Евросоюзом. Могут только согласиться с Жаком Делором, который считает, что «будущее развитие должно привести к достижению всеобъемлющей договоренности» в рамках этой «тройки». Бывший председатель Комиссии Европейских сообществ полностью прав в том, что «Россия, Европейский союз и Америка — три политические силы, которые привыкли дискутировать друг с другом», а «всякий раз, когда их разделяют разногласия, когда каждая сторона играет в свою собственную игру, значительно возрастет риск общемировой нестабильности».

Видный литературный деятель российской эмиграции Георгий Адамович как-то заметил, что пессимизм порождается столкновением с людьми, в отношении которых не осталось никаких иллюзий. Убежден, что к этой категории нельзя отнести ни Россию, ни США.

Думаю, что мы не потеряли способность удивлять мир. Поодиночке это удастся и Москве, и Вашингтону. Почему бы не попытаться сделать это сообща? Тем более что всем придется тесниться в глобальной экономике и политике. Так отчего бы не быть вместе и не действовать в духе сотрудничества и здоровой, честной конкуренции на основе единых стандартов и уважения международного права? Делить нам нечего, кроме общей с другими партнерами ответственности за судьбы мира. Тем самым мы оказались бы на высоте предсказанной Алексисом де Токвиллем великой будущности наших двух стран, а заодно смогли бы «сдержать» тех, кто пытается лишить современный мир неоспоримых выгод, которые несут в себе российско-американское да и в целом евро-атлантическое партнерство.

Июльская встреча президентов России и США с участием Джорджа Буша-старшего показала, чего можно достичь «командной работой». Оба лидера договорились искать общие подходы к вопросам ПРО и сокращения стратегических вооружений, они запустили новую совместную инициативу по ядерной энергетике и нераспространению. Символично, что вместе они также рыбачили, но не «ловили рыбу в мутной воде».

Свобода от морали. Что ценит современная Россия?

Светлана Бабаева

«В прошлом году здесь, на форуме, прозвучал тезис о так называемых странах-идеях. Россия именно такая страна. Страна, которая стремится к построению справедливого общества, основанного прежде всего на моральных ценностях». Эту фразу Владимир Путин произнес в июне, выступая на экономическом форуме в Санкт-Петербурге.

Примерно с весны тема морали регулярно возникала в выступлениях Путина, человека скорее прагматичного, чья сентиментальность спрятана глубоко внутри. Зачитывая ежегодное Послание Федеральному собранию РФ, он вдруг заговорил об «объединяющих нас моральных ценностях», которые представляют собой «такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность». В конце речи президент вновь вернулся к этой теме, причем в выражениях, которые в его активном лексиконе обычно не присутствуют; невнимание государства к проблемам людей он назвал «аморальным».

Структура этого послания была больше технократической (за исключением слов о Ельцине) и жанрово не требовала «лирических отступлений». Оттого эти четыре абзаца выглядели особенно необычно, причем Путин возвращался к теме дважды. Спустя полтора месяца он вновь обратился к теме справедливости и моральным ценностям. То, что слово «справедливость» в России весьма популярно и наделяется чуть ли не сакральным смыслом, подмечено давно и многими: историками, философами, политологами, социологами. Однако факт появления в выступлениях главы государства суждений, связанных с понятием «мораль», примечателен.

С.В. Бабаева — политический обозреватель.

В чем-то схожие мотивы зазвучали и в выступлениях замглавы президентской администрации Владислава Суркова. Более того, от источников известно, что некоторые в Кремле полагают: следующий президент, кто бы им ни был, должен будет обязательно, помимо нефти и газа, заняться темой моральных и нравственных норм общества.

Похоже, потребность в морали стала ощущаться даже в столь высоких сферах...

Но и «обычный» российский воздух начал насыщаться данной темой. В этом кроется одно из объяснений невероятно высоких рейтингов фильма Павла Лунгина «Остров». До сего дня ни один продукт ни одного телеканала не смог приблизиться к показателям этой ленты (сама она уступает лишь новогоднему телеобращению президента). Рейтинги «Острова» говорили о том, что люди испытывают потребность не столько в религии, сколько в неких моральных ориентирах, в представлениях, «что такое хорошо и что такое плохо».

ОБ ИДЕЙНОМ ВАКУУМЕ

Что известно о ценностях сегодняшней России? Что поощряется окружающими людьми, друзьями, обществом в целом, государством? Что считается стыдом, позором, социально безответственным поведением, бесчеловечностью, наконец?

После 20 лет тектонических изменений, которым подверглась наша страна, непросто сформировать сетку новых нематериальных взаимоотношений. Вспоминая американского исследователя Абрахама Маслоу, можно констатировать: сначала происходит удовлетворение наиболее насущных, базовых нужд человека (кров, еда), а также потребности в безопасности, и затем дело доходит до духовных ценностей и высоких осознаний. Но первейшая необходимость — обустройство быта. (Тут стоит добавить, что у многих дальше быта часто не движается, но и он строится не только на логике пещерного выживания.)

К тому же полностью трансформировалась сама структура общества. Не просто люди в одночасье всё потеряли, а теперь потихоньку восстанавливают нажитое непосильным трудом. Изменились рейтинги престижности профессий и занятий, критерии успеха в жизни, в семье и на работе, понятия уважаемого и желаемого; изменилась также иерархия целей и задач. Процесс этот на сегодня еще не завершен.

Идейный вакуум, помноженный на неопределенность материального бытия (по-прежнему очень дикий этот русский рынок), порождает либо невозможность ставить цели и воплощать в жизнь

мечты, за которой следует уход от реальности, либо агрессию и нежелание развиваться. Возникает «радость одного дня», тогда как, если верить мудрецам, именно умение выходить за рамки настоящего момента и учитывать отдаленные последствия выделяют человека из мира других живых существ.

Известный психолог Ролло Мэй оперировал понятием «ролевая неопределенность». Он говорил о культурных нормах, которым человек оказывается не в состоянии следовать. Это порождает фрустрацию, а та в свою очередь — жесткость и консервативность. Таковы механизмы защиты человека от несоответствия себя — миру. И другим людям.

Сейчас экономика растет, вера людей в будущее крепнет, даже пессимисты признают: в лучшую сторону меняется многое, причем в разных слоях. Однако не всегда материальный взлет порождает нематериальное одухотворение, которое со своей стороны создает истины, скрепляющие общество и позволяющие ему развиваться. Получается некое движение без вектора и смысла.

Общественная жизнь условно разделилась на два генеральных направления — бизнес и гламур. Политика туманна, социальное проектирование несуразно. Поэтому одни упиваются Куршевелем, другие — пивом. Кому что доступно. И все — пусть и на разных уровнях — занимаются благоустройством жизни. Для одних цель — выйти на ностальгическую советскую благодать, которая, правда, за 20 лет претерпела в памяти людской весьма значительные метаморфозы и ныне воспринимается совсем не такой, какой была на самом деле. Многолетние мечты о покупке телевизора или мебельного гарнитура, многочасовые очереди за колбасой забылись...

Да, приятно переезжать из маленькой «двушки» в просторную «трешку», менять отечественную машину на иномарку, смотреть японский (даже корейский) телевизор и носить французскую сумочку. Но, как известно, «не хлебом единым...».

Возможно, отчасти потому в одних классах расцветает гипертрофированный до бессмысленности гламур, а в других — немотивированная агрессия. На нее можно напороться всюду — от бытовых уличных проявлений до внешнеполитических тирад с трибун. Можно просто понаблюдать за поведением разных представителей рода человеческого: огромное число людей норовят других обогнать, прижать, толкнуть. И в прямом, и в переносном смысле. Процветает либо стремление утвердить собственную значимость через унижение другого (подчас намеренно неосознанное), либо ледяное равнодушие.

Сегодня театры, книги, вечеринки — это скорее вариант эскапизма (от англ. *escape* — бегство, побег, уход от реальности. — Авт.), попытка заполнить вакуум, образующийся в перерывах между деланием карьеры и денег.

Такого рода побег присущ всем, даже самым успешным и прагматичным, слоям. Он отражает как раз то, чего недостает: смыслов, душевности, единения с чем-то. Уютного, доброго, надежного, понятного, вечного... «Предмет ностальгии общества очень хорошо характеризует то, чего на самом деле ему не хватает, — говорит руководитель ВЦИОМа Валерий Фёдоров. — Порядка, организации жизни, наконец, объединяющих факторов и даже объединяющих ритуалов. Согласитесь, не может же таковым быть лишь пиво...»

Социальный дарвинизм утомителен. А в Куршевель, как заметил недавно один преуспевающий бизнесмен, «хотят не все...». Российское общество уже многие годы живет без каких-либо моральных ориентиров, принятых устоев и единых, скрепляющих понятий. Но окружающая жизнь не может сколь угодно долго основываться лишь на ярко выраженной силе, бесконечных деньгах или вхожести. Жизнь все равно потребует чего-то, что лежит в иной плоскости. Можно назвать это непреходящими ценностями. В противном случае начнется необратимая маргинализация общества. Впрочем, россиян пока трудно назвать обществом — это больше среда, состоящая из взвеси отдельных частиц, занятых всплыванием на поверхность или обреченно опускающихся на дно.

Ныне социальная волатильность снижается, у людей впервые почти за два десятка лет появляются время и место, люди смотрят по сторонам и уже начинают задумываться о неких неписаных правилах, о смыслах. Повзрослело поколение 1990-х, одни примирились, другие устроились, сняли малиновые пиджаки, выучили языки, обзавелись хозяйством, подросли дети. И они наткнулись на извечную проблему. Поколенческие конфликты «отцов и детей» существовали веками и никуда не исчезнут в будущем, говорят социологи. Но веками существовал также и другой принцип: родители обязательно прививали детям набор базовых принципов жизни. Сегодня они столкнулись с вопросом: что прививать?

Современное общество, в сколь бы правильном («капиталистическом», «буржуазном» — называйте как хотите) направлении оно ни развивалось, по-прежнему не создает базу для неких единых ценностей, общепринятых понятий.

Есть очевидные хрестоматийные (библейские, устоявшиеся) истины типа «не убий». А вот даже с «не укради» все выглядит по-дру-

гому. Пример: сидит менеджер в компании и видит, как его начальник нещадно «заводит» тучу денег к себе в «боковик». Как он должен на это реагировать сам и кем считать начальника? Даже не в смысле прямых прикладных действий — «настучать» выше, написать заявление в прокуратуру, последовать примеру, — а на уровне восприятия. Он должен им восхищаться? Потому что тот такой бойкий и все успевает. Презирать? Потому как получается, что тот обкрадывает компанию, страну, а стало быть, и его конкретно — и как менеджера, и как человека. Не замечать? Мол, я не могу ни повлиять, ни пресечь — так чего тратить силы?..

Другой пример, встречающийся ежедневно, — поведение на дорогах. Когда самоуверенное чужеродно, подставляя бок, влезает в ряд, чтобы проехать побыстрее, это что? Ему можно — он торопится? Ему можно — он большой и богатый? Он сволочь, но не связываться же с ним — ведь на каждую такую выходку никаких нервов не хватит. На Западе человека, проехавшего «под кирпич», «обморгают» дальним светом либо окатят ледяным презрением. Если он не увидел знака или заблудился, ему попытаются вежливо об этом сказать. Но если же он сознательно нарушил правила, потому что *ему* так удобно, — он пренебрегает именно общепринятыми нормами. Даже не с точки зрения закона — полиция там под каждым «кирпичом» не прячется. Нет, именно неписанные правила тут важнее: нарушитель поставил себя выше других и не уважает тех, кто рядом. (Бывает, что и в Европе периодически ездят без ремней безопасности и «помаргивают» друг другу, предупреждая о полицейских с радарами, но ведь это находится где-то на обочине базовых понятий жизни, по которым общество едино). Как сформулировал один европейский журналист, богатый ездит на «роллс-ройсе», бедный — на старой «школе», но правила дорожного движения для всех одни.

Подобных примеров в России можно найти до бесконечности много. Когда власть ездит на дорожных машинах с пятью сопровождающими — это что? Когда выпивают в сквере на глазах у детей — это как? Когда костер разжигают в лесу? Когда растят детей, им что нужно говорить: обманывать других нехорошо, так как на чужом несчастье счастья не построишь, или — обманывать других можно, потому что «человек человеку волк», «не будь лохом и лови момент»?..

Тут нужно разделить ценности индивида и ценности социума. Они не взаимоисключают, а, пожалуй, дополняют друг друга, хотя и не всегда являются копией лишь в разных масштабах. Самый яр-

кий пример: за внебрачные отношения в большинстве западных обществ уже не объявляют изгоем, но это вовсе не означает, что общественная мораль предписывает всем становиться свободными кроликами. Социально успешная, процветающая личность есть пример для подражания, но из этого не следует, что на уровне семьи детям с раннего возраста вдалбливают схемы быстрого заработка и карьерного пируэта. Скорее наоборот: на начальных этапах развития личности поощряется именно узнавание цены денег и опыта. Недаром во многих вполне преуспевающих семьях западного мира подростки не считают зазорным поработать на каникулах.

Еще один типичный для западных обществ подход: сражаться за свою страну, за свой народ почетно, и отдавший за это жизнь становится героем. Но если для того, чтобы сохранить жизнь, нужно сдать в плен, — сдавайся. Ценность жизни превышает всего, и даже будучи пленным ты считаешься героем (в России — скорее предателем или, по меньшей мере, слабаком).

Наконец, сугубо бытовой срез: расслабиться в пятницу, после трудовой недели, в баре — это нормально. Люди должны снимать напряжение, в том числе и выпивкой. Но это не значит, что именно такое «расслабление» становится нормой для нации всюду и при любых обстоятельствах. Нет, все строго сегментировано: бары для пива, парки для прогулок, дорожки для велосипедистов. Хотя все вместе предназначено для одного — отдыха и снятия стресса.

Во главу угла ставится реализация отдельно взятой личности через уважение к себе и уважение к другим. А в сумме семейные, социальные и экономические законы, нравы и обычаи дают тот самый кумулятивный эффект, благодаря которому уже многие годы (если не века) десятки других стран взирают на западный мир с завистью, переходящей либо в желание подражать, либо в ненависть.

А в России? Ее проблема двойная: ей предстоит формировать и ценности общества, и ценности индивида. Но какие ценности должны быть предложены, кто (или что) может стать их источником и носителем? Ныне это главный вопрос.

УСЛОВИЕ НЕОБХОДИМОЕ, НО НЕДОСТАТОЧНОЕ

Исторически в России все основные нормы, понятия, действия и установки шли сверху, от правящего класса. Впрочем, о классе носителей и хранителей ценностей всего общества говорили и древние.

«То, что почитается ценным у власть имущих, неизбежно явится таковым и в представлении остальных граждан», — писал Аристотель.

Философ жил в эпоху классовых обществ, но и сегодня даже сторонники либеральной демократии западного образца считают: значительную роль в формировании правил и норм может и должно играть государство. Фрэнсис Фукуяма в своем «Великом разрыве» утверждал: «Изречение “нельзя предписать мораль” верно только отчасти: государство не может заставить индивидов следовать нормам, которые идут вразрез с важными природными инстинктами или интересами, но оно может (и делает это) формировать неформальные нормы. Отказ в 1960-х годах от сегрегации в США благодаря законам о гражданских и избирательных правах сыграл решающую роль в изменении общественных норм, касающихся расовых вопросов».

Но, пожалуй, наиболее актуальное для современной России определение дал все тот же Ролло Мэй. Он вспоминал Спинозу, писавшего о «свободе от страха». По его мнению, — говорит психолог, — государство должно «освободить каждого человека от страха, чтобы он мог жить и действовать, чувствуя свою защищенность и не причиняя вреда себе и своим ближним».

Таким образом, именно на правящем слое лежит особая ответственность если не за реализацию, то, по меньшей мере, за инициализацию объединяющих истин. Понятий, которые превращают страну из разрозненных атомов в общество. Они не начнут произрастать снизу, а если что-то и начнет произрастать, то скорее маргинализированно-силовые представления о жизни, которые одних окончательно испортят, другими будут отвергнуты, а третьими попросту не замечены.

Об этом и пишет заокеанский исследователь: «Маловероятно, что виды эндемического недоверия, которые существуют в Южной Италии или современной России, когда-нибудь в ближайшем будущем исправятся сами по себе. Естественных способностей их населения создавать спонтанный порядок не будет достаточно для того, чтобы изменить культурные стереотипы поведения» (Фукуяма). Но подобными же мыслями делятся и признанные российские авторитеты: «Государственная власть в своих действиях еще ответственней, чем рядовые граждане, обязана соблюдать моральные рамки. Это может служить показательным образцом, но не формой насильственного установления», — утверждал около года назад Александр Солженицын.

Однако вот проблема: никто из тех, кто высказывался в последние месяцы на тему моральных норм, так и не уточнил, что под ними подразумевает, каким бы хотел видеть российское общество, скажем, через 5–8 лет, что он сам считает моральным, а что — безнравственным. Путин говорил об «уважении к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории». Однако все это — в значительной степени призыв уважать наследие. Речь идет об устоях традиционалистского толка, которые, несомненно, должны присутствовать в культуре любого народа. Но в условиях открытого глобального информационного общества только их уже недостаточно. Более того, буквальное следование этим заветам скорее замедлит развитие социума, нежели подтолкнет, ухудшив тем самым перспективы еще и в мировом состязании. Вряд ли можно сформировать представления о том, что такое хорошо и что плохо, лишь на базе языка и самобытной культуры, особенно в российской мультикультурной среде. То есть это условие необходимое, но недостаточное.

Еще Путин говорил о справедливости, но и с этим понятием не все так просто. К примеру, глава института «Общественный договор» Александр Аузан на своих лекциях «категорически отказался» применять данный термин в ближайшие годы в силу его скорее разъединяющего, чем объединяющего значения. По оценке некоторых политиков, справедливость в России еще лет 15 будет ассоциироваться в первую очередь с принципом «все взять и поделить», хотя доля сторонников этого подхода станет сокращаться по мере развития экономики и вхождения во взрослую жизнь поколения, не изведавшего советского равенства.

Но и иных примеров расхождений вокруг понятия «справедливость» немало. Например, одни считают, что в 1990-е годы при всем их кошмаре для большинства населения основа была заложена верная: частная собственность и свобода личности; но потом это исчезло, появилось другое: собственность может быть свободно перераспределена, свобода личности — замещена умением играть по правилам.

Другие с такой постановкой вопроса не согласны, полагая, что невзирая на огромное количество издержек и «загогулин» страна движется в правильном направлении, поскольку создается не только инфраструктура экономики в целом, но и инфраструктура жизни простого обывателя (те самые телевизор-машина-дача-школа-зарплата). Как только тот осознает, что ему есть что терять, и задумается,

мается, как двигаться дальше, он поставит вопрос о справедливости жизни совсем по-иному. Один из исследователей общественных настроений заметил: «Мы теперь понимаем, где мы. Сегодня нет революционных настроений, общество стабилизировалось, появились цели, ушел прежний беспредел, возникли правила игры. Но при этом у многих есть понимание: эти правила неправильны».

Российское общество действительно нуждается в корректировке огромного числа сегментов жизни именно с точки зрения несправедливости – от трудовых отношений в корпорациях и небольших фирмах до сотрудников ГИБДД на дорогах, избирательно оценивающих безопасность вождения; от калькуляции пенсий до равнодушия работников сферы обслуживания, включая государственную. Но слово «справедливость» лучше все же пока оставить в покое. По крайней мере до тех пор, пока оно не обретет единого смысла для значительного числа граждан. В качестве его замены можно предложить иные понятия: доброта, уважение.

ВРАЧ, ИЗЛЕЧИ СЕБЯ САМ!

Но здесь возникает особая трудность. Сегодняшние исследования показали: люди не верят никому, кроме своей семьи и пары близких друзей. Уровень доверия к институтам таков, что, даже возникни у сегодняшнего государства желание бросить объединяющий всех клич, его не услышат либо ему не поверят. Таким образом, государству (или отдельным его представителям) неизбежно придется для начала заниматься собственной репутацией, репутацией институтов, иначе же ни о каком увеличении радиуса доверия говорить не придется.

А эффективности здесь нельзя добиться без еще одного очень важного фактора – открытости, из которой, в свою очередь, вытекает ответственность. Представители социальных наук говорят: мораль возможна в тех обществах, где есть свободная публичная циркуляция информации. Потому что, как писал Эрих Фромм, «при отсутствии информации, обсуждения и власти, способной сделать решение эффективным, демократически выраженное мнение людей имеет значение не большее, чем аплодисменты на спортивных соревнованиях». Приятно, могут менять настроение, но не вектор развития.

Деталь из жизни российского общества. Несколько лет назад, когда СМИ пристально следили за тем, на чем ездят чиновники, в чем ходят, где отдыхают, а самих чиновников периодически встряхивали кампаниями по пересадке на «Волги» (пусть и не всегда разумными),

считалось не очень приличным кататься на последней модели *BMW* или *Toyota*. Даже если само подобное «наведение справок» подчас не углублялось в моральные нормы и имело вид «жареных» расследований, цель достигалась: многие чиновники опасались *так* себя вести. Что сегодня? За последний год в Москве произошла качественная, видимая смена автопарка ведомствами и ветвями власти. Сегодня для чиновника ездить на автомобиле, цена которого не опускается ниже 100 тысяч долларов, *не считается неприличным*. Для сравнения: размеры пенсий в стране составляют 100–300 долларов.

Тот же подход можно отнести и к представителям бизнеса, у которых гонка за роскошью приобретает экстравагантные формы и масштабы. Как заметил один из современников, «в любом обществе важна доля ханжества; у нас же в плоскости морали еще не закончилась эпоха малиновых пиджаков».

Тут стоило бы сказать о коррупции, о том, как во многих странах негативное явление начинало убывать после того, как удавалось поменять к нему *отношение* целых слоев общества. Изменение отношения — это то, что подчас становилось поворотным пунктом в развитии обществ, меняло их будущее с «отрицательного» на «стабильно положительное», и то, чего сейчас жизненно не хватает России. Почему? Потому что по бесконечному количеству поступков и явлений понятия, *как к этому относиться*, нет вовсе.

Но здесь подстерегает другая проблема, и именно ее, кстати, больше всего опасаются даже те, кто считает морально-нравственные темы для России весьма актуальными. Эта опасность — кампанейщина, которая мгновенно девальвирует любое слово, действие либо феномен. Как заметил один исследователь, «лучший способ дискредитировать сейчас любые размышления о морали — сделать так, чтобы о морали заговорили все, а партии включили ее в предвыборные программы...».

И, наконец, еще одна проблема — конкретные личности-носители. По выражению одного политолога, «говорить есть о чем, но непонятно кому...». По мнению социологов, моральными авторитетами в глазах российских граждан не являются даже Солженицын или патриарх. Либо, считают одни, появятся некие необычные, яркие персоны, этакий «Путин 1999 года» (не в смысле неожиданного преемника, а в смысле носителя чего-то нового, чего общество уже ждет), либо об этом так или иначе действительно должен будет заговорить следующий президент. После чего, возможно, появятся и другие носители.

Потому что в противном случае может возникнуть иная опасность. Общество, как уже было сказано, не может сколь угодно долго жить в состоянии нравственной неопределенности и социальной турбулентности без того, чтобы не вытолкнуть что-то из себя в качестве защиты от стрессов, происходящих в мире. Одно время не без участия властей раскачивали тему ксенофобии. Однако тут же бросились «закапывать» ее обратно, когда заметили, в какой геометрической прогрессии она набирает популярность в массах, ищущих, на ком бы выместить всю неустроенность и обиду жизни.

Ныне можно заметить другое: аккуратные попытки обратиться к церковному опыту. Но, к сожалению, это — обращение не к христианским заповедям, а к церковным догмам. Обратившись к Богу, мы рискуем встретиться с *институтом*. Чья консервативность, если не сказать реакционность, признается даже многими религиозными людьми. Но поскольку больше обращаться не к чему — опять же при попустительстве или мягком одобрении правящих слоев, — можно ожидать в некотором роде конвульсивного поворота в сторону традиционалистских устоев.

Эта одна из оборотных сторон глобализации уже заметна в целых регионах мира. Потерянность себя в современном космосе (а в российском случае — в хаосе и недореализованности) порождает желание обрести что-то понятное, простое, даже тоталитарное. Лидера, который заклеит низкое, распознает высокое, укажет истинное, направит и сам возглавит поход. В итоге, особенно если Россия продолжит заигрывать с темой консервативных ценностей, она может получить совершенно иного лидера — Савонаролу, помноженного на Гапона и Распутина. Революционера-реакционера.

Пока особо плодородной почвы для появления такой персоны нет. Но это не значит, что она не возникнет в последующие годы. «Порядок из хаоса», но совсем не в трактовке физика Ильи Пригожина — нобелевского лауреата. Это будет российская трактовка.

Потому что чем глубже окажется падение нравов и чем дольше оно будет длиться, тем более крутые меры по исправлению могут быть предложены или востребованы. Но радикальных шагов и в российской, и в мировой истории было достаточно. В том числе по укоренению новых ценностей и нравов. От крестоносцев до великой инквизиции, от исламских до социалистических революций. Сейчас в сфере человечности хотелось бы обойтись без радикализма.

Россия как «другая Европа»

Иван Крестев

Чего в действительности добивается Россия? Кто она: новая имперская держава, стремящаяся господствовать над более слабыми соседями, либо постимперское государство, защищающее свои законные интересы? Относится ли Москва к Европейскому союзу как к стратегическому партнеру, или она считает его угрозой для своих амбиций в Европе? Насколько стабилен режим Путина? Насколько устойчив экономический рост России? Каковы долгосрочные интересы и краткосрочные опасения Кремля?

Историк Мартин Малия говорил, что Запад отнюдь не обязательно испытывает наибольшую тревогу, когда Россия больше всего настораживает, либо максимальное спокойствие, когда Россия больше всего обнадеживает. Запад наиболее встревожен, когда озадачен и сбит с толку поведением Москвы.

Путинская Россия пугает как раз этим. В ней сочетаются качества восходящей мировой державы и слабого государства с коррумпированными и неэффективными учреждениями. Режим Путина одновременно кажется крепким, как скала, и чрезвычайно уязвимым. Экономический рост выглядит впечатляющим, но в то же время неустойчивым. Российская внешняя политика — это загадка. Чем более капиталистической и похожей на Запад становится Россия, тем более антизападный курс она проводит.

ВОЗРОЖДЕНИЕ УГАСАЮЩЕЙ ДЕРЖАВЫ

Сегодняшняя европейская реальность — это новое восхождение Москвы как угрозы для соседних стран, как крупного, но недружест-

Иван Крестев — председатель совета Центра либеральных стратегий (София), главный редактор болгарского издания журнала *Foreign Policy*.

венного и ненадежного игрока на политической арене, однако при этом важного партнера и собеседника Запада.

Возрождение России приходится на то время, когда мировая гегемония США ослабевает, а ЕС переживает глубокий кризис неуверенности в своих силах. Оно происходит в эпоху «фундаментальной неоднородности и противоречий, присущих как природе политических образований, так и характеру трений, солидарности и борьбы между этими образованиями». Поэтому вопрос в том, насколько серьезен вызов, брошенный Россией, и что привело к нынешнему кризису в отношениях? Является ли Россия восходящей державой, или это угасающая, но временно воспрявшая империя?

Взлетевшие цены на нефть и газ сделали богатую энергоресурсами Россию более могущественной, менее склонной к сотрудничеству и более высокомерной. Нефтедоллары, наполнившие государственную казну, существенно уменьшили зависимость от внешнего финансирования. Сегодня Российская Федерация занимает третье место в мире по объему золотовалютных резервов, имеет огромное положительное сальдо по текущим операциям и выплачивает последние долги, накопленные в начале 1990-х годов. Россия больше не уповает на западные займы. Зато на российские нефть и газ теперь уповает Евросоюз.

С начала XXI века военные расходы Москвы выросли в шесть раз, а российские разведывательные сети проникли во все уголки Европы. Кремлю на какое-то время удалось умиротворить Чечню и вернуть себе стратегическую инициативу в Центральной Азии. Влияние Москвы на мировую политику также существенно возросло. Тупик, в который зашел Совет Безопасности ООН в вопросе о статусе Косово, стал последней демонстрацией новой реальности: Россию больше нельзя игнорировать. В общем, появилась новая восходящая держава, которая не только не собирается выслушивать чьи-то нравоучения, но уже готова и сама поучать других.

Экономический рост России — это, в основном, следствие растущих цен на энергоносители. Уровень технологической модернизации по-прежнему очень низок. Бюджет страны примерно на 30 % покрывается за счет экспорта энергоносителей, формируется классическое «нефтяное» государство с присущими ему коррупцией и неэффективностью. Недостаток инвестиций в разработку месторождений грозит прекращением дальнейшего роста экспорта и создает риск дефицита энергоресурсов на внутреннем рынке.

Уровень жизни вырос, но страна остается бедной. Социальное неравенство стремительно растет, а уровень образования продолжает падать. Ни один российский университет не входит в число ведущих учебных заведений мира. Алкоголизм и пришедшая в упадок система здравоохранения чреваты демографической катастрофой: население сокращается на 700 тысяч человек ежегодно в последние восемь лет, а эпидемия ВИЧ/СПИДа еще не достигла пика. Средняя продолжительность жизни мужского населения одна из самых низких в мире.

Несмотря на недавние внешнеполитические инициативы, Москва остается сравнительно изолированной в мировой политике. Все это делает Россию угасающей державой в опасно непредсказуемом мире.

История российского присутствия в мировой политике свидетельствует о том, что международной силой первой величины страна была только в две исторические эпохи: от царствования Петра I до 1815 года и от победы под Сталинградом в 1943-м по 1980-е годы. Достигалось это оба раза благодаря тому, что репрессивной государственной власти удавалось максимально мобилизовать скудные ресурсы. В обоих случаях Россия пыталась уравновесить свою бедность западными методами организации, в то же время избегая политической зависимости от западных держав. Неужели история повторится еще раз? А Россия снова достигнет величия за счет прав и свобод своих граждан?

Запутавшись в лабиринте противоречий, западные стратеги разрываются между желанием «жестко говорить» с Москвой и «преподать ей урок», с одной стороны, и осознанием того, что у Запада мало рычагов влияния на российскую политику, — с другой. К сожалению, дискуссии о западной политике вносят только путаницу, поскольку подстегиваются комплексами, а потому абсолютно непродуктивны.

Предписания политологов сводятся к двум крайностям: либо «сдерживать Россию», либо «вовлечь» ее в мировой процесс. Но при этом никто не знает, что сегодня следует подразумевать под «сдерживанием», «вовлечься» же в мировой процесс на западных условиях Москва не согласна. Ведущиеся дискуссии отличает глубокое непонимание истоков теперешнего кризиса во взаимоотношениях. Запад все чаще считает Россию геополитическим и экономическим игроком, но обращает все меньше внимания на природу ее режима и на связь между внешней и внутренней политикой. Критика путинского режима не может подменять его понимание.

ПРИРОДА ПУТИНСКОГО РЕЖИМА

Россия Владимира Путина — не банальное авторитарное государство и не облегченный вариант Советского Союза, хотя ее новый гимн поется под музыку старого советского гимна. Но это и не переходная, а скорее «управляемая» или даже «чрезмерно управляемая» демократия. Данный термин отражает логику и механизмы воспроизводства власти, а также способ использования демократических институтов и злоупотребления ими для сохранения властной монополии. Однако концепция управляемой демократии недостаточна, поскольку описывает лишь способ функционирования властного аппарата, но не объясняет Россию Путина как политический проект.

Так, эта концепция не может объяснить, почему Владимир Путин, в отличие от своих центральноазиатских коллег отвергает возможность стать пожизненным президентом и тем самым ставит под угрозу устойчивость всей выстроенной им политической конструкции. Понятие «управляемой демократии» также бесполезно при оценке будущей стабильности режима. Что больше всего поражает западных политологов, наблюдающих за процессами в современной России, так это диалектика устойчивости-неустойчивости нынешнего статус-кво.

Кажется, что альтернативы путинской модели не существует. Оппозиция изолирована и вытеснена на обочину политической жизни, у нее нет идей, и она не пользуется поддержкой со стороны широкой общественности. В то же время московские элиты ведут себя очень нервно и неуверенно. Вопрос о «преемнике» занимает все их мысли и воображение. Почему они так напуганы, если режим настолько устойчив?

«Дилемму преемственности» можно обобщить следующим образом.

Если Путин хочет, чтобы его режим сохранил европейское лицо и беспокоится о долгосрочной стабильности в стране, ему нужно выполнить данное им обещание и уйти со своего поста по окончании второго президентского срока, дозволенного Конституцией.

Но если он стремится не допустить краткосрочную дестабилизацию режима, придется либо стать пожизненным президентом, либо переселиться на Луну. Ведь процесс ухода Путина из власти при его сохранении в общественно-политической жизни как самого популярного человека в стране неизбежно приведет к появлению второго центра управления в самом сердце российской управляемой демократии.

Этот плюрализм в высшем эшелоне подрывает основы нынешнего режима, которые Владислав Сурков не побоялся назвать ключевыми

элементами российской политической культуры в целом: централизация государственной власти, непрагматическое (утопическое) узаконивание политической системы и персонификация институтов власти.

Пытаясь осмыслить и как-то понять путинскую Россию, Запад не стремится вникнуть в политические представления нынешней московской элиты и не интересуется аргументами, к которым прибегает режим, претендующий на легитимацию. Критики Путина внутри России и за ее пределами склонны игнорировать интеллектуальную начинку продвигаемой Кремлем концепции «суверенной демократии». В их представлении «суверенная демократия» — это пропагандистское клише, единственное предназначение которого — защититься от критики Запада. Они исходят из того, что единственная идеология Кремля — цинизм, позволяющий оставаться у власти и богатеть. Но так ли это на самом деле?

Как представляется, понятие «суверенной демократии», разработанное в идеологической лаборатории Кремля, поможет найти ключ к пониманию амбиций, опасений и ограничений путинского режима. Концепция «суверенной демократии» позволяет Кремлю успешно противостоять двум идейным противникам: либеральной демократии Запада и популистской демократии, которой восхищаются другие страны. Она претендует на то, чтобы примирить безотлагательную потребность России в модернизации по западному образцу с ее твердым намерением отстаивать независимость от Запада. Истоки кризиса во взаимоотношениях России и Евросоюза следует искать скорее в логике «суверенной демократии», нежели в столкновении интересов.

«СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Идея «суверенной демократии» имеет украинское происхождение. Она зародилась в результате осмысления «оранжевой революции» («оранжевых технологий», по выражению Кремля) в ноябре 2004 — январе 2005 годов. «Суверенная демократия» — это ответ Москвы на опасное сочетание популистского давления снизу и международного давления сверху, что в итоге сокрушило режим Леонида Кучмы. События в Киеве были воплощением главной угрозы — восстания народных масс, режиссируемого из-за рубежа.

Последовавшая за этим профилактическая контрреволюция Владимира Путина ознаменовала «смену режима» в России. В системе «направляемой демократии», которую Путин унаследовал от Бори-

са Ельцина, элиты развивали такие институциональные элементы демократии, как политические партии, выборы и разнообразные средства массовой информации с единственной целью: помочь тем, кто находится у власти, ее сохранить. Регулярно проводимые выборы не обеспечивали возможность передачи власти, а служили лишь средством ее узаконивания.

В отличие от классических моделей управляемой демократии, «направляемая демократия» 1990-х не предполагала, что политическим процессом будет руководить правящая партия. Ключом к этой системе стало создание параллельной политической реальности, целью которой было не просто утвердить монополию на власть, но и монополизировать конкуренцию за власть. Ключевым элементом были источники легитимации режима, которые находились на Западе. Фальсифицированная демократия предполагает, что фальсификатор признаёт преимущества той модели, которую он фальсифицирует. Выслушивание поучений Запада и имитация того, что Россия им следует, было той ценой, которую российская элита платила за использование западных ресурсов для сохранения своей власти.

По своей социальной сути направляемая демократия отражала странные отношения между правителями и управляемыми в ельцинской России. Эти взаимоотношения метко охарактеризовал Стивен Холмс: «Верхи не эксплуатируют и не угнетают своих подданных. Они даже не управляют ими — они просто их не замечают».

Направляемая демократия была политическим режимом, который освобождает элиты от необходимости управлять и дает им время заняться собственным бизнесом. Она воспринималась как лучший способ избежать кровавой революции и в то же время создавала простор для революции «криминальной», в результате которой большая часть национальных богатств оказалась в руках нескольких могущественных инсайдеров. Это был самый подходящий режим для «безналогового государства». В России существовала система налогообложения, но никто всерьез не занимался сбором положенного. В стране проводились выборы, но им не разрешалось становиться выражением реальных интересов.

Посткоммунистические элиты открыли для себя неотразимое обаяние слабой государственности. Россия была слабым, но хитрым государством, весьма избирательным в своей слабости. Оно не платило работникам зарплату, но проявляло достаточно сил, когда это было в интересах элит: например, при перераспределении

собственности и даже при выплате внешних долгов. Стратегия режима заключалась в том, чтобы поддерживать иллюзию политического представительства, но не допускать представительства интересов и мнений неудачников переходного периода. Модель направляемой демократии сделала элиты независимыми от законных претензий граждан. Ни одна из реформ, осуществленных в России в разгар направляемой демократии, не была следствием давления снизу. Именно полное пренебрежение базовыми потребностями народа — наиболее уязвимая сторона российской государственной системы.

В нынешних рассуждениях Запада о России авторитаризм Путина обычно противопоставляется несовершенной демократии Ельцина в том смысле, в каком тирания противопоставляется свободе. В действительности ельцинский либерализм и путинская суверенная демократия представляют собой две разные, но взаимосвязанные формы непредставительных политических систем. Они различаются лишь взглядами на роль государства в жизни общества и источниками легитимации. Другим важным отличием являются цены на нефть.

Ельцинский режим занимался тем, что приучал широкую общественность не возлагать больших надежд на государство. Режим Путина, рожденный высокими ценами на нефть и безотлагательной потребностью предотвратить полный крах социальной инфраструктуры, твердо вознамерился снова связать процветание элит со славой государства. На смену «сфальсифицированной демократии» Ельцина пришло путинское укрепление государственной власти посредством национализации элиты и устранения или маргинализации того, что Владислав Сурков называет «офшорной аристократией».

Национализация элиты приняла форму фактической национализации энергетического сектора, взятия под полный контроль средств массовой информации, фактического объявления вне закона финансируемых из-за рубежа неправительственных организаций, учреждения прокремлевской партии, уголовного преследования оппонентов Кремля (как в случае с Михаилом Ходорковским). Созданы общественные организации, способные активно выступить в защиту режима в период кризиса (например, движение «Наши»).

На смену офшорным олигархам пришли олигархи, служащие государству. Эта трансформация объясняет одну из загадок современной России: форма собственности, частная либо государственная, не имеет значения, когда речь идет о крупных российских компаниях. Всех их отличают государственное мышление и подход, а экономическая

политика отражает первоочередные задачи Российского государства. На смену коммунистическому однопартийному государству пришло путинское «одноканальное». Путин предложил российскому обществу потребительские права, но не права человека; обеспечил государственный суверенитет, но не личную независимость.

Вопреки некоторым обвинениям со стороны западных политологов, Кремль, реализуя свой проект построения суверенного режима, не опирается на мобилизацию русского этнического национализма (в окружении Путина много людей, не являющихся этническими русскими). Связь между русским национализмом и кремлевской идеей суверенной демократии куда более двусмысленна и сложна. Владимир Путин использует традиционный национализм, когда это требуется, но в целом Кремль не мобилизует его, а им управляет.

В то время как власти несколько театрально подавляют своих либеральных и прозападных оппонентов (главным образом, чтобы показать Западу, что они не потерпят вмешательства во внутреннюю политику), Кремль умело и беспощадно пресекает деятельность националистов. Суверенная демократия, по мнению ее архитекторов, — это российская разновидность европейского гражданского национализма. Столпами проекта являются природные ресурсы, память о победе Советского Союза во Второй мировой войне и обещание суверенитета.

С точки зрения Кремля, суверенитет — не право, смысл его не в том, чтобы застолбить себе место в Организации Объединенных наций. Суверенитет — это возможности. Он подразумевает экономическую независимость, военную силу и культурное своеобразие. Другим ключевым элементом суверенного государства является «патриотический настрой» элиты. Природа элиты, по мысли кремлевских идеологов, — это важнейший компонент суверенного государства. Создание патриотической элиты — первоочередная задача суверенной демократии как проекта.

Более того, потребность в патриотической элите диктует необходимость разработки патриотической демократической теории. Режим Путина никогда не считал новые демократии Центральной и Восточной Европы образцом либо эталоном политического развития, потому что, с точки зрения Москвы, небольшие центральноевропейские государства не имеют возможности стать по-настоящему суверенными. Они обречены на то, чтобы притягиваться к тому или иному суверенному полюсу власти. В этом контексте Москва готова признать, что членство в Европейском союзе — это реальная воз-

возможность для таких малых стран, как Болгария либо Польша, но не путь, которым должна идти постимперская Россия.

СУВЕРЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ИСТОКИ

Что действительно восхищает в теории суверенной демократии, так это не режим, который она пытается узаконить, а система взглядов, выстроенная для его оправдания. В последние два десятилетия на российском идеологическом рынке никогда не было нехватки в теориях, провозглашающих уникальность культуры и истории России, а также ее особую миссию в мире. Раздавались многочисленные голоса, призывавшие порвать с идеологической зависимостью от западных теорий.

Но авторов концепции суверенной демократии не интересовали различные теории «российской уникальности». Протест Кремля против англосаксонской теории либеральной демократии, в основе которой лежат права личности и система сдержек и противовесов власти, зиждется не на критике демократии как формы правления и не на теориях исключительности. Конструируя интеллектуальный фундамент модели суверенной демократии, ее идеологи обратились к интеллектуальному наследию континентальной Европы – французскому политическому рационализму Франсуа Гизо (1787–1874) и концепции «решимости» (политической воли) Карла Шмитта (1888–1985).

Что привлекает Суркова и его философов в наследии Гизо и Шмитта, так это их очевидная антиреволюционная направленность и фундаментальное недоверие к двум идеям современной демократической эпохи: идее представительства как выражения плюралистического характера современного общества и идее народного суверенитета, которая определяет демократию как правление народной воли. Антипопулизм и антиплюрализм – это две отличительные особенности нынешнего режима в Москве. Следуя Шмитту, теоретики суверенной демократии предпочитают определять демократию как «тождество правителей и управляемых».

И, следуя Гизо, под словом «суверенный» они имеют в виду не народ или избирателей, а здравый смысл, воплощенный в согласии ответственных национальных элит. В приготовленном Кремлем идеологическом коктейле из антипопулизма Гизо и антилиберализма Шмитта выборы рассматриваются не как инструмент выражения различных и противоречивых интересов, а как способ демонстрации то-

ждества правителей и управляемых; не как механизм народного представительства, а как метод представительства власти перед народом.

В основе путинского режима лежит огосударствление всей страны. Кремль мыслит категориями не прав граждан, а потребностей населения. Концепция населения противопоставляется как понятию «личность», обладающей правами, которое является глубинной сутью либерального демократического устройства, так и понятию «народ», лежащему в основе националистических проектов. Права гражданина и избирателя, которые служат фундаментом либеральной демократии, подменяются правами потребителя, туриста и обладателя «загадочной русской души».

Предложенное Шмиттом определение властелина либо правителя как «того, кто избирает режим чрезвычайного положения» (или мобилизационное государство), идеально описывает почти метафизическую роль президента в современной политической системе России. Определение Шмиттом демократии с точки зрения тождества, а не с точки зрения представительства не позволяет провести четкую грань между демократией и диктатурой. Кремлевские теоретики демократии также могли увидеть в этом большой плюс.

Вопреки утверждениям критиков Путина идея «суверенной демократии» не знаменует размежевание с европейской традицией, но олицетворяет идеологические амбиции России стать «другой Европой», альтернативой ЕС. Кремль разработал идеологический проект, который не только выглядит привлекательным для многих в постсоветской Европе, но и бросает экзистенциальный вызов Евросоюзу.

«Россия — это очень старая Европа, — пишет аналитик Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин. — Она чем-то напоминает Германию двадцатых годов прошлого столетия с ее жизненной энергией и болезненной реакцией на несправедливое обращение со стороны окружающего мира, Францию сороковых годов, когда она пыталась залечить свои раны, или Италию шестидесятых в том, что касается связи между властью, деньгами и преступлением». В самом деле, Россия — это очень старая Европа. Она олицетворяет собой ностальгию по старому европейскому национальному государству, тоску по европейскому порядку, построенному на балансе сил и невмешательстве во внутренние дела соседей.

Соединенные Штаты могут позволить себе относиться к России с точки зрения классического реализма. Европейский союз этого себе позволить не может. Конфликт между Москвой и Вашингтоном можно свести к пробе сил XIX столетия, в основе которой

борьба за контроль над природными ресурсами и вопрос национальной гордости. Но этого нельзя сказать о конфликте между Россией и ЕС. В идее суверенной демократии европейцев больше всего обескураживает то, что Москва фактически считает Евросоюз временным явлением, интересным экспериментом, у которого нет будущего. Европейская стратегия России основана на предположении, что будущее Европы станут определять государства-нации.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ

«В 1989 году был не просто положен конец холодной войне или даже Второй мировой войне, — писал Роберт Купер, обобщая новый консенсус Европы. — В Европе (быть может, в одной только Европе) был положен конец политическим системам трех столетий: равновесию сил и империалистическим устремлениям».

Политическая элита Европы исходила из того, что окончание холодной войны означает рождение нового постмодернистского порядка. Его ключевыми элементами являются высокоразвитая культура вмешательства во внутренние дела друг друга и построение безопасности на основе открытости и прозрачности. Постмодернистская политическая система не опирается на принцип равновесия сил и не делает акцента на суверенитете либо разделении внутренних и внешних дел. Таким образом, узаконенная монополия власти, являющаяся сущностью любой государственности, подчиняется международным, но добровольно накладываемым на себя ограничениям.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), предусматривающий активный мониторинг и инспектирование военных объектов иностранными наблюдателями, и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) с ее мониторингом демократичности выборов были основными инструментами интеграции Москвы в постмодернистское устройство Старого Света. Они придали России вид современного государства, принявшего новые требования открытости и взаимозависимости. Слабость России создала иллюзию, будто Москва разделяет такой подход к безопасности. В действительности же это было далеко не так. Свою государственность Россия решила строить в соответствии с европейской практикой и идеологией XIX, а не XXI века.

Отношение России к европейскому порядку — смесь ностальгии по эпохе «европейского сообщества» и зависти к современному Китаю, которому удастся сочетать открытость для Запада с неприятием

какого бы то ни было западного вмешательства в свою внутреннюю политику. Россия предпочитает такое мироустройство, в котором дружественные Кремлю олигархи будут владеть английскими футбольными клубами и российский средний класс станет свободно путешествовать по Европе, но международным компаниям не будет позволено эксплуатировать природные ресурсы России, а критиков Кремля российского происхождения станут изгонять из европейских столиц.

Режим суверенной демократии абсолютно несовместим с гегемонией новейшего времени. Решение России выйти из ДОВСЕ и хорошо обдуманые попытки заблокировать работу ОБСЕ знаменовали собой конец европейского порядка, сложившегося по окончании холодной войны. Эти действия – проявление логики режима суверенной демократии.

Сегодня реальный источник конфронтации между Россией и Европейским союзом – не столько даже конкурирующие интересы или разные ценности, сколько политическая несовместимость. Вызов России нельзя свести к вопросу энергетической зависимости и амбициям Москвы диктовать условия своему ближнему зарубежью, которое теперь превратилось в приграничные территории ЕС. Суть нынешнего кризиса – не столкновение демократии и авторитаризма (как явствует из истории, демократические и авторитарные страны могут легко сотрудничать), а столкновение между постмодернистским государством, воплощением которого является Евросоюз, с традиционным государством эпохи модерна, олицетворяемым Россией.

Полемика вокруг Энергетической хартии и британско-российское испытание нервов по поводу «дела Литвиненко» уходят корнями не в столкновение интересов и не представляют собой рецидив холодной войны. Все это есть не что иное, как выражение разной логики модернистского и постмодернистского государства. Подобно тому как Европейский союз с его упором на права человека и открытость угрожает кремлевскому проекту «суверенной демократии», российское стремление добиться баланса сил как основания нового европейского порядка угрожает самому существованию ЕС. Сталкиваясь с экспансией российских компаний с их государственным мышлением, страна – член Евросоюза испытывает искушение оградить от внешней конкуренции некоторые отрасли своей экономики, такие, как, например, внутренние энергетические рынки, ставя тем самым под угрозу либеральный экономический порядок, лежащий в основе европейского проекта.

Полярная природа политических элит в современной России и Европе — это еще одна причина для беспокойства о будущем их взаимоотношений. В отличие от бюрократических советских элит позднего периода, чуждых риска и проявлявших компетентность, когда дело касалось международных отношений и политики в области безопасности, новая российская элита — это те, кто выжил и победил в жестоких играх переходного периода. Они чрезвычайно самонадеянны, склонны к риску и необычайно богаты. Европа не знает, как с ними разговаривать. Европейские политические элиты, сделавшие карьеру на искусстве компромисса и ухода от конфликтов, имеют дело с элитами, которые горды тем, что не берут заложников. Взаимного непонимания и недоверия, похоже, не избежать.

Короче говоря, столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое. Отличие от периода холодной войны состоит в том, что противостоят друг другу не демократия и диктатура, а постмодернистское государство в лице Европейского союза и путинский режим суверенной демократии. Кремль считает, что политика открытости и взаимозависимости, проводимая ЕС в международных отношениях, угрожает его проекту. В то же время само существование Евросоюза постоянно находится под угрозой ввиду того, что Россия настаивает на преобладании суверенного государства в европейской политике. Для постмодернистского государства «суверенитет — это место за столом». Для России суверенитет — это право государственной власти делать то, что ей заблагорассудится, на своей территории, а также казнить своих врагов в центре Лондона.

Москву обнадеживает возрождение национализма и обостренного ощущения национальной идентичности в некоторых странах — членах Европейского союза, и она ожидает, что ЕС канет в Лету точно так же, как Советский Союз в начале 1990-х. С точки зрения Москвы, Евросоюз — еще одна утопия, время которой истекает. Брюссель же, со своей стороны, убежден, что суверенная демократия — печальная попытка обмануть историю, и открытие Российского государства — это только вопрос времени.

Существование европейского политического постмодернизма и российской суверенной демократии может стать более трудным и опасным предприятием, чем сосуществование советского коммунизма и западных демократий. Примите это к сведению!

Россия и Запад: наши разногласия

Константин Косачев

Возможно, покажется не совсем корректным заострять вопрос о разногласиях между Россией и Западом в условиях, когда положительных моментов и без того немного. И, по идее, важнее было бы возвращать зерна позитива.

Именно такую линию мы и проводили вплоть до недавнего времени, если точнее — до февральского выступления президента Владимира Путина в Мюнхене. Россия старалась не обращать внимания на нарастающий (причем не по нашей инициативе) негатив. Мы бережно относились ко всем конструктивным моментам во взаимоотношениях с Соединенными Штатами и Европейским союзом, остерегались резких шагов, чтобы не разрушить достигнутое.

Можно, конечно, утверждать, будто Россия была слишком слаба, чтобы позволить себе конфронтацию с Западом, и лишь теперь выросшие «энергомощности» дали ей возможность осуществить давно задуманное. В этом и состоит одна из самых распространенных на Западе версий, которую в скандальной форме озвучил недавно американский конгрессмен-демократ Том Лантос. Подобная логика обнажает истинный подход к нашей стране: Западу выгодна слабая Россия, ибо, укрепившись, она всегда по определению будет бросать ему вызов.

В чем же все-таки кроется причина разногласий?

Конечно, существуют естественные геополитические, экономические и прочие интересы, которые не могут во всем совпадать. Россия — продавец энергоресурсов, Запад — их потребитель, Россия восстанавливает свое влияние, Запад — удерживает его и т. п. Но чаще всего противоречия объясняют якобы имеющимся несовпадением

К.И. Косачев — председатель Комитета по международным делам Государственной думы РФ.

ценностных ориентаций. При всей умозрительности подобного подхода он наиболее опасен. Ибо делает конфликт, по сути, имманентным нашим отношениям, так сказать, на генетическом уровне.

Трактуя позицию Москвы, Запад демонстрирует непонимание истинной природы процессов и настроений, преобладающих в последние примерно двадцать лет в российских властных и околовластных структурах. Ни для Михаила Горбачёва, ни для Бориса Ельцина, ни для Владимира Путина открытость Западу не была следствием ощущения слабости своей страны. Все три лидера видели в двусторонних отношениях некую срединную точку, путь к которой должны преодолеть обе стороны. Сначала СССР, а затем Россия уверенно продвигались по своему отрезку, хотя многие особенно чувствительные пункты предполагали встречные шаги, а не только встречные обещания.

К началу нового века Россия прошла свою часть пути к месту предполагаемой «встречи на Эльбе». Дальнейшее одностороннее движение означало бы примерно следующее:

- внешний контроль над российскими ресурсами;
- построение систем европейской и глобальной безопасности по модели НАТО без России в ней;
- дальнейшая утрата влияния в зоне стратегических интересов (ближнее зарубежье);
- перестройка национальной политической, правовой, экономической и иных систем под «евростандарт» с потерей регулирующих функций центра и возможностей отстаивать свои интересы (фактическая десоверенизация).

У этой черты руководство России остановилось. Просто дальше идти некуда, только за рамки национального суверенитета. В этом смысле Владимиру Путину в какой-то степени не повезло по сравнению с предшественниками. Ресурс для их движения был относительно велик, не говоря уже о возможности получать немалые личные политические дивиденды от своих широких жестов.

КТО КОГО ПОБЕДИЛ?

К началу века стало очевидным: мы думали, что преодолеваем свою часть дистанции, тогда как наши партнеры-оппоненты на Западе полагали такое поведение естественным для проигравшего в холодной войне.

Но ведь если судить объективно, победили-то прежде всего именно россияне, которые не только сами освободились от тоталитариз-

ма, но и избавили от него другие народы. Как бы то ни было, до поры до времени мы вообще считали эту тему закрытой, считая совершенно неважными выяснения, кто оказался победителем. Главное, как нам казалось, — светлое и *общее* будущее. Однако в Европе и особенно в США к вопросу о том, кто победил в противостоянии систем, относились крайне серьезно и щепетильно. У нас *явно недооценивают значение победы в холодной войне* для западного (в первую очередь американского) истеблишмента. Между тем именно в этом кроется ключ к пониманию многих сегодняшних проблем.

Западные державы воспринимают победу в холодной войне как событие не просто историческое, но придающее морально-политическую легитимность всей политике Запада на протяжении последних более чем полутора десятилетий. Ведь если не считать окончание биполярного противостояния победой одной из сторон, то сразу возникает резонный вопрос. А по какому, собственно, праву группа государств — пусть могущественных и высокоразвитых — берет без учета мнения других перекраивать все мировое устройство по собственным представлениям?

На Западе односторонние шаги Москвы воспринимали исключительно как выполнение условий капитуляции, которая, естественно, не предполагает никаких встречных обязательств. Обещания (не расширять НАТО, не размещать вооружения в Восточной Европе) давались скорее только для того, чтобы наши политики могли сохранить лицо у себя дома. Поэтому усиление позиций России и декларирование ею собственных интересов рассматривается как некорректное поведение проигравшего. Либо, что еще хуже, как возрождение прежнего врага в еще более опасной форме (по германскому сценарию после Первой мировой войны).

Под таким углом зрения тревоги западных коллег вполне объяснимы. В Советском Союзе схожие ощущения вызывали, например, проявления германского реваншизма во второй половине прошлого века. Но если принять во внимание, что Россия *никогда не действовала в режиме капитуляции*, не рассматривала свои односторонние шаги даже в наиболее чувствительных сферах как вынужденные и болезненные уступки, то *картина кардинально меняется*.

При этом Запад, считающий, что взял верх, не может вести себя по отношению к России как сильный и уверенный в себе победитель, то есть великодушно. Не способен он проявить и слабость, поскольку она ему вовсе не свойственна. В итоге получается непроду-

ктивная смесь страха и высокомерия, когда приходится и взаимодействовать, и давить, и опасаться. Все это прикрывается мнимым наличием «системных» разногласий, для преодоления которых от Москвы ждут каких-то «конструктивных шагов» (читай: новых уступок).

Но если попытаться абстрагироваться от первопричины — логики победителей/побежденных — и скрупулезно изучить узловые пункты наших противоречий, то ни одно из них не окажется системным (если, конечно, нет системного стремления Запада противодействовать России *при любых обстоятельствах*).

Можно выделить три основных блока разногласий, которые нуждаются в разъяснении и которые при верном определении их причин не выглядят непреодолимыми. Это вопросы о безопасности, ценностях и ситуации на постсоветском пространстве.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Противоречия начинаются уже с того, что Запад автоматически переносит на Москву свою повестку дня в области безопасности. Во главу угла ставится, например, угроза, исходящая от «стран-изгоев». Считается само собой разумеющимся, что и для России главными угрозами являются «подозрительные» режимы с их ядерными программами и международные террористы (причем не все, а ведущие борьбу против западных держав).

Когда же Россия предлагает свое понимание безопасности и, скажем, выражает беспокойство в связи с приближением к ее рубежам НАТО, размещением вооружений в странах Центральной и Восточной Европы, опасной активностью на Кавказе и в Азии, Запад не видит проблему как таковую. Понадобились особые встряски наподобие мюнхенской речи президента России или объявления моратория на выполнение Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), чтобы на некий возмущающий фактор вообще обратили внимание. Но на Западе акцент делается в основном на том, что какие-то действия в данной связи следует предпринять в отношении самой Москвы. В зависимости от ситуации (читай: наличия у России силы) — проигнорировать, уговорить либо успокоить.

В глазах представителей Запада НАТО — главная (если не единственная) универсальная и незаменимая структура в сфере безопасности. Именно по этой причине очевидны как тенденция к сознательной девальвации роли ООН в вопросах сохранения стабильности, так и стремление «положить все яйца» ОБСЕ в одну «корзину» (гумани-

тарную). Иные структуры безопасности (например, ОДКБ) не воспринимаются в качестве возможных партнеров, ни о каких альтернативных и кооперативных системах коллективной безопасности и речи нет. Всем остальным предлагается лишь определиться по степени взаимодействия с Североатлантическим альянсом и по тому, сколь далеко они готовы пойти в направлении сближения с ним. «Не членом» НАТО чуть ли не *автоматически* расставляют «по ранжиру» — от возможных кандидатов до «изгоев», то есть потенциальных противников.

Суть проблемы заключается именно в автоматизме, который затронул и Россию, как только стало очевидно, что в формат альянса она не вписывается. Как говорится, ничего личного: если Москва вдруг захочет подчиниться общим командным началам (разумеется, на чужих условиях), ее переведут в разряд «своих». Но пока этого нет, система машинально, руководствуясь собственной логикой, реагирует на нее как на возможную угрозу, обкладывая ее по периметру и принимая различные меры по нейтрализации. То, что у Москвы могут быть свои интересы, а также прямые основания не доверять НАТО по причине уж слишком частого невыполнения обещаний, просто не воспринимается. Мол, хотите — подключайтесь, не хотите — терпите соответствующее обращение. Все равно, дескать, альтернативы НАТО нет — примерно об этом говорил на июньских встречах в Москве генеральный секретарь Североатлантического альянса Яап де Хооп Схеффер.

Однако проблема «лишь» в том, что НАТО не подходит под определение универсальной и всеобъемлющей организации. И пока нет даже намека на то, чтобы она могла заменить механизмы и форумы по безопасности, унаследованные от прошлого века. Альянс был задуман именно как инструмент глобального противостояния, рассчитанный на наличие массивных оппонентов, на роль которых не годится «сетевой» терроризм. Если таких оппонентов не обнаруживается, их или придумывают, или назначают.

При этом, претендуя на универсальность, НАТО на деле демонстрирует неспособность взвалить на себя искомую руководителями альянса глобальную миссию. Не секрет, что Организация Североатлантического договора пребывает в достаточно серьезном концептуальном кризисе, будучи попросту не способна адекватно реагировать на реальные, а не вымышленные угрозы XXI века. Весьма сложное положение, в котором Альянс оказался в Афганистане, — наглядное тому подтверждение.

За исключением США, Великобритании и в какой-то степени Польши большинство стран — членом НАТО не готовы решать реаль-

ные проблемы военной безопасности, тем более где-то вдали от собственной территории. Кажется, что больше всего Старый Свет боится оказаться втянутым в стратегические игры Америки то ли на Ближнем, то ли на Дальнем Востоке. Но при этом собственной повестки дня в области безопасности у Европы нет, а слабые попытки ее сформулировать наталкиваются на «постмодернистское» сознание европейских «грандов» и — скажем прямо — умелое противодействие Вашингтона. Соединенные Штаты не заинтересованы в появлении у европейцев самостоятельной военно-политической идентичности.

Преодолеть эту тупиковую ситуацию можно лишь на путях укрепления роли ООН, ОБСЕ и развития стратегического партнерства различных структур в сфере безопасности. НАТО как военно-политическая структура, призванная защищать интересы своих членов, а не всего человечества, может быть лишь одним из партнеров в системе коллективной безопасности, пусть и самым мощным.

Те из европейских политиков, кто предлагает различные формы реформирования НАТО, ощущают двусмысленность ее нынешнего положения, противоречие между претензиями и реальностью. И хотя подобные мнения пока отнюдь не доминируют, ситуация небезнадежна.

Все сказанное не означает, что Россия должна лишь терпеливо ждать. Дипломатическая наступательность — не агрессивность, а выдвижение творческих идей, нацеленных на достижение результатов, — более чем показана. Контуры именно такой, принципиально новой, внешней политики обозначились летом 2007 года. Россия предложила США совместно использовать радиолокационную станцию в азербайджанском городе Габала, а затем дополнила и развила этот проект инициативами, обнародованными на российско-американском саммите в Кеннебанкпорте.

Позиция Москвы по размещению элементов американской ПРО в Чехии и Польше не изменилась. Но на сей раз Россия отошла от привычной модели поведения по схеме, характерной для века минувшего, — наше решительное «нет» объединенной позиции Запада. Тогда, как правило, возникало лишь новое поле для конфронтации, а достичь нужного результата все равно не удавалось.

Это не первый шаг такого рода: в свое время сильным ходом стала российская инициатива о создании международных центров по обогащению урана, которую применительно к Ирану поддержали даже Соединенные Штаты. Можно лишь сожалеть, что Тегеран не пошел на сотрудничество, но модель не снята с повестки дня.

Такого рода подходы не только укрепляют международный авторитет России, но и демонстрируют нашу готовность искать пути преодоления разногласий, выбивая почву из-под ног тех (и на Западе, и у нас), кто политически и идеологически паразитирует на латентном или открытом конфликте.

Новую международную политику, обозначенную на высшем уровне, нужно и далее подкреплять конкретными идеями. Можно подвергнуть ревизии весь багаж накопившихся проблем и поискать, не найдется ли своя Габала для ситуации в Украине и Грузии, вокруг Косово, стран Балтии... Речь, разумеется, не идет о сдаче позиций или нанесении ущерба национальным интересам. Но в наших силах сделать партнерам и оппонентам такие предложения, которые поставят их перед выбором: либо сотрудничество и искомое решение проблемы, либо признание, что первична не проблема, а субъективное отношение к России. Тем самым дальнейшее воплощение могла бы найти идея дипломатии нового качества, и ресурсы для этого у нас есть.

ЦЕННОСТИ

Что касается диалога, затрагивающего сферу ценностей, которая якобы исполнена противоречий, то тут уже Россия не видит реального предмета для конфликта. Просто и здесь мы зачастую говорим о разных вещах. Если Москве больше указывают на нашу внутреннюю ситуацию, то мы в свою очередь чаще затрагиваем такие темы, как спорная практика «экспорта демократии» и положение дел у самих «судей» России. В итоге происходит не диалог, а два монолога, причем оба не достигают адресата. А ведь если не слушать друг друга, конфликт будет постоянно казаться неизбежным.

Нужно в полной мере осмыслить, какую роль играет ценностный фактор в политике Запада. Пора признать (как бы трудно кому-то это ни было), что демократический мессианизм просто-напросто *не работает*. Силой загонять народы в «светлое будущее» не только недемократично, но и чревато серьезными внутренними конфликтами. Привнесенная на штыках демократия показала себя, к удивлению Вашингтона, неэффективной в Ираке. Европейский союз недоумевает, почему «освобожденный» народ Украины никак не выйдет из кризиса. Но оба случая подтверждают: искусственная «демократизация» не срабатывает.

«Экспортная модель» демократии страдает генетическим изъяном: как правило, она содержит в себе элементы десоверенизации

объекта обработки. А иного и быть не может, поскольку посредством экспорта демократии сами «экспортеры» стремятся решить сразу несколько задач. Помимо внедрения стандартов в области прав и свобод (что вызвало бы наименьшее отторжение, но в чистом виде этого нигде нет), расширяется влияние, осуществляется геополитическая переориентация, нейтрализуются конкуренты, берутся под контроль ресурсы и значимые экономические активы, создаются выгодные плацдармы по размещению военных объектов.

Поскольку импульсы к демократизации исходят не от действительно универсальных и общепризнанных инстанций, наподобие ООН, а от государств со всеми их неотъемлемыми интересами, неминуемы внутренние противоречия и «двойные стандарты». Подчас подобные импульсы носят характер откровенного и даже грубого вмешательства. Народы – жертвы «эксперимента» отвергают вовсе не демократию. Их не устраивает именно то, что обнаруживается в обертке демократических преобразований. Никакого конфликта на ценностном уровне тут нет. Нет его и между Россией и Западом.

Но иллюзия его присутствия будет возникать каждый раз, когда декларирование Россией своих интересов, твердость в их отстаивании, любое проявление самостоятельности в поведении и мышлении будет подаваться общественности Запада как сигнал к идеологическим атакам. Конфликт ценностей – это вопрос пропаганды, а не идеологических, цивилизационных или ментальных реалий. Именно в этом ключе его и нужно решать, прекратив использование данной щекотливой темы в качестве политического оружия.

С недавних пор, особенно после эстонских событий, тема ценностей в нашем диалоге вообще зазвучала по-новому. Европа, увлеченная демонстрацией внутрисоюзной солидарности, еще не осознала это в полной мере. До сих пор считалось, в том числе многими у нас, что именно Россия пока не готова целиком воспринять позитивные по определению западные ценности. Но пришло время задуматься над тем, как так получается, что эти ценности преспокойно включают в себя и идеологию современных прибалтийских элит? Почему с ними уютно сочетаются надругательства над памятью павших героев антигитлеровской коалиции, толерантное отношение к возрождению нацизма, пересмотр политических итогов Второй мировой войны, массовое поражение в правах по этническому признаку и многое другое, что никак не ассоциируется с истинным пониманием демократии? Возможно, западные страны считают своей ловкой победой

перевод эстонской проблемы с больной головы на здоровую, но российское общество испытало настоящий *культурный шок*.

Не исключено, что мы имеем дело с новым феноменом, который условно можно назвать «большевизацией» демократического сознания: прогрессивная и позитивная идея превращается в догматическую по сути и агрессивную по форме. Данное впечатление лишь подтверждает тот факт, что некоторые из основных мировых «прогрессоров» — американских «неоконов» — вышли из лона троцкизма.

Любопытно, что Россия в отношении демократической идеи, похоже, поступила примерно так же, как в свое время заклеянные большевиками западные социал-демократы — в отношении идеи социалистической. Она восприняла все полезное, но отказалась впасть в демократическое кликушество и идеологические истерики, которыми в Европе и США все чаще сопровождается публичное обсуждение гуманитарных тем. К примеру, нам гораздо легче понять, что процессы в Украине, в Белоруссии, в Центральной Азии намного сложнее примитивных схем «демократия — не демократия». А потому отказ участвовать в коллективной травле «последних диктаторов» и прочих патетических «походах во имя свободы» объясняется не отсутствием демократического взгляда, а трезвым реализмом и собственным горьким опытом насаждения «единственно верного учения». Потому от твердых западных «искровцев» Россия устаивается самых резких эпитетов и подвергается обвинениям в продаже «светлых идеалов», как в свое время Карл Каутский и иже с ним — от Владимира Ленина.

Отсюда и пресловутый «конфликт ценностей», суть которого не столько в специфике восприятия демократических идей в России (где они имеют вековые корни самостоятельного развития), сколько в трансформации идеологии на Западе.

Не странно ли, что публичное «общение» Запада с Россией, если судить по СМИ, идет под трескучими лозунгами «Остановить Россию», «Скажем России — хватит!..»? Как будто это именно наша страна включает в свой военно-политический блок прежних союзников Запада и размещает на их территориях стратегические системы вооружений. Словно Москва стимулирует управляемые политические перевороты, приводя к власти антизападные режимы, вытесняет конкурентов с рынков, блокирует переговоры со стратегическими партнерами...

Чтобы ослабить напряжение в этой сфере, Западу следовало бы поискать иные способы консолидации собственных рядов, кроме

привычных схем XX века. Сегодняшний мир сильно отличается от чрезмерно идеологизированных реалий прошлого столетия. Патетика Рональда Рейгана уместна здесь так же, как колесницы Александра Македонского на полях нынешних битв. Нет «империи зла», нет «плохой» России и «хорошего» Запада, а есть обычные страны, интересы которых близки и сочетаемы, если на то будет воля и трезвый ум их лидеров и элит.

ПОСТСОВЕТСКОЕ

И «ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ» ПРОСТРАНСТВО

Тема постсоветского пространства в последнее время расширилась, и сейчас имеет смысл говорить о пространстве постсоциалистическом. Комплекс этих вопросов включает в себя не только конфликт влияний в Содружестве Независимых Государств, но и проблемы, касающиеся государств Балтии, Польши и отчасти других стран Центральной и Восточной Европы (размещение вооружений, «советская оккупация» и пересмотр истории, война с памятниками, соотечественники, марши нацистов и т. п.). Пересеклись сразу многие факторы из упоминавшихся ранее: и передел сфер влияния, и проблемы безопасности, и борьба за евразийские ресурсы, и использование постсоветских стран в качестве полигона по отработке технологий «экспорта демократии».

Но и здесь на глазах происходят изменения, которые непосредственно касаются России. Как уже говорилось, стала давать сбои модель «демпрогрессорства». Не всем народам оказался по душе принцип «жить хорошо, но под контролем» вместо реальной демократизации. В каждой стране нашлись свои проблемы, которые отнюдь не решаются методами «сплошной коллективизации».

Те из представителей украинской элиты, кто ставил на Запад, на евро-атлантические структуры, рассчитывали, приобщившись к социально-экономическим стандартам Европейского союза, обеспечить единство нации и преодолеть зависимость от России. Вместо этого Киев получил углубленный раскол и устойчивый политический кризис, нулевые шансы на вступление в ЕС и мировые цены на российский газ.

В Грузии прозападные лидеры всерьез лелеют надежду на восстановление целостности страны одним рывком, убежденные, что Запад готов на многое ради достижения своих целей. Как ни странно, доказательством этого Тбилиси считает позицию США и Евро-

союза по Косово, хотя уж кому, как не Грузии, следовало бы решительно выступать против планов Запада по отделению части территории государства в обход международного права. Эта иллюзия лишь накаляет конфликты вокруг непризнанных республик.

Азиатские республики СНГ все больше убеждаются в том, что цена покровительства Запада может оказаться непомерной и просто разрушительной для их суверенитета, но не способствует улучшению благосостояния и укреплению стабильности.

При этом по-новому высветилась роль Москвы на постсоветском пространстве. Как выяснилось (многие, похоже, восприняли это как откровение), Россия умудрялась долгие годы субсидировать экономику соседей, не обращая свою решающую роль в прочные геополитические привязки. СНГ рассматривалось больше как средство «цивилизованного развода». В новые структуры никого идти не понуждают, и фактор экономической зависимости не разыгрывается для консолидации сферы влияния.

Последствия «развода» стали всерьез ощущаться лишь после того, как Россия перестала выплачивать «алименты» (субсидировать цены на энергоресурсы). Выяснилось, что в мире не осталось гарантов независимости, практически ничего не требующих взамен (а ведь наша страна всерьез не настояла даже на обеспечении прав русскоязычного населения — тема, на которой всегда останавливается демократическая озабоченность Запада).

Разногласия с Западом на постсоветском пространстве, безусловно, устранимы. Конечно, противостояние интересов неизбежно, пока существуют государства. Но нужно называть вещи своими именами, а не дезориентировать народы надуманными альтернативами, вроде «Вы за Россию или за демократию?» Россия не менее Запада заинтересована в подлинной демократизации огромного региона, никто в нашей стране не хочет, чтобы мнение народов по судьбоносным вопросам игнорировалось, а принятие решений узурпировалось группами элит. Но очевидно, что, если Москва будет лишь безучастно взирать на то, как другие предлагают свои модели разрешения конфликтов и иных проблем в жизненно значимом для нее регионе, соблюдения российских интересов никто не гарантирует. Потому пассивная позиция нам категорически противопоказана.

Линия размежевания?

Херлуф Бидstrup. 1972

“История выталкивает Россию в центр новой конкуренции между двумя моделями капитализма — либерально-демократической и авторитарной. Наша страна — ключевое государство с точки зрения соревнования политических, социально-экономических моделей, от нее же зависит, в чью сторону качнется мировой военно-политический баланс”

Новая эпоха противостояния
Сергей Караганов

58

Возвращение великих авторитарных держав
Азар Гат

70

Новая эпоха противостояния

Сергей Караганов

Международная политика, существенной частью которой являются отношения между традиционным Западом и Россией, переходит в новое качество. Многие уже торопятся определить эту стадию отношений как «новую холодную войну». Однако причины и формы противостояния, возникающего на наших глазах, заметно отличаются от истоков конфронтации, которая завершилась почти двадцать лет назад. Противостояние разворачивается в иных условиях и будет, скорее всего, не столь глубоким, хотя, возможно, даже более опасным.

Назовем этот этап «новой эпохой противостояния» (НЭП). Она принципиально отличается не только от холодной войны, но и от периода, который начался в конце 80-х годов прошлого века и завершается сейчас. Коренная черта последних полутора десятилетий — экономическое, идеологическое и геополитическое торжество либерально-демократического капитализма (прежде всего Соединенных Штатов как воплощения этой модели) и перераспределение ресурсов — людских, экономических, финансовых — в пользу стран, которые следуют этим путем. Однако сейчас ситуация меняется.

ВНЕШНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НЭП

В последнее время наша страна стала объектом политико-пропагандистской атаки Запада. Парадоксально, но на сегодняшнюю Рос-

С.А. Караганов — д. и. н., профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, декан факультета мировой экономики и мировой политики, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

сию, которая в отличие от Советского Союза не пытается навязывать остальному миру свою идеологию и не настроена на конфронтацию, зачастую нападают более жестко, чем в свое время на СССР. В ту пору врагом «свободного мира» все-таки считался коммунистический режим, а не советский народ. Теперь же создается впечатление, что виноват, по мнению Запада, не только Путин, но и вся Россия, которой, дескать, имманентно присущ империализм.

Еще в 1990-е годы любую попытку Кремля остановить паническое отступление, вызванное развалом Советского Союза, немедленно объявляли «неоимпериализмом». Теперь под эту категорию подводят практически все, что делает Россия. Доходит до абсурда: за экспансионизм и политику давления Москву клеймят и когда она субсидирует экономики стран-соседей посредством заниженных цен на энергоносители, и когда переходит на рыночные цены в торговле с ними.

Россия — не первый объект атаки. На рубеже веков в этой роли выступала КНР. Однако проводить открыто враждебную Пекину политику Соединенные Штаты (где такая возможность рассматривалась) не решились, и выбор был сделан в пользу мягкого сдерживания. Китай оказался слишком мощным и малоуязвимым, на провокации либо не отвечал вовсе, либо делал это продуманно и очень жестко. В предлагавшуюся ей холодную войну КНР не ввязывалась.

Россия же с самого начала принялась участвовать в словесной перепалке, иногда даже захватывая в ней сомнительное первенство. Желание всегда ответить, да похлеще, питается неизжитым историческим комплексом слабости и уязвимости, многократно усиленным геополитическими поражениями 1990-х годов и помноженным на страх отсталых групп элиты перед конкурентоспособными соседями. Часть российских политиков, видимо, решила, что обострение отношений полезно для того чтобы сформулировать новую российскую идентичность, восстановления суверенитета и управляемости политических процессов, в том числе и передачи власти. Мы начинаем играть по чужим правилам, втягиваясь в риторическую конфронтацию, которую, похоже, сознательно провоцируют наши конкуренты.

Анализ событий последнего времени позволяет сделать вывод о том, что США и часть традиционного Запада пока оставили надежды превратить Россию в дружественное им государство. Намечился переход к политике «нового сдерживания». Но и Москва поняла, что не хочет и не может интегрироваться на предлагавшихся ей до недав-

них пор условиях — без права голоса. Кремль стал менять правила игры или, по крайней мере, перестает играть по правилам 1990-х.

ПОЧЕМУ НАЧАЛАСЬ НЭП

Наиболее очевидная причина — возросшая способность и готовность усилившейся России защищать и отстаивать свои интересы. Нынешнее почти полное недоверие и жесткая политика Москвы по отношению к Западу — плата за стратегическую ошибку, допущенную западными державами в прошлом десятилетии. Пока Россия была слаба, ее не пригласили вступить в «клуб» развитых демократий на правах равного, но младшего партнера. А теперь она вступить в этот «клуб», в общем-то, и не собирается, а если когда-нибудь и соберется, то на правах сильного.

Москва усвоила этот урок и начала вести себя с другими так же, как обращались с ней самой. Реакция на российское поведение усугубляется тем, что за прошлое десятилетие у западных политических элит выработалась вредная привычка иметь дело со слабой и безвольной Россией. Но причины неприятия лежат глубже.

Неэффективные попытки Европейского союза выработать единую внешнюю политику (по наименьшему «общему знаменателю») приводят к тому, что единая Европа прогрессирующе слабеет. Вместе с ней снижается внешнеполитический вес ведущих европейских стран, а ведь в 1980-е — первой половине 1990-х годов их влияние возрастало.

За просчеты европейцев ныне приходится платить и России. Во-первых, ощущение слабости, присущее сегодняшней Европе, усиливает подозрительность Старого Света в отношении Москвы. Во-вторых, неспособность ЕС к консолидации на принципах здравого смысла лишает Россию потенциально ключевого партнера на международной арене.

В прошлом десятилетии многим казалось, что Соединенные Штаты обречены на единоличное лидерство и даже гегемонию в мире. Однако иракская авантюра показала, что подавляющее военное превосходство Америки не гарантирует внешнеполитическую эффективность. Ужасный урон нанесен «мягкой силе» США — традиционной привлекательности американской модели политического и экономического развития. Хуже того, провал Вашингтона подорвал притягательность и самой идеи демократии, которую Соединенные Штаты пытались навязывать силой.

На фоне этой неожиданной слабости по обе стороны Атлантики стремительный внешнеполитический взлет России производит осо-

бенно сильное впечатление. Справедливости ради следует заметить, что этот подъем — результат не только восстановления государства, начала экономического роста и проведения более умелой инициативной внешней политики, но и элементарного везения.

В конце минувшего столетия геополитический ветер задул в российские паруса. Возросла роль энергетического фактора в мировой политике, началась долговременная дестабилизация «расширенного» Ближнего Востока, снижается управляемость международной системы. Все это, а также удары по Югославии и Ираку повысили роль военной силы. Россия же, несмотря ни на что, — вторая военная держава мира, доказавшая готовность применять силу и даже выигравшая (хотя и чудовищной ценой) войну против исламских радикалов и сепаратистов в Чечне.

Даже экономический и геополитический рост Китая пока на руку Москве: Вашингтон стал всерьез опасаться объединения этих двух крупных стран. Укрепило позиции России также стремление КНДР и особенно Ирана к обладанию ядерным потенциалом — ведь без Москвы эти проблемы не решить.

Европейские и американские элиты крайне обеспокоены энергетическим усилением России. Зависимость Европы от внешних энергопоставок (прежде всего российских) будет только возрастать. Это особенно пугает Старый Свет на фоне новой наступательной и твердой политики Кремля, зачастую довольно неуклюжей по форме.

Энергетическая конкуренция является, пожалуй, важнейшей причиной антироссийского давления. Связанные с ней противоречия можно было бы преодолеть к взаимной выгоде, согласись европейцы на историческую сделку, которую предлагала Москва, — доступ западных компаний к месторождениям и добыче в обмен на предоставление россиянам выхода на внутриевропейский рынок сбыта энергии. Единый энергетический комплекс «Большой Европы» резко усилил бы общий потенциал, ликвидировав значительную часть опасений. Российское предложение официально отвергнуто, хотя отдельные сделки и претворяются в жизнь. Взаимовыгодный компромисс по-прежнему возможен, если ему не помешают политические обстоятельства. Одно из таких обстоятельств — позиция США.

Соединенным Штатам невыгодно создание единого энергетического комплекса Европы. Если Евросоюз, договорившись с Россией, снизит степень своей зависимости от внеевропейских источников энергии, уменьшится и влияние на него Соединенных Штатов. Ведь

только они обладают военными и политическими средствами, гарантирующими доступ к ресурсам себе и своим союзникам.

Вашингтон постоянно противодействует возможности «сделки» между Россией и Европейским союзом. Ситуация напоминает отчаянную борьбу, которую Вашингтон вел с конца 1950-х до начала 1980-х годов против развития и расширения энергетического сотрудничества между СССР и западноевропейскими странами. Тогда Соединенные Штаты проиграли, экспортные трубопроводы в Западную Европу были проложены. Сегодня Америка борется не только против усиления России, но отчасти и против укрепления Европы, точнее, против ослабления своих позиций в Старом Свете. И рассчитывать на снижение противоречий с Соединенными Штатами по этой проблематике не стоит.

Острый характер коллизий вокруг энергетики обусловлен фундаментальными изменениями, которые произошли в мире за последние 8—10 лет. Еще недавно большая часть энергоресурсов находилась во владении или под контролем западных компаний. Теперь же значительная, если не подавляющая часть энергетических ресурсов за пределами Северной Америки и Европы находится во владении или под контролем национальных государств и их компаний. Условия игры меняются на глазах. Эра «семи сестер», открывшая беспрепятственный доступ потребителей к ресурсам, заканчивается на глазах. Терпит поражение одно из главных направлений американской и западной политики последних 60 лет — обеспечение контроля над добывающими странами, свободного доступа к дешевым энергоресурсам Третьего мира, где и сосредоточена основная их часть.

Многим в Кремле думается, что политико-пропагандистский прессинг Запада, которому подвергается Россия, связан исключительно с ее усилением. Это справедливо лишь отчасти. «Вне всякого сомнения, растущая озабоченность Запада действиями России — не только следствие российской политики, которая выглядит как подрыв интересов Запада, но и отражение нашей убывающей уверенности в своих способностях и в эффективности западной политики», — замечает Томас Грэм, до недавнего времени руководитель отдела по отношениям с Россией и странами бывшего СССР в Совете национальной безопасности США («Россия в глобальной политике», № 3, 2007 г.).

Суть этого давления составляет не столько атака на Россию, сколько общая контратака Запада, цель которой — не допустить дальнейше-

го ослабления своих позиций, а по возможности и отыграть их. Эта контратака и является одной из главных, конституирующих черт НЭП.

Россия оказалась на острие этого нового перераспределения сил и влияния, на передовой линии огня. В 1990-е годы казалось, что отказ Москвы от жесткого контроля над своими ресурсами, их приватизация резко укрепляют энергетическую безопасность Запада. Но за последние годы Россия разными методами восстановила контроль над ресурсами, став наиболее видимой частью нового передела. Почувствовав же себя сильнее, Москва ринулась вперед, пытаясь вернуть себе часть позиций, отобранных или оставленных в 1990-е. Однако наше контрнаступление натолкнулось на встречную контратаку традиционного Запада, который пытается не допустить дальнейшего собственного ослабления. Ослабления, причины которого следует искать в политике запада, а не России.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА НЭП

На поверхность выходит еще одно направление острой конкуренции. Разворачивается борьба между двумя моделями развития — либерально-демократическим капитализмом традиционного Запада и «авторитарным капитализмом», флагами которого всегда выступали азиатские «тигры» и «драконы». Быстрый прогресс стран Юго-Восточной Азии, Южной Кореи предпочитали считать исключением, а не правилом. Но ударный рост КНР вопреки звучащим почти два десятилетия предсказаниям коллапса, не позволяет больше заниматься эскапизмом.

Торжество либерально-демократического капитализма в холодной войне создало иллюзию, что эта победа окончательна. «Конец истории», предсказанный Фрэнсисом Фукуямой, не наступил не только потому, что развал блоковой системы привел к нарастающему хаосу. Оказалось, что соревнование не окончено, поскольку вместо проигравшего планового социалистического хозяйства появилась другая модель, потенциально весьма привлекательная, особенно для стран бывшего Третьего мира, то есть большинства человечества. Это модель авторитарного полудемократического капитализма — экономически эффективного и политически приемлемого.

В отличие от социализма капитализм обеспечивает большинству пусть и неравномерный, но рост благосостояния. А авторитаризм или ограниченная демократия, в отличие от тоталитарного коммунизма, гарантируют тому же большинству приемлемый уровень личной свободы.

Соревнование между двумя подвидами капитализма проанализировал на страницах влиятельного американского журнала *Foreign Affairs* израильский стратег Азар Гат. «Авторитарные капиталистические страны, персонифицируемые Китаем и Россией, — пишет он, — могут представлять собой жизнеспособную альтернативу... что означает, что окончательная победа и будущее доминирование либеральной демократии не являются неизбежными... успешный недемократический Второй мир может теперь рассматриваться многими в качестве привлекательной альтернативы либеральной демократии».

Вполне возможно, что «авторитарный капитализм» — это лишь ступень на пути к более либеральной модели. Ведь многие страны Западной Европы и США до второй половины прошлого столетия имели черты, свойственные ныне государствам так называемого «авторитарного капитализма».

Но как бы то ни было, на сегодняшний день либерально-демократические триумфаторы ощутили, что начинают терпеть поражение. «Миссия» на Ближнем Востоке ослабила мировые позиции не только Соединенных Штатов, но и демократии в целом. Не столь заметным, но существенным ударом явилось поражение де-факто большинства «цветных» революций, импортированных в страны бывшего СССР. Демократические выборы в Палестине повергли страну в гражданскую войну. Запылал вполне демократический Ливан. А расположенная рядом авторитарная Сирия довольно успешно развивается.

Соревнование моделей — это не только борьба за моральное превосходство. Победа означает перераспределение человеческих и всех иных ресурсов в пользу государств, олицетворяющих более эффективную модель. С конца 1980-х годов до начала нового века ресурсы в массовом порядке перетекали в США и Западную Европу. Теперь процесс может пойти вспять. Тем более что успех «авторитарного капитализма» и ослабление позиций демократии накладываются еще на один тектонический сдвиг. Центр мировой экономики и геополитики перемещается с евро-атлантического пространства на азиатское.

Либерально-демократические, но экономически слабые или малые государства вынуждены автоматически ориентироваться на Запад, следовать подчиненным внешнеполитическим курсом. Если другая модель докажет свою успешность, у части государств появится возможность переориентации или, по крайней мере, расширится поле их маневра.

Так, восстанавливается, хотя и очень медленно, привлекательность России для среднеразвитых обществ и стран. Москва показала постсо-

ветским и развивающимся государствам, что успеха можно добиваться, не только двигаясь путем зависимой либерально-демократической модели Центральной и Восточной Европы. Суверенной, растущей, лучше управляемой России хотят подражать те в соседних странах, кто устал от нищеты, хаоса, неопределенности. Да и авторитарным правителям многих государств комфортней жить рядом с твердой, но последовательной и не посягающей на их суверенитет Россией.

История выталкивает нашу страну в центр новой конкуренции между двумя моделями капитализма — либерально-демократической и авторитарной. Россия — ключевое государство с точки зрения соревнования политических, социально-экономических моделей. От нее же зависит, в чью сторону качнется мировой военно-политический баланс.

Недоверие к авторитарной модели развития во многом объясняет и подозрительность европейцев к российской энергетической политике. Авторитарному государству легче манипулировать активами, в том числе энергетическими, во внешнеполитических целях. В этом смысле демократия, особенно слабая, для партнеров удобнее. Она меньше приспособлена для такого манипулирования.

Итак, Россия оказывается в центре сразу двух новых состязаний, которые во многом определяют будущее мира: между потребителями и производителями энергии за контроль над ресурсами и между разновидностями капитализма. А ведь Россия уже находится на трех разломах: между радикальным исламом и христианской цивилизацией, между богатыми и бедными, между Европой и Азией.

Правда, если раньше разлом между Европой и Азией олицетворял собой выбор между современностью и отсталостью, свободой и тиранией, индивидуализмом и коллективизмом, капитализмом и феодализмом, а в конечном итоге — между прогрессом и стагнацией, то теперь стремительно растущий Восток стал, по сути, новым Западом.

НЭП: НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Усложнение соревнования из-за введения в него новых элементов сделает эволюцию мира еще менее предсказуемой. Перед лицом новых вызовов и «трещин» вероятны попытки добиться нового сближения разошедшихся после холодной войны полюсов традиционного Запада — американского и европейского. Но относительное единство может восстановиться только в случае возобновления в той или иной форме системного военного противостояния.

Соединенные Штаты будут по-прежнему делать ставку на НАТО, дабы сохранить свои позиции в Европе, а возможно, и с целью стимулирования нового военно-политического противостояния. Существует нереалистичский, но заведомо провокационный план трансформации Североатлантического альянса посредством включения в него таких стран, как Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, в военно-политическую основу всемирного «союза демократий».

Сама по себе идея создания сообщества мощных и ответственных государств, которые могли бы возглавить борьбу против очередных угроз миропорядка, вполне разумна. Но в новую эпоху конкуренции всех против всех подобное не только весьма маловероятно, но и просто вредно, поскольку несет в себе семена очередного идеологического раскола, той самой системной конфронтации.

Фактическое обоснование ее содержится, например, в статье американских аналитиков Айво Даалдера и Джеймса Линдсея, которая была опубликована в журнале *The American Interest* в конце прошлого года. «Мировые демократии обладают наибольшими возможностями для того, чтобы определять глобальную политику, — пишут авторы. — В их распоряжении крупнейшие и наиболее дееспособные армии, на двадцать самых крупных демократий приходится три четверти всех оборонных расходов в мире». Может ли «концерт демократий» быть успешным, если в него не войдут такие страны, как Китай и Россия, задают вопрос исследователи. И отвечают: «Конечно может». При этом они призывают не бояться того, что Пекин и Москва воспримут формирование «союза демократий» как угрозу и в ответ тоже объединят свои усилия.

Мощные сдвиги в мировой экономике и политике, быстрое перераспределение сил и ресурсов усугубляют ощущение непредсказуемости внешней среды. Поэтому НЭП, скорее всего, будет отмечена продолжением ремилитаризации международных отношений и даже гонкой вооружений. Что же касается дальнейшего расширения НАТО, то оно станет более вероятным, если Россия попадет на удочку и начнет со своей стороны подливать масла в огонь глобальной ремилитаризации.

Другой особенностью НЭП будет жесточайшая многоуровневая конкуренция — экономическая, геополитическая, идеологическая. Министр иностранных дел России Сергей Лавров сформулировал эту особенность нового мира следующим образом: «Парадигма современных международных отношений определяется конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, ее предметом, помимо прочего, становятся ценност-

ные ориентиры и модели развития. Новизна ситуации заключается в том, что Запад теряет монополию на процессы глобализации. Видимо, отсюда и попытки представить происходящее как угрозу Западу, его ценностям и образу жизни» («Россия в глобальной политике, № 2, 2007 г.).

Можно прогнозировать ренессанс попыток ограничить экономическую экспансию стран «авторитарного капитализма» и их компаний. Либеральные государства перенимают протекционистскую практику новых авторитарных капиталистов, вводя ограничения на иностранные инвестиции в «стратегические отрасли». Проявляющееся стремление использовать в качестве инструментов новой конкуренции старые международные организации грозит подорвать значение последних. Резко ослабло влияние МВФ, утрачивает позиции Всемирный банк, наблюдаются деструктивные для мировой экономики попытки использовать ВТО в интересах основателей этой организации – стран «старого» капитализма. Не надо забывать, что рост протекционизма, торговых и инвестиционных противоречий был, как правило, одним из предвестников военных столкновений.

Безусловно, будет обостряться конкуренция и в идеологической области. Демократии уже перешли в контратаку. США займутся восстановлением собственной привлекательности. К сожалению, в среде, характеризующейся острой конкуренцией, борьба за высокие ценности демократии почти неизбежно приобретет характер геополитического противостояния. Это может затормозить вероятный процесс либерализации в странах нового авторитарного капитализма, в частности в России. Не следует забывать уроки холодной войны, когда жесткое давление извне усиливало позиции реакционеров и консерваторов внутри. Вот и теперь тех, кто стремится к необходимым реформам, будет легко представлять агентами держав-конкурентов.

Самым неприятным последствием новой многофакторной конкуренции будет снижение интенсивности и качества международного сотрудничества по противодействию глобальным вызовам – распространению оружия массового уничтожения, деградации окружающей среды, росту исламского экстремизма.

Временные рамки НЭП можно предвидеть. Через пять-семь лет Европа, скорее всего, начнет выходить из нынешнего системного кризиса, ускорится и ее экономическое развитие. Америка, покинув Ирак и избавившись от «иракского синдрома», вернется к более рациональной многосторонней политике. Россия придет в себя от теперешней эйфории и станет проводить не менее активную, но более осторожную политику.

Появятся политические и экономические предпосылки для преодоления нынешней иррациональной конфронтации по энергетике и создания энергетического союза в Европе.

Потребители энергии, вероятно, адаптируются к ситуации, вызванной перераспределением ресурсов из частного и иностранного владения в государственное и национальное. Не исключена и волна реприватизации сырьевых потоков. В истории не раз случалось, что, получив необходимые доходы и убедившись в очередной раз в неэффективности госкомпаний, правительства отдавали управление природными ресурсами в частные руки. Частичная реприватизация весьма вероятна и в России.

Отчасти возможно и преодоление идеологической основы нового противостояния, соревнования между двумя моделями капитализма. Ведь они не так несовместимы, как «реальный социализм» и капитализм.

Глобальные вызовы, ответы на которые мешала найти острая конкуренция НЭП, будут еще более настоятельно требовать тесного сотрудничества. Его новый тур имеет шанс быть более устойчивым, чем в 1990-е годы. Тогда взаимодействие осуществлялось под диктовку победителей в холодной войне, из-за чего начинание было обречено на провал.

Но эра более тесного сотрудничества наступит только в том случае, если человечество, в том числе Россия, не допустит системной ошибки — структуризации и милитаризации нового соревнования, а также если не случится нового военного столкновения. Наиболее вероятно оно на «расширенном» Ближнем Востоке. Обострение конкуренции до системного противостояния может привести к сползанию в сторону череды крупных войн и даже мировой войне.

Что в этой ситуации делать России?

Первое. Шапкозакидательские настроения объяснимы после долгих лет потерь и унижений, но с ними нужно как можно скорее заканчивать. Все прогнозы развития мировой экономики указывают на то, что в обозримой перспективе России не удастся подняться выше нынешних приблизительно 2,5 % мирового ВВП, а если мы не достигнем устойчивого роста в 8–10 % ежегодно, наша доля будет иметь тенденцию к сокращению. К тому же большинство факторов, которые в последние несколько лет обусловили достижения России (от общего снижения мировой управляемости до успеха Китая), в долгосрочной перспективе чреватые серьезными проблемами.

Второе. Новая эра конкуренции требует перехода к экономике знаний. Преимущество, основанное на энергоресурсах, — явление временное. Необходима постоянная модернизация политической

системы, чтобы не допустить скатывания в авторитаризм застойного типа. Если в период благоприятной экономической и геополитической конъюнктуры не использовать полуавторитарных и госкапиталистических методов для перехода к новой модели развития, закат России в последующую эпоху преопределен.

Третье. Мир качественно усложняется. По сравнению с СССР зависимость России от внешнего мира выросла на порядок. Необходимо резкое увеличение инвестиций в изучение современной международной среды, в подготовку кадров, которые на новом этапе и новыми методами смогли бы обеспечить защиту позиций России и ее корпораций, продвижение их интересов.

Четвертое. Нужно приложить усилия, чтобы не допустить невыгодной с точки зрения среднесрочных и долгосрочных интересов ремилитаризации и институционализации нового соревнования. Отсюда — линия на предотвращение дальнейшего расширения и консолидации НАТО, осторожность в заключении союзов и ведении разоруженческих переговоров. Многие из них, как показывает опыт, могут быть использованы для ремилитаризации политики.

Противодействие ремилитаризации не означает отказа от восстановления мощи Вооруженных сил страны на новой основе и модернизации военной доктрины. При этом разумное восстановление мощи должно основываться на односторонне определяемых потребностях, а не на ответах, пусть даже и асимметричных, на действия других.

Пятое. Необходимо сотрудничать со всеми ответственными силами во имя недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия, новых масштабных конфликтов, особенно ядерных. Они могут спровоцировать неконтролируемую деградацию международной политической среды.

Шестое. В период развертывания острой фазы «новой эпохи противостояния», которая будет означать жесткую контратаку начавшего проигрывать Запада, идти ему на уступки бессмысленно. Они будут восприняты как проявления слабости. Но надо избегать и неоправданных демонстраций жесткости, на которые нас будут провоцировать и которые только растрачивают появившийся у России небольшой запас силы.

Россия — это уже не проигравшая страна, пытающаяся наверстать упущенное. Мы должны начать вновь улыбаться просто вежливо, а не издевательски или высокомерно.

Возвращение великих авторитарных держав

Азар Гат

КОНЕЦ КОНЦА ИСТОРИИ

Либеральный демократический миропорядок сталкивается сегодня с двумя проблемами. Первая – радикальный ислам, и она наименее серьезная из двух. Хотя о радикальном исламе часто говорится как о новой фашистской угрозе, а его сторонники считают либеральную демократию неприемлемой, общества, в которых зарождается это движение, обычно характеризуются бедностью и застоем. Они не предлагают жизнеспособной альтернативы современным реалиям и не создают значительной военной угрозы развитым странам. Воинствующий ислам становится опасным в основном из-за того, что существует потенциальная возможность использования оружия массового уничтожения (ОМУ), особенно негосударственными акторами.

Вторая, более значительная проблема коренится в подъеме великих недемократических держав. Речь идет о давних соперниках Запада в холодной войне – Китае и России, где сейчас правят авторитарные, скорее капиталистические, чем коммунистические, режимы. Авторитарные капиталистические великие державы играли ведущую роль в международной системе вплоть до 1945 года, когда прекратили свое существование. Но сегодня, похоже, они готовы вернуться.

Если капитализму, кажется, удалось занять прочные доминирующие позиции, то нынешнее господство демократии имеет под собой гораздо более зыбкий фундамент. Капиталистический способ производства неуклонно расширился с начала Нового времени. Его деше-

Азар Гат – профессор, преподаватель курса «Национальная безопасность» в Тель-Авивском университете, автор монографии «Война в человеческой цивилизации». Статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль – август) за 2007 год. © *Council on Foreign Relations, Inc.*

вые товары и подавляющая экономическая мощь ослабляли и трансформировали все другие общественно-экономические режимы. Наиболее памятным образом этот процесс описали в «Манифесте коммунистической партии» Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Вопреки их ожиданиям, капитализм оказал точно такое же воздействие и на коммунизм, в конечном счете «похоронив» его *без единого выстрела*.

Триумф рынка, ускоряющий промышленно-техническую революцию и усиленный ею, привел к подъему среднего класса, интенсивной урбанизации, распространению образования, появлению массового общества (взамен сословного. — Ред.) и еще большему материальному благополучию. В эпоху после окончания холодной войны (равно как и в XIX веке, а также в 1950-х и 1960-х) повсеместно считалось, что либеральная демократия возникла естественным путем как следствие рыночного развития, — точка зрения, которую в своих знаменитых работах поддерживает Фрэнсис Фукуяма. Сегодня более 50 % государств мира имеют выборные правительства. Почти в половине стран либеральные права утвердились достаточно прочно, так что эти страны можно считать полностью свободными.

Однако факторы, обусловившие триумф демократии (особенно над ее недемократическими капиталистическими противниками в двух мировых войнах — Германией и Японией), имели более случайный характер, чем принято считать. Авторитарные капиталистические страны, примерами которых сегодня являются Китай и Россия, могут представлять собой жизнеспособный альтернативный путь в эпоху модерна, а это, в свою очередь, предполагает, что полная победа или будущее преобладание либеральной демократии отнюдь не являются неизбежным сценарием.

ХРОНИКА

НЕПРЕДУСМОТРЕННОГО ПОРАЖЕНИЯ

Либерально-демократический лагерь нанес поражение своим авторитарным, фашистским и коммунистическим противникам во всех трех главных противостояниях XX столетия — в двух мировых войнах и холодной войне. Когда мы пытаемся определить, что именно привело к такому исходу, возникает соблазн объяснить его особыми свойствами и изначальными преимуществами либеральной демократии.

Одно из предположительных преимуществ — международное поведение демократических стран. Возможно, то обстоятельство, что демократии ограничивают применение силы за рубежом, с лихвой

компенсируется их более высокой способностью налаживать международное сотрудничество, опираясь на связи и дисциплину, свойственные глобальной рыночной системе. Такое объяснение, вероятно, справедливо для эпохи холодной войны, когда в значительно расширившейся мировой экономике доминировали демократические державы, однако оно неприменимо к двум мировым войнам. Не правда и то, что либеральные демократии преуспевают потому, что всегда держатся вместе. Но как фактор, по крайней мере способствующий успеху, такая солидарность имела место опять-таки только в период холодной войны. Демократический капиталистический лагерь сохранил единство, в то время как растущий антагонизм между Советским Союзом и Китаем расколол коммунистический блок.

Во время Первой мировой войны идеологический разрыв между двумя сторонами прослеживался куда менее четко. Англо-французский альянс отнюдь не был предопределен. Он сформировался прежде всего на основе расчета баланса сил, а не благодаря либеральному сотрудничеству. В конце XIX века политика силы привела яростных антагонистов Францию и Великобританию на грань войны и побудила последнюю активно искать союза с Германией.

Выход либеральной Италии из Тройственного союза и ее присоединение, несмотря на соперничество с Францией, к Антанте были обусловлены особенностями англо-французского альянса. Как полуостров Италия не ощущала себя в безопасности, находясь в блоке, противостоявшем ведущей морской державе того времени — Великобритании.

Точно так же Франция в ходе Второй мировой войны быстро потерпела поражение и покинула союзников (в число которых входила и недемократическая Советская Россия), в то время как тоталитарные державы правого крыла сражались по одну сторону баррикад. Изучение поведения демократических альянсов приводит к предположению, что демократические режимы не более склонны к объединению друг с другом, чем режимы другого типа.

Поражение тоталитарных капиталистических систем во Второй мировой войне также нельзя объяснить и тем, что их демократическими странами-противниками двигали более высокие нравственные принципы, побуждавшие людей отдавать больше сил во имя победы (такое объяснение предлагают Ричард Овери и другие историки). В 1930-х и в начале 1940-х годов фашизм и нацизм представляли собой захватывающие новые идеологии, порождавшие массовый на-

родный энтузиазм, в то время как демократия занимала идеологически оборонительные позиции и выглядела устаревшей и выдохшейся. Во всяком случае в военное время фашистским режимам удавалось вдохновлять свои народы гораздо лучше, чем это получалось у их демократических противников, а превосходство первых на полях сражений – факт, который признают очень многие исследователи.

Экономические преимущества, якобы изначально присущие странам либеральной демократии, тоже далеко не так очевидны, как часто утверждается. Все государства, выступавшие в периоды великих противостояний XX столетия в качестве агрессоров, доказали свою высокую эффективность в сфере военного производства. Во время Первой мировой войны полуавтократическая Германия распоряжалась своими ресурсами столь же успешно, сколь и ее демократические соперники.

После первых побед во Второй мировой войне экономическая мобилизация и военное производство нацистской Германии обнаружили слабость. Это произошло в критический период с 1940 по 1942 год. Германия тогда была в состоянии кардинально изменить глобальный баланс сил, разрушив Советский Союз и поработив всю континентальную Европу, но потерпела неудачу, поскольку ее вооруженные силы недостаточно снабжались для выполнения данной задачи. Причины дефицита остаются предметом споров историков, но одной из проблем являлось существование конкурировавших центров власти в нацистской системе. Тактика Гитлера, основанная на принципе «разделяй и властвуй», и ревнивая защита функционерами партии интересов их ведомств привела к хаосу. Более того, в период, начиная с капитуляции Франции в июне 1940-го и до начала отступления германских войск из-под Москвы в декабре 1941-го, Берлин в значительной мере охватило ощущение того, что война практически выиграна.

Тем не менее начиная с 1942 года (а к тому времени было уже слишком поздно) Германия значительно повысила уровень своей экономической мобилизации, догнала и даже перегнала либеральные демократии по доле ВВП, отводившейся на военные нужды (хотя объем производства оставался гораздо ниже, чем объем производства гигантской экономики США). Аналогично имперской Японии и Советскому Союзу удалось с помощью жестких мер достичь уровней экономической мобилизации, превышавших соответствующие показатели в Соединенных Штатах и Великобритании.

Глубокие структурные недостатки командной экономики (а именно они непосредственно обусловили крах СССР) обнаружались только в период холодной войны. Советская экономика успешно прошла раннюю и промежуточную стадии индустриализации (хотя и ценой страшных человеческих потерь), а с вводом в стране военной дисциплины преуспела в налаживании массового производства в годы Второй мировой войны.

Советский Союз не отставал в гонке вооружений и в период холодной войны. Однако из-за системной негибкости и отсутствия стимулов советская экономика оказалась плохо оснащена для того, чтобы войти в передовую стадию развития и приспособиться к требованиям информационной эры и глобализации.

Однако нет причин полагать, что если бы тоталитарные капиталистические режимы нацистской Германии и имперской Японии уцелели, то экономически они оказались бы слабее демократических стран. Неэффективность, которую обычно порождают свойственные таким режимам фаворитизм и неподотчетность, могла бы быть компенсирована более высоким уровнем дисциплины в обществе. В силу их более эффективной капиталистической экономики тоталитарные державы, проповедовавшие правую идеологию, могли бы оказаться для либеральных демократий более серьезной проблемой, чем СССР. До начала и во время Второй мировой войны союзники именно так воспринимали нацистскую Германию. В плане экономического и научно-технического развития либеральные демократии не имели таких же изначальных преимуществ перед Германией, какими они обладали по отношению к другим великим державам-соперницам.

Так почему же именно демократии одержали верх в великих битвах XX века? Причины разнятся в зависимости от характеристик противников. Своих недемократических капиталистических недругов, Германию и Японию, они победили потому, что те были странами средних размеров с ограниченными ресурсами, вынужденными бороться со значительно превосходящими силами коалиции демократических держав и Советского Союза, создание которой, тем не менее, едва ли было неотвратимо.

А вот поражение коммунизма было намного более тесно связано со структурными факторами. Капиталистический лагерь, который после 1945-го расширился и стал охватывать большую часть развитого мира, обладал гораздо большим экономическим могуществом, чем коммунистический блок, а присущая коммунистическим экономикам неэффе-

ктивность не позволила им полностью использовать свои богатые ресурсы и догнать Запад. Советский Союз и Китай в совокупности были крупнее, чем демократический капиталистический лагерь, что потенциально позволяло им превзойти его по мощи. В конечном же счете Москва и Пекин потерпели поражение, будучи ограничены собственной экономической системой, в то время как недемократические капиталистические державы Германия и Япония проиграли, поскольку были слишком малы. Случайность — вот что сыграло решающую роль в смещении баланса сил в сторону демократических государств, а не в сторону недемократических капиталистических держав.

АМЕРИКАНСКОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

Самым решающим элементом случайности были Соединенные Штаты. В конце концов, что, как не историческая случайность, имела следствием тот факт, что ростки англосаксонского либерализма перекинулись на другую сторону Атлантики? Там они законодательно укрепили свои «корни» обретением независимости, распространились на одной из самых благоприятных для проживания и малонаселенных территорий мира, напитались массовой миграцией из Европы и таким образом создали в масштабах континента то, что было — и до сих пор остается — самым крупным в мире средоточием экономической и военной мощи.

Либеральный режим и другие структурные особенности во многом определили экономический успех Америки и даже ее размеры (в силу привлекательности страны для иммигрантов). Но США вряд ли достигли бы такого величия, не находясь они в особенно благоприятной и просторной эколого-географической нише, что подтверждается противоположными примерами Канады, Австралии и Новой Зеландии. Но, конечно, удобное местоположение, хотя оно и играло чрезвычайно важную роль, являлось лишь одной из многих необходимых предпосылок, которые в совокупности сделали возможным появление гигантских и действительно *Соединенных Штатов* как самого главного политического фактора XX столетия. Случайность обусловила формирование США в Новом Свете — во всяком случае в той же мере, что и либерализм. И она же, следовательно, позднее наделила их способностью спасти Старый Свет.

На протяжении XX века мощь Соединенных Штатов постоянно превосходила совокупную мощь двух следующих за ними держав, и это решительно меняло мировой баланс сил в пользу той стороны,

на которой находился Вашингтон. Если и был какой-то фактор, обеспечивший либеральным демократиям превосходство, то это прежде всего не какое-то изначально свойственное им преимущество, а само существование США. На самом деле, не будь Соединенных Штатов, либеральные демократии вполне могли бы потерпеть поражение в великих сражениях минувшего века.

Эта отрезвляющая мысль, которую часто игнорируют в исследованиях, посвященных распространению демократии в XX столетии, заставляет взглянуть на сегодняшний мир как на куда более случайный и непрочный, чем его изображают линейные теории развития (согласно которым историческое развитие представляет собой однонаправленный процесс перехода от низших ступеней к высшим. — **Ред.**). Если бы не американский фактор, последующие поколения, оценивая либеральную демократию, вероятно, повторили бы тот обвинительный вердикт, который греки вынесли в адрес эффективности демократии в IV веке до н. э. после поражения Афин в Пелопонесской войне (столетием ранее).

НОВЫЙ «ВТОРОЙ МИР»

Однако испытание войной, конечно, не единственная проверка, которой подвергаются как демократические, так и недемократические общества. Следует спросить, как стали бы развиваться тоталитарные капиталистические державы, если бы не проиграли в войне. Могли бы они с течением времени и в ходе дальнейшего развития отказаться от своей прежней идентичности и принять либеральную демократию, как в конце концов поступили бывшие коммунистические режимы в Восточной Европе? Произошел бы в результате сдвиг капиталистического индустриального государства — имперской Германии в сторону усиления парламентского контроля и демократизации накануне Первой мировой войны? Или же оно развилось бы в авторитарный олигархический режим, подчиненный альянсу государственной бюрократии, вооруженных сил и промышленников, как это случилось с имперской Японией, несмотря на ее кратковременную либеральную интерлюдия в 1920-х годах? (В 1920-х в Японии было введено всеобщее избирательное право для мужчин, возникли новые политические организации, сформировались профсоюзы. — **Ред.**) Еще более сомнительным сценарием представляется либерализация нацистской Германии в случае, если бы она выжила, не говоря уже о победе.

Поскольку все эти крупные исторические эксперименты оборвала война, ответы на данные вопросы остаются предметом умозрительных спекуляций. Возможно, однако, что ключ к разгадке — в развитии других авторитарных капиталистических режимов в мирное время после 1945 года.

Исследования этого исторического периода показывают, что в экономическом плане демократии обычно превосходят другие системы. Авторитарные капиталистические режимы преуспевают, по крайней мере не меньше, а может, и больше, на ранних стадиях развития, однако проявляют тенденцию к демократизации после того, как достигают определенного рубежа в экономической и социальной сферах. Такая модель, похоже, воспроизводится снова и снова в Восточной Азии, Южной Европе и Латинской Америке.

Однако попытка делать выводы о моделях развития на основе этих данных способна ввести в заблуждение, поскольку не исключено, что выборка, как таковая, может оказаться нерепрезентативной. После 1945-го огромная сила притяжения Соединенных Штатов и либеральная гегемония обусловили отклонения в моделях развития по всему миру.

Поскольку тоталитарные великие державы Германия и Япония были разрушены войной, а затем оказались под угрозой со стороны советской державы, они пошли на стремительную реструктуризацию и демократизацию. Соответственно у менее крупных стран, которые предпочли капитализм коммунизму, не было ни конкурентной политической и экономической модели для подражания, ни мощных международных игроков, к которым они могли бы примкнуть, за исключением либерально-демократического лагеря. Эта демократизация, осуществленная в конце концов странами небольшого и среднего размера, произошла, вероятно, не только вследствие внутренних процессов, но в такой же степени и под всеобъемлющим влиянием Запада с его либеральной гегемонией.

В настоящее время единственной страной с действительно развитой экономикой, где все еще сохраняется полуавторитарный режим, является Сингапур, но даже и там положение, похоже, меняется под воздействием либерального порядка, благодаря которому эта страна функционирует. А возможно ли существование великих держав, подобных Сингапуру и способных сопротивляться влиянию такого миропорядка?

Этот вопрос приобретает злободневность в связи со становлением в последнее время недемократических гигантов — прежде всего

бывшего коммунистического, а ныне бурно развивающегося авторитарного капиталистического Китая. Россия тоже отстывает от посткоммунистического либерализма и принимает все более авторитарный характер по мере роста своего экономического влияния. Некоторые считают, что эти страны смогут в конце концов превратиться в либеральные демократии благодаря сочетанию таких факторов, как внутреннее развитие, рост благосостояния и воздействие извне.

Либо они смогут набрать достаточный вес, чтобы создать новый недемократический, но экономически передовой «Второй мир». Они способны установить мощный авторитарный капиталистический порядок, который, объединив политические элиты, промышленников и военных, будет являться националистическим по своей ориентации и участвовать в глобальной экономике на своих условиях, как это делали имперские Германия и Япония.

Общепризнано, что экономическое и социальное развитие создает подталкивающее к демократизации давление, противостоять которому авторитарная государственная структура не в состоянии. Существует также мнение, что «закрытые общества» могут достигать превосходных результатов в массовом производстве, но не на поздних стадиях развития информационной экономики. Свое окончательное мнение по этим вопросам специалисты пока не выработали, поскольку данных недостаточно.

Как имперская, так и нацистская Германия находились в авангарде передовой научной и производственной экономики своего времени, но кто-то может возразить, что ее достижения больше не применяются, потому что информационная экономика намного более децентрализована. Недемократический Сингапур обладает весьма преуспевающей информационной экономикой, но это — город-государство, а не крупная страна.

Пройдет много времени, прежде чем КНР достигнет уровня, позволяющего проверить, возможно ли существование авторитарного государства с прогрессивной капиталистической экономикой. В настоящий момент можно сказать только одно: история не дает оснований предполагать, что переход сегодняшних авторитарных капиталистических держав к демократии неотвратим, зато многое заставляет полагать, что такие державы обладают куда более мощным экономическим и военным потенциалом, чем их коммунистические предшественники.

Китай и Россия символизируют процесс возвращения экономически успешных авторитарных капиталистических держав, отсутст-

вовавших на международной арене со времен поражения в 1945 году Германии и Японии, но по сравнению с последними они значительно крупнее. Хотя Германия имела всего лишь среднюю по размерам территорию и была плотно окружена другими странами в центре Европы, она дважды чуть не вырвалась из этих оков и не превратилась в настоящую мировую державу за счет своей экономической и военной мощи. В 1941-м году Япония все еще отставала от ведущих мировых держав в экономическом развитии, но начиная с 1913 года темп ее роста был самым высоким в мире. В конечном счете, однако, и Германия, и Япония оказались слишком малозначимыми с точки зрения численности населения, ресурсов и потенциала, чтобы справиться с Соединенными Штатами.

С другой стороны, сегодняшний Китай — крупнейший игрок в международной системе, учитывая численность его населения, который переживает поразительный экономический рост. Переход из коммунизма в капитализм позволил КНР стать на путь более эффективного авторитаризма. По мере того как Китай быстро сокращает экономический отрыв от развитых стран, вероятность его превращения в настоящую авторитарную сверхдержаву возрастает.

Либеральный политический и экономический консенсус уязвим даже в его нынешних бастионах на Западе, будучи слабо защищен от таких непредвиденных событий, как разрушительный экономический кризис, способный подорвать глобальную систему торговли, или возобновление этнических раздоров в Европе, которой иммиграция и этнические меньшинства доставляют все больше проблем. Если бы на долю Запада выпали такие потрясения, это могло бы ослабить его поддержку либеральным демократиям в Азии, Латинской Америке и Африке, где эта модель установилась не так давно, окончательно и непрочно. Преуспевающий недемократический «Второй мир» многие могли бы тогда счесть привлекательной альтернативой либеральной демократии.

ПРЕВРАТИТЬ МИР В БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

Хотя подъем авторитарных капиталистических великих держав не обязательно должен привести к недемократической гегемонии или войне, он может означать, что почти полное господство либеральной демократии, утвердившееся после краха Советского Союза, продлится недолго и что до всеобщего «демократического

мира» еще далеко. Новые авторитарные капиталистические державы способны так же глубоко интегрироваться в мировую экономику, как имперская Германия и имперская Япония, и не захотеть добиваться автаркии, как это делали нацистская Германия и коммунистический блок.

Великодержавный Китай может также оказаться менее склонен к пересмотру своей идеологии, нежели территориально ограниченные Германия и Япония (хотя Россия, все еще не оправившаяся после потери империи, с большей вероятностью может повернуться в сторону ревизионизма). И все же Пекин, Москва и их будущие последователи, обладающие значительно большей мощностью, чем все предыдущие соперники демократии, могут легко вступить во враждебные отношения с демократическими странами, что повлечет за собой весь комплекс подозрительности, отсутствия безопасности и конфликтов, какие обычно сопутствуют такому антагонизму.

Итак, означает ли более высокий потенциал мощи авторитарного капитализма, что трансформация бывших коммунистических великих держав способна в конечном счете стать негативным фактором развития глобальной демократии? Пока слишком рано пытаться ответить на этот вопрос. С экономической точки зрения либерализация бывших коммунистических стран дала мировой экономике сильнейший — и, быть может, не единственный — толчок к развитию. Однако необходимо учитывать (и стараться исключить) возможность их будущего перехода к политике протекционизма. В конце концов именно перспектива дальнейшего роста протекционизма в мировой экономике в начале XX столетия и протекционистский уклон в 1930-х способствовали радикализации недемократических капиталистических держав того времени и ускорили развязывание обеих мировых войн.

Тот факт, что крушение Советского Союза и его империи лишило Москву примерно половины ресурсов, которыми она распоряжалась в годы холодной войны, а Восточная Европа влилась в существенно расширившуюся демократическую Европу, является позитивным для демократий. Это, возможно, самое значительное изменение в глобальном балансе сил со времен послевоенной насильственной демократической переориентации Германии и Японии под руководством США. Более того, Китай все еще может в конечном счете прийти к демократии, а Россия — остановить свой откат от демократии и двинуться в противоположном направлении. Если КНР и Россия не станут более демократичными, чрезвычайно важно,

чтобы таковой оставалась Индия. Это связано как с ее ключевой ролью в уравнивании мощи Китая, так и с тем, что модель ее развития — образец для других развивающихся стран.

Но самым решающим фактором остаются Соединенные Штаты. При всей критике в их адрес США и альянс Америки с Европой остаются главной и единственной надеждой на будущее либеральной демократии. Несмотря на свои проблемы и слабости, Вашингтон все еще занимает сильные глобальные позиции и, скорее всего, сохранит их даже по мере роста авторитарных капиталистических держав.

Дело не только в том, что у Соединенных Штатов самые высокие ВВП и темпы роста производства среди развитых стран. Как принимающая иммигрантов страна с плотностью населения, равной примерно одной четверти соответствующего показателя стран Европейского союза и Китая и одной десятой — Японии и Индии, Америка все еще располагает значительным потенциалом для роста и экономики, и численности населения, в то время как все остальные упомянутые страны переживают процессы старения и в конечном счете сокращения численности населения.

Темпы экономического роста Китая — одни из самых высоких в мире, а с учетом огромной численности населения страны и все еще низкого уровня ее развития этот рост потенциально способен наиболее радикально изменить глобальное соотношение сил. Но даже если опережающие темпы роста КНР сохранятся, а ее ВВП превысит к 2020 году ВВП США, как часто прогнозируется, Китай все равно будет характеризоваться только одной третью достатка на душу населения по сравнению с Америкой и тем самым значительно меньшей экономической и военной мощью. Для преодоления этой пропасти Пекину понадобится значительно больше усилий и еще несколько десятилетий. Более того, известно, что ВВП, взятый в отрыве от других показателей, — плохой способ измерения мощи страны и в качестве доказательства подъема Китая он может ввести в серьезное заблуждение.

Как и на протяжении XX века, фактор США остается самой весомой гарантией того, что либеральной демократии не придется переходить в оборону и оказаться в уязвимом положении на периферии международной системы.

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events — turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington — this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO
**FOREIGN
AFFAIRS**

“The most influential periodical in print.” — *TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” — *FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America's many foreign policy journals.” — *FINANCIAL TIMES*

SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*: One year only US\$57.00!

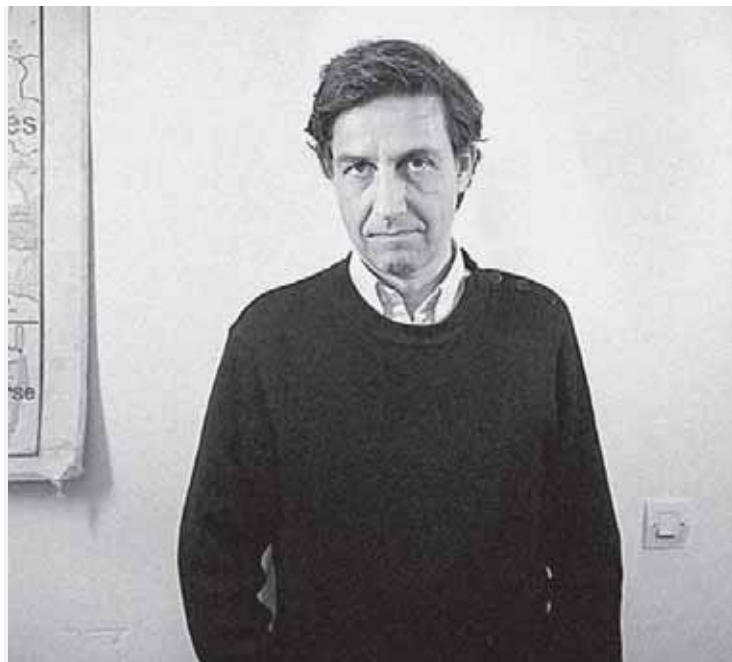
You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoast.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Разговор по существу

“ Американское руководство вкупе с некоторыми европейскими лидерами начало играть по отношению к России довольно некорректную с моральной точки зрения роль. На Западе много говорят о несовершенстве российской демократии, но все же Россия преодолела тоталитаризм, дала возможность всем своим сателлитам и даже своим собственным республикам совершенно свободно и мирно отделиться от нее ”

«Не стесняться имперского прошлого»

Эмманюэль Тодд

Эмманюэль Тодд:

«Не стесняться имперского прошлого»

Эмманюэль Тодд – французский историк, демограф и исследователь политических процессов. Получил известность в 1976 году, когда он, основываясь на демографических данных, сделал вывод о неизбежности распада СССР. Автор многих работ по проблемам формирования французской и европейской идентичности в современном мире. В нашумевшей книге «После империи» (2001) предсказал закат американской сверхдержавы. С Эмманюэлем Тоддом беседовала в Париже Вера Медведева.

– Пять лет назад Вы выпустили книгу «После империи», в которой показали, что из образцовой демократической страны Америка постепенно превращается в проблему для остального мира. Все Ваши прогнозы оказались верными. Вас это радует или, наоборот, огорчает?

– После того, что произошло с иракским народом, я не могу быть довольным. Американская авантюра в Ираке войдет в историю как одна из самых ужасных. К тому же она пока не закончена, и нам наверняка еще предстоит стать свидетелями множества трагических событий. Что же касается деструктивного характера нынешнего американского могущества, то здесь я не ошибся.

– Американская империя рухнет и в то же время стремится контролировать весь мир. Как теперь следует относиться к Соединенным Штатам?

– Поскольку американская система продолжает подпитываться финансами извне, она, естественно, хочет сохранить свое лидерство и имперское влияние. Как таковые, могущество и его демонстрация – это вполне рациональная часть политики любого государства. А вот иррациональный аспект действий Америки мы недооцениваем, хотя он становится все более заметным.

Уже всем понятно, что война в Ираке стала полным провалом и в военном, и в морально-психологическом плане. В рациональном

мире это должно было бы привести к тому, что американский милитаристский запал поутихнет, американская империя постепенно исчезнет и Америка останется влиятельной силой среди прочих, но уже отнюдь не главной супердержавой. И что она перестанет навязывать свою волю и стала бы учиться вести переговоры так же, как и все остальные страны.

Если же мы находимся в поле иррационального, то нас не должно удивлять, что вместо признания своих ошибок Америка, наоборот, продолжает двигаться в направлении к катастрофе и всерьез планирует превентивную атаку против Ирана, которой опасается весь мир.

Пора начинать более настороженно относиться к США. Американская система всегда отличалась изрядной «милитаризованностью», будь то оборона или спецслужбы, а ведь эти могущественные структуры все больше расширяют свое влияние. Такое постоянное расползание военной сферы и секретных служб – признак какой-то внутренней червоточкины.

Сейчас я заканчиваю работу над книгой, в которой пытаюсь прежде всего опровергнуть теорию столкновения цивилизаций. Эта теория, во-первых, ошибочна сама по себе, а во-вторых, используется Соединенными Штатами еще в более упрощенном варианте как инструмент международной политики, порождая банальную исламофобию.

Все более явно проявляется и тот факт, что благополучие США начинает базироваться на напряженности во всем остальном мире. Американская система подпитывается сегодня ненавистью и страхом. Я думаю, что возврат к холодной войне – часть нынешней американской внешнеполитической стратегии.

Пользуясь тем, что в состав Европейского союза вошли некоторые бывшие республики и сателлиты СССР, традиционно настроенные против России, Вашингтон постоянно поддерживает внутри ЕС антироссийскую атмосферу. Но она не имеет ничего общего с политическими целями, которые ставят перед собой французы, немцы либо итальянцы.

Если республиканцы останутся у власти после следующих выборов, американские руководители попытаются воспользоваться уходом с политической сцены Герхарда Шрёдера и Жака Ширака, пытаясь настроить Ангелу Меркель и Николя Саркози против России.

– А что будет, если на выборах победят демократы? Можно ли в таком случае рассчитывать на более взвешенную международную политику Соединенных Штатов?

– И в Сенате, и в Палате представителей демократы проявляют себя как вполне здравомыслящие люди. Но не нужно забывать, что даже нынешнее демократическое большинство не изменило существенным образом общую направленность американской внешней политики.

Конечно, если демократы окажутся у власти, все будет значительно спокойнее, прежде всего на иранском направлении. Но едва ли следует ждать принципиальных изменений в общей стратегии Вашингтона, который стремится во что бы то ни стало остаться лидером западного мира. Американская стратегия направлена на формирование такой конфигурации, при которой существовали бы противостоящие блоки – российский, китайский, иранский. Это нужно, чтобы всегда иметь под рукой противников и соответственно постоянно пользоваться возможностью контролировать Европу, Японию и весь остальной мир.

В интересах Путина не дать втянуть себя в эти игры или попытаться вести собственную весьма изощренную игру – делать вид, что он не замечает всех этих конфликтов, и параллельно продолжать налаживать дружественные отношения с Германией, Италией, Францией.

Россию можно упрекнуть в том, что она иногда пытается «разделять и властвовать», то есть сепаратно «дружить» и договариваться с отдельными странами. Такая тактика Москвы негативно воспринимается как западными журналистами, так и просто ее сторонниками в Европе, каковых немало, особенно после начала иракской кампании, когда Россия поддержала общеевропейскую линию.

Россия только бы выиграла, ориентируйся она на ЕС в целом. Германия, Италия и Франция лишь вместе представляют собой весомую силу, способную противостоять Соединенным Штатам. Если же Кремль будет и впредь прилагать усилия к разделению Германии и Франции, то тем самым он создаст препятствия в деле формирования единой позиции Европы по отношению к Америке.

Но если Россия станет воспринимать Германию и Францию (а в идеале еще и Италию с ее традиционно сильными пророссийскими настроениями) как единое целое, это в значительной степени облегчит ей строительство взаимоотношений со всем остальным Евросоюзом. Две стороны смогут стать партнерами. В этом случае Польшу и страны Балтии приструнить будет гораздо легче.

– В последнее время все больше наблюдателей критикуют Россию за недостаток демократичности. Вы с ними согласны?

– Критика России европейскими СМИ или американскими политиками зачастую совершенно несправедлива. После эпохи дикой либерализации страна нуждалась в большей стабильности. В чем, наверно, можно упрекнуть Россию, так это в том, что она пока не нашла правильный стиль общения с западной прессой. Существует масса возможностей значительно улучшить имидж.

На Западе журналисты, пишущие о политике, и сами политики нередко находятся в положении, обязывающем их «соблазнять» друг друга. Журналисты должны ладить с политиками, чтобы получать эксклюзивную информацию, хотя при наличии свободной и влиятельной прессы это совершенно не означает, что они обязаны только хвалить героев своих материалов. В свою очередь политики также стремятся нравиться журналистам, поскольку благодаря им они имеют шанс произвести хорошее впечатление на избирателей. Не случайно на Западе так часто можно встретить семейные пары, в которых, например, жена – журналист, а муж – политик. Так сказать, обоюдное стремление нравиться, дошедшее до своего логического конца.

Большинство интервью западных политиков являются как раз образцом такого рода подхода: все направлено на то, чтобы наиболее выгодным для себя образом объяснить мотивы своих действий и вызвать к себе расположение. Этот механизм действует во всех западных странах.

У меня сложилось впечатление, что у вас приняты несколько иные методы взаимодействия между прессой и политиками. Зачастую российские политики не способны «соблазнить» западную прессу. Сегодняшняя ситуация в России в определенной степени напоминает эпоху генерала Шарля де Голля, когда политики смотрели на журналистов свысока.

– На чем все же основаны столь мощные антироссийские настроения?

– Однажды я был так удручен русофобией французских журналистов, что организовал дебаты для того, чтобы понять, почему они настолько критично относятся к России.

– И почему же?

– В большинстве случаев по невежеству. Например, на Западе мало кто знает, что именно тоталитарный Советский Союз, а не Соединенные Штаты сыграл решающую роль в победе над Гитлером. Европа находится в неоплатном долгу перед Россией, и поэтому все эти антипутинские выступления относительно недостатков

российской демократической системы я расцениваю как некую моральную ошибку.

Многие западные журналисты всегда стараются смотреть на мир через призму страданий более слабой стороны. Это было свойственно и журналистам, занимавшимся чеченской проблематикой. Любая война представляется журналистам ужасной, так же как и в свое время война в Алжире. Я же уверен, что произошедшие в Чечне события чрезвычайно тяжелы как для чеченцев, так и для русских, и не думаю, что русские вели себя в Чечне хуже, чем французы в Алжире.

Такая же наивность суждений наблюдается и по отношению к Америке, но только с другим знаком. Эта страна долгое время была образцом для подражания. Все так долго видели одни лишь ее положительные качества, что не сразу начали замечать, как те превращаются в свою противоположность: например, вместо свободы слова налицо манипулирование общественным мнением. На одной из конференций я пытался в том числе объяснить, что у Путина не было никакого интереса в публичном убийстве Литвиненко, не представлявшего никакой опасности для спецслужб. Тем не менее журналисты с поразительной наивностью начали разрабатывать именно версию мести спецслужб.

— Все же предвзятое отношение к нам со стороны Запада трудно понять даже с учетом всех политических ошибок, совершенных Россией.

— Лично я не считаю, что Москва совершила какие-то принципиальные ошибки. Наоборот, американское руководство вкупе с некоторыми европейскими лидерами начало играть по отношению к России довольно некорректную с моральной точки зрения роль. На Западе много говорят о несовершенстве российской демократии, но все же Россия преодолела тоталитаризм, дала возможность всем своим сателлитам и даже своим собственным республикам совершенно свободно и мирно отделиться от нее. Многим европейским странам, пытающимся сегодня поучать Москву, расставание со своими бывшими колониями далось гораздо тяжелее — вплоть до кровопролитных войн.

Россия сама очень сильно пострадала при распаде коммунистической системы. Для любого историка, который не занимается сиюминутными выкладками, а пытается анализировать масштабные трансформации, Россия всегда оставалась великой страной.

Вместе с тем нынешние отношения между Россией и Европой не стоит излишне драматизировать. Конечно, есть Польша и страны Балтии, создающие перманентные проблемы. Однако я вам могу честно сказать, что большинство французов, немцев и итальянцев, то есть представителей важнейших европейских государств, почти всегда посмеиваются над тем, что делают прибалтийские страны или Польша, которые сами еще недостаточно интегрированы в единую Европу.

– В XIX веке говорили: там, где есть два поляка, сразу возникает польский вопрос. Теперь, похоже, нужно говорить: если есть хотя бы два поляка, значит, есть и российский вопрос.

– Конечно, «новые» европейские страны, и Польша в том числе, должны достичь определенной степени политической зрелости. Им нужно ясно представлять себе, что если вместо интеграции будет происходить дезинтеграция, то страны «старой» Европы тоже начнут разыгрывать карту своих национальных интересов. Тогда Польша опять окажется в точке столкновения российских и германских интересов.

С другой стороны, развал единой Европы не помешает Германии продолжать сотрудничество с Россией, поскольку обе страны связывают общие экономические интересы. Более того, память о Второй мировой войне не разъединяет, а объединяет их. Эта война принесла чрезвычайно много страданий обоим народам, и сегодня они пришли к взаимному пониманию и уважению. В свое время меня удивило, насколько добрые отношения сложились между Германией и Россией. И даже если у власти в Германии будут правые, едва ли отношения принципиально ухудшатся. Франция также всегда воспринимала Россию как союзника, то же самое можно сказать и об Италии.

– Значит, при Саркози, который якобы чрезмерно ориентирован на Америку, Франция останется союзником России?

– К Саркози, как и к Америке, нужно относиться с долей настороженности. На сегодняшний день Министерство иностранных дел, которое возглавляет Бернар Кушнер, является вроде бы проатлантическим. Но личностям типа Саркози или Кушнера гораздо в большей степени присущ нарциссизм, нежели атлантизм либо национализм. Новый президент в своих многочисленных речах, касающихся политики Франции, неоднократно продемонстрировал, что не является таким уж рьяным атлантистом. Единственное, что важно для него, — это сам Саркози.

Однако говорят, что Николя Саркози очень сильно подвержен влиянию своего окружения. Команда же Саркози существенно изменилась. Те, кого мы могли считать атлантистами и чистыми либералами, оказались практически не у дел в правительстве. Можно понять разочарование бывшего министра по делам промышленности Патрика Деведжана, оставшегося без министерской должности (сейчас он советник президента по политическим вопросам. — **Ред.**), или депутата Пьера Лелюша, который в последние годы фактически представлял интересы НАТО во Франции и тоже вполне мог рассчитывать на пост министра.

Большинство лиц, которые сейчас окружают Саркози, в основном вышли из партии *RPR* («Объединение в поддержку республики», ОПР — голлистская партия, трансформировавшаяся в «Союз за народное движение», *UMP*, лидером которого впоследствии стал Саркози, заменив Ширака. — **Ред.**) и в международной политике весьма далеки от примитивного атлантизма. Многие из них когда-то принадлежали к кругу Филиппа Сегена (видный французский политик, бывший председатель Национального собрания Франции и лидер партии «Объединение в поддержку республики». — **Ред.**). Сегенистами были нынешний премьер-министр Франсуа Фийон, а также Винсент Гийо, который готовил речи Саркози в период избирательной кампании. Новый госсекретарь Франции по вопросам сотрудничества с парламентом Роже Каручи вообще руководил аппаратом Сегена. Всех этих политиков можно назвать «архиголлистами».

Поэтому вряд ли Россия и Франция перестанут «слышать» друг друга. Едва ли Саркози и Путин станут друзьями, как, например, Путин и Ширак или Путин и Берлускони, но даже это вполне может произойти.

Дружба между Путиным и Берлускони, который начинал как ярко выраженный либерал и атлантист, вообще очень показательна. Оба политика смогли очень быстро найти общий язык.

Между Берлускони и Саркози много общего. Последний привнес во Францию налет некой политической вульгарности, при нем мы можем наблюдать «смерть» идеологии, поскольку рабочий класс перестает быть левым, как это было изначально. То же самое происходило в Италии во времена Берлускони.

— Наши колонии жили зачастую лучше, чем центр, и, тем не менее, они поспешили отделиться. Как Вы и предсказывали, Советский Союз распался...

– Вывод о неизбежности распада Советского Союза я сделал на основании снижения показателей рождаемости, которые в СССР приближались к западным. Для меня это было явным свидетельством модернизации общества. Так что моя книга могла бы считаться антикоммунистической, но сам я никогда не был русофобом.

Более того, когда-то я пошутил, что являюсь единственным интеллектуалом-путинистом в Париже.

– Как Франция справилась с грузом истории, когда распалась ее колониальная система?

– Почему распад французской колониальной системы породил так много проблем? Дело в том, что Франция всегда пыталась цивилизовать покоренные народы по своему подобию, исходя из того, что все люди равны и необходимо только соответствующее воспитание и образование. Каждый раз французы пытались реально интегрировать покоренные страны в свою культурную систему.

Англия никогда не ставила перед собой цивилизаторских задач, она никогда не представляла себе, что африканцы или индусы могут стать англичанами. Поэтому расставание с колониями давалось ей гораздо легче, чем Франции, которой пришлось вести кровопролитные войны в период деколонизации.

Считая, что все люди равны, французы, можно сказать, «привязывались» к своим покоренным народам и весьма болезненно воспринимали тот факт, что те стремятся с ними порвать. Но, как это ни парадоксально, французский подход к колонизации впоследствии принес и некие положительные плоды. Французский язык остался государственным во многих африканских странах, не говоря уже о том, что Франция до сих пор имеет во многих регионах реальное политическое влияние, которое, правда, периодически создает определенное напряжение. В итоге французам, как мне кажется, лучше, чем англичанам, удалось сохранить связи со своими колониями, хотя мы и ощущаем некое разочарование в своей культурной миссии.

Падение уровня рождаемости в странах Северной Африки до уровня, характерного для самых развитых государств (что говорит о высокой степени модернизации в регионе), явилось не только следствием политики ликвидации неграмотности, которую проводила там Франция, но и следствием того, что связи этого региона с Францией не были прерваны. Благодаря миграции европейская модель более активно воспроизводится в странах Магриба. Общества, которые там сегодня существуют, можно назвать арабо-французски-

ми. Многие страны Северной Африки являются практически двуязычными, например Марокко. Почему бы не иметь нечто подобное и в бывших республиках Советского Союза?

Русские в своих колониях действовали так же, как французы, рассматривая свои действия как некую миссию. В республиках Средней Азии Советской Союз вообще добился массовой ликвидации неграмотности и существенной модернизации, причем зачастую гораздо более позитивной, чем Франция — в странах Магриба.

Веря, что весь мир может стать коммунистическим, русские стремились распространить универсальные эгалитаристские принципы. Россия обладала огромной силой притяжения и для многих служила ориентиром. Именно поэтому русским психологически было очень тяжело наблюдать распад Советского Союза.

Однако Россия, потеряв свои бывшие республики, тоже сохранила прежнее влияние благодаря языку и торговым связям. Она была и остается крупнейшим геополитическим игроком.

Соответственно, если французы не стесняются или совсем немного стесняются своего имперского прошлого, то почему это должна делать Россия?

Возможно, дело в том, что Россия, в отличие от Франции, продолжает оставаться в центре своей бывшей «империи». Эта страна — ведущая энергетическая держава, с которой невозможно не считаться, поэтому там могут появляться проекты восстановления имперского могущества. Ее бывшие республики более настороженно смотрят на близкую Россию, чем бывшие колонии — на удаленную Францию. Наверно, многих сложностей можно будет избежать, если страны, образовавшиеся из бывших республик, будут уверены, что Россия ни в коей мере не планирует покушаться на их суверенитет.

— Считаете ли Вы, что история становится частью политики? Например, Австрия, чтобы воспрепятствовать вступлению Турции в Евросоюз, всерьез говорит об осаде Вены в XVII веке!

— Попытки использовать историю в политике делались всегда и, очевидно, будут делаться и впредь. Что же касается позиции Австрии, то она является отражением не столько попыток привнести историю в политику, сколько исламофобии, охватившей сегодня всю Европу. В том числе и Францию, у которой на самом деле еще со времен Людовика XIV всегда были хорошие отношения с Турцией. Но про это сейчас никто не вспоминает. Наоборот, сильная армянская диаспора во Франции способствует более критическому отношению к Турции.

Из истории выбираются те моменты, которые должны служить оправданием нынешней политики, и выбрасываются другие, которые в нее не вписываются. Чем является такой подход: историей или разновидностью фобии по отношению к исламу? А ведь такая фобия используется в том числе и для того, чтобы особым образом «структурировать» международную политику.

Постепенная модернизация исламского мира, о которой я говорю в своей книге, — непростой процесс. Он может обернуться непредсказуемыми последствиями, если западный мир будет настолько антиисламским. Именно поэтому я надеюсь, что исламофобия перестанет служить идейной составляющей нынешней политики.

Скажем, Запад со своей стороны должен проявлять большее доверие к Ирану и не сосредотачиваться на том имидже страны, который создает президент.

Коэффициент рождаемости в Иране очень близок к показателям в Европе и Соединенных Штатах — два ребенка на одну женщину. Это доказывает, что в исламской стране происходят глубинные изменения, а сама она быстро модернизируется. Там все еще существует выборная система, пусть она и далека от образцовой. Так что мы можем считать Иран демократией, хотя и с религиозной направленностью. И в самих Соединенных Штатах, в отличие, например, от России или Франции, религия играет в политике отнюдь не последнюю роль.

— Тем не менее сейчас многие страны начинают все более активно разыгрывать «историческую» карту, припоминая друг другу обиды. Особенно активно выступают государства — бывшие республики и сателлиты Советского Союза, прежде всего Польша. Страны Балтии постоянно говорят о своих страданиях во время «оккупации», но при этом не вспоминают, что никогда не могли похвастаться сильными независимыми государствами.

— Нужно спросить самих себя: «А почему Польша в определенные эпохи вообще “исчезала” как государство?» Причина не только в ее переделах, но и во внутривнутриполитическом хаосе — нередком явлении в истории Польши. Приходится признать, что эта страна испытывает проблемы с внутренней стабильностью, страдает от внутренних структурных неполадок.

Использование истории в политике проявляется не только в попытках вспомнить что-то, но и в попытках забыть некоторые исторические факты. Взять, например, Латвию. Ее нынешнее антироссийское поведение я бы описал как стремление выглядеть абсолют-

но невинной. Сейчас Латвия говорит о коммунизме как о чем-то совершенно ужасном, привнесённом извне, но если посмотреть на историю российского коммунизма, то мы увидим, что латыши принимали активное участие в событиях 1917–1918 годов.

Прибалтийские страны сейчас пытаются сформировать некую фиктивную национальную историю. Франция тоже не раз пыталась переписывать историю своих отношений с Англией и Германией в периоды напряженности между странами.

Чтобы утешить россиян, могу привести пример фламандцев Бельгии. Когда-то этот небольшой народ почти полностью находился под влиянием франкоговорящей буржуазии. Потом фламандцы эмансипировались и обрели вес в обществе – и сразу же устроили невыносимую жизнь франкоговорящим бельгийцам. Очевидно, таким образом проявились их сверхзакомплексованность и некое внутреннее сомнение в своих собственных исторических корнях.

Мне кажется, что нечто подобное происходит сейчас и в странах Балтии. Россия просто должна вести себя с ними, как с детьми, и проявлять терпение. А прибалтийским странам нужно понять: если они знают, что было в прошлом, и сейчас ясно видят свое будущее, ну и прекрасно. Но существуют сами по себе, найдите свою собственную историческую идею, а не ищите ее в противостоянии с Россией.

Смена караула

Британский плакат времен Великой Французской революции

Гордон Браун: моралист у власти
Александр Терентьев

96

Николя Саркози: прагматизм и преемственность
Юрий Рубинский

111

Гордон Браун: моралист у власти

Александр Терентьев

В Великобритании закончилась эпоха Тони Блэра, длившаяся 10 лет. 27 июня 2007 года премьером стал Гордон Браун, находившийся до этого на посту канцлера казначейства. Казалось бы, данное событие не может ничего изменить ни во внешней, ни во внутренней политике Лондона — ведь новый лидер принадлежит к той же правящей Лейбористской партии, что и прежний.

Однако давнее противостояние среди лейбористов по накалу не уступает борьбе меньшевиков и большевиков в РСДРП и предвещает менее спокойный сценарий. Политическая элита королевства четко делится на сторонников Блэра и сторонников Брауна. По мнению большинства британских аналитиков, сама преждевременная отставка премьера стала результатом удачно спланированного заговора «браунитов». Ведь руководитель Министерства финансов Гордон Браун мечтал о премьерском кресле еще с 1994-го, когда совершенно неожиданно для всех он уступил лидерство на внутрипартийных выборах молодому Тони Блэру.

ВНУТРЕННИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Лейбористы Блэр и Браун, десятилетие проработавшие в одном правительстве, абсолютно непохожи друг на друга. Первому приятно куртуазное общение, он ценит все изящное; второму не важны внешние проявления, он смотрит на вещи прежде всего с точки зрения выгоды. Тони — человек современный, свободомыслящий, готовый к экспериментам. Гордон — педантичный партийный чиновник, которому свойственны все предрассудки, распространенные в традиционном британском обществе. Первый — эпикуреец, второй — пуританин.

А.А. Терентьев — сотрудник Лондонской школы экономики.

В статье «Стремление к счастью», опубликованной в 2007 году в журнале *The Spectator*, Борис Джонсон так характеризует нового премьера и его окружение: «Они ненавидят всех, кто ведет себя чуть более фривольно, чем это положено, их отличает пуританское чувство отторжения всего галантного, наслаждение жизнью вызывает у них аллергию. Они превозносят работу с таким же маниакальным воодушевлением, как это делал советский агитпроп в 1930-е. Во всех речах Гордона Брауна повторяется, что только работа может увеличить самооценку человека. В той системе ценностей, которую предлагают нам “брауниты”, нет речи о смысле существования. Эти пуритане, похоже, полностью уверены, что наше счастье зависит лишь от денежного вознаграждения, которое мы получаем за нашу работу».

Во внутренней политике, которая давно находится в ведении Брауна, пуританское влияние чувствуется практически во всем. Достаточно вспомнить знаменитые кампании по борьбе с охотой на лис и курением.

В новом правительстве Брауна свои посты сохранили лишь два министра, служившие его предшественнику. Наиболее ревностные «блэриты» покинули кабинет, Браун с особой неприязнью относится к политтехнологам — авторам идеологии «модернистской Британии». Они вызывают аллергию у премьера, который вырос в семье священника и считает окружение Блэра «аморальным».

Эксперты утверждают, что новый лидер выберет куда более строгий и аскетичный стиль управления. Браун уже провозгласил, что откажется от решений, которые принимаются закулисными советниками, будет прислушиваться к мнению рядовых членов партии и постарается вернуть власть простым гражданам. Некоторые члены правительства поговаривают о том, что для Брауна характерен авторитарный стиль управления: он требует не просто лояльности от своих сотрудников, а безоговорочного подчинения. Недавно один из отставных чиновников даже сравнил его манеру управления со сталинской.

С другой стороны, канцлер казначейства никогда не был публичным политиком, и ему, конечно же, не хватает харизмы предшественника. «Как политик я никогда не хотел привлекать внимание публики, — говорил Браун. — Я никогда не верил, что красивые слова могут заменить реальные действия. Я не верю в харизматичную политику».

Британские журналисты сомневаются в искренности нового лидера. Джулия Хартли-Бревер, политический редактор газеты *Sunday*

Express убеждена, что канцлер казначейства немало времени уделял формированию своего имиджа. «Гордон Браун манипулировал и будет манипулировать СМИ, — заявила она. — Помяните мое слово, этот сурового вида шотландец будет еще приглашать знаменитостей на коктейли в свою резиденцию».

Эксперты утверждают, что Браун намного больше связан с Лейбористской партией, чем Блэр. Многие лейбористы даже воспринимали последнего как случайную фигуру. Браун же сумел создать впечатление, что хорошо помнит о партийных корнях. В противостоянии старых и новых лейбористов он благоразумно сохранял нейтралитет, что давало повод каждой из сторон считать его «своим».

Деятельность Брауна на посту министра финансов не могла обнадеживать тех из однопартийцев, кто сохранил верность социал-демократическим идеалам. Он добился независимости Банка Англии, опустил максимальную налоговую ставку до 40 %, повысил роль частного сектора, отменил многие социальные льготы. Тем не менее Гордон Браун считается политиком левых взглядов и пользуется поддержкой профсоюзов, некогда главной опоры Лейбористской партии. (Приход к власти нового премьера приветствовали лидеры двух крупнейших профсоюзов — *Unison* и *TGWU*).

За время правления Блэра Британия стала куда более космополитичным государством. Поэтому так важен подход нового премьера к иммиграционным вопросам. Браун настаивает на том, что правительство должно контролировать процесс ассимиляции эмигрантов, чтобы понимать, разделяют ли последние национальные ценности. Возможно, новый британский лидер так много рассуждает о «британской идентичности», поскольку в политической элите часто иронизируют по поводу его шотландского происхождения, а, как известно, представители малых народов, придя к власти, обычно стараются укрепить общенациональные мифы. Отрицательным для эмигрантов моментом является также связь Брауна с профсоюзами: может измениться ситуация на рынке труда. Британским гражданам будут предоставлены преимущества, правительство постарается ограничить приток иностранной рабочей силы.

ДИЛЕТАНТ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ СЦЕНЕ?

До того как стать премьером, Тони Блэр никогда не занимался международными проблемами и, по мнению большинства экспертов, ничего в них не смыслил. Мастер внутрипартийных инт-

риг, он, казалось, не был способен к исполнению роли глобального лидера.

Однако именно в эпоху Блэра внешняя политика впервые за долгое время стала ключевым вопросом для британского общества. Премьер сумел значительно повысить роль Великобритании в мире, выстроив хорошие отношения практически со всеми ключевыми фигурами международной политики. Возможно, в этом ему помогла не только личная дипломатия, но и актерские таланты: Блэр одновременно мог играть роль страстного атлантиста, сторонника свободного рынка и европейского социал-демократа.

Гордон Браун не обладает артистическими способностями, так что едва ли ему удастся добиться такого же успеха на мировой арене. Серьезный, презирующий лицедейство Браун, который никогда не стремился к славе мирового лидера и воспринимал встречи с иностранными партнерами как тяжкую повинность.

Внешнеполитический опыт Брауна в основном сводится к работе с такими организациями, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Давосский форум. Он принимал активное участие в дебатах на тему реформирования международных финансовых институтов, и многие даже прочили его на пост президента Всемирного банка. Однако в других вопросах международной политики Браун практически не имеет опыта, и вряд ли стоит ожидать, что он сумеет приобрести его за два года, оставшихся до парламентских выборов.

Своей главной задачей Браун сделает завоевание симпатий электората, в силу чего сосредоточится на внутривнутриполитических проблемах — экономике, образовании и здравоохранении. Внешняя же политика, считают большинство экспертов, будет играть для него второстепенную роль: он станет уделять внимание только тем вопросам, которые способны принести быструю отдачу (например, война в Ираке). В этом смысле достаточно симптоматичным является решение перевести советников по международным вопросам из резиденции премьера на Даунинг-стрит, 10, в соседнее здание секретариата кабинета министров. В глазах британского общества эта, хотя и незначительная, деталь демонстрирует, что советники по международным вопросам в ближний круг нового лидера не попадают.

Вероятнее всего, Гордон Браун отдаст внешнюю политику на откуп британскому МИДу, который в блэровскую эпоху постоянно чувствовал себя ущемленным в правах. Бывший премьер принимал решения, не считаясь с внешнеполитическим ведомством, и

нередко шел на конфликт с профессиональными дипломатами. Браун, похоже, предоставит МИДу свободу действий, и это, безусловно, придаст внешней политике Лондона более предсказуемый и безликий характер. Символом того, что Форин оффис возвращает себе былое влияние, стало назначение на должность главного советника по внешней политике профессионального дипломата Саймона Макдоналда, последнее время возглавлявшего арабский отдел МИДа. Браун дал понять, что не собирается следовать примеру Блэра, который никогда не отбирал себе советников среди сотрудников министерства.

При премьерe, уделяющем основное внимание внутренней политике, повышается роль министра иностранных дел. И назначение на эту должность бывшего министра по делам окружающей среды Дэвида Милибэнда символично. Данное кадровое решение означает, что новый премьер является убежденным сторонником глобализации — ведь опыт Милибэнда во внешней политике сводится к решению таких глобальных проблем, как изменение климата. И хотя многие аналитики рассуждали о возможном повороте Брауна в сторону изоляционизма, их прогнозы, судя по всему, не оправдаются.

В программной статье в журнале *New Statesman* Милибэнд четко обозначил глобальное видение роли Великобритании. Цитируя Джона Кеннеди, он говорит о том, что внешняя политика должна основываться на «идеализме без иллюзий». «Я верю в идеализм прежде всего в том, что касается способности Великобритании стать глобальным центром для дискуссий и принятия решений по грандиозным экономическим, социальным и политическим вопросам, перед лицом которых мы оказываемся».

В интервью *Financial Times* министр заявил, что Великобритания может играть на мировой арене роль ключевого партнера. «Я думаю, что мы находимся в уникальном положении, — сказал он. — Британия одновременно является ключевым союзником США, Европы и таких развивающихся стран, как Индия».

Многие эксперты называют нынешнюю эпоху временем неокOLONIALИЗМА. Если это действительно так, то следует признать, что двойственное положение Великобритании между Соединенными Штатами и Европой поможет ей обеспечить солидную долю «колониального» пирога. Атлантистская политика позволит Лондону участвовать в построении Большого Ближнего Востока (в этом смысле Примеча-

тельно назначение Тони Блэра представителем «квартета»), а совместные европейские проекты – в освоении Черного континента.

Сотрудничество в рамках Британского Содружества и двусторонний диалог с бывшими колониями вообще приобретает для Соединенного Королевства колоссальное значение. В первую очередь, конечно, речь идет об отношениях с Индией. Дэвид Милибэнд призывает использовать исторические связи с бывшей «жемчужиной британской короны». При этом индийцы постепенно избавляются от постколониального синдрома в отношениях с бывшей метрополией. «Политики моего поколения, которые не понимают индийского мировоззрения, не имеют права судить о международных отношениях», – заявил Милибэнд в интервью *Financial Times*. В декларации, подписанной в Дели в 2002 году, Великобритания обязуется сделать все от нее зависящее, чтобы обеспечить Индии постоянное место в Совете Безопасности ООН.

Проблемы Африки новый британский лидер знает не понаслышке. Именно он занимался оказанием помощи и списанием долгов африканским странам, принимал участие в работе созданной Блэром Комиссии по делам Африки. Правда, будучи достаточно хорошо осведомлен в экономических вопросах, Браун практически ничего не знает об опыте гуманитарных интервенций в Сьерра-Леоне, Судане и Конго. И пока еще неясно, ограничится ли он оказанием помощи Африке либо продолжит политику предшественника, которая подразумевала военное вмешательство. В ближневосточном конфликте, похоже, Браун будет проводить израильскую линию. Саймон Макдоналд долгое время был британским послом в Тель-Авиве и находится в дружеских отношениях со многими представителями израильской элиты.

Бывший госсекретарь США и советник президента Джона Кеннеди Дин Ачесон как-то заметил, что «Британия потеряла империю и так и не нашла для себя новую роль». Конечно, сейчас было бы наивно надеяться на возрождение былой имперской мощи, однако нельзя исключать, что с помощью Соединенных Штатов и Европейского союза (которые сами себя иногда аттестуют как империи нового типа) она сумеет восстановить влияние в прежних колониях.

К сожалению, личная дипломатия Блэра запомнилась не только его успехами на мировой арене. По словам Джона Кампфнера, редактора журнала *New Statesman*, все войны, которые Британия вела в блэровский период (Косово, Афганистан, Ирак), – это «личные

войны премьер-министра». Будь у королевства другой премьер, оно осталось бы в стороне от большинства из этих конфликтов. «Конечно, у Брауна нет такой харизмы, как у Блэра, — говорит представитель Консервативной партии Джон Рэнделл. — Однако, возможно, многим людям приятнее иметь дело с серьезными политиками вроде Брауна. К тому же личные отношения Блэра с такими лидерами, как Буш и Берлускони, вызывали в Лейбористской партии резкую неприязнь».

Скорее всего, Гордон Браун не будет менять приоритеты британской внешней политики, в том числе относящиеся к вопросам изменения климата и развитию Черного континента, которым Блэр уделял в последнее время основное внимание. Судя по тому, что одна из программных речей Брауна была посвящена глобальному потеплению, Лондон продолжит кампанию, нацеленную на то, чтобы убедить крупнейших мировых игроков подписать Киотский протокол, ограничивающий выбросы в атмосферу углекислого газа.

Вступив в должность премьера, Гордон Браун сразу столкнулся с кризисом, связанным с попытками осуществить теракты в Лондоне и Глазго. Выбор Глазго отнюдь не случаен — это вызов террористов новому премьеру, который является уроженцем Шотландии. Возможно, исламские экстремисты надеялись, что перестановки в правительстве не позволят британцам оперативно отреагировать на планируемые теракты, которые вынудят нового премьера изменить политику в области борьбы с терроризмом.

Однако новое правительство очень оперативно и слаженно отреагировало на форс-мажор. На некоторое время степень террористической угрозы была официально повышена до критического уровня. Практически ежедневно заседал правительственный комитет по чрезвычайным ситуациям «КОБРА». Новый министр внутренних дел Джеки Смит подчеркнула, что народ «не будет запуган и никому не позволит изменить нашу жизнь». Сам премьер выступил с телеобращением, стилистика которого напоминала речи Уинстона Черчилля времен Второй мировой войны. «Мы все как один не поддадимся угрозам. Мы не дадим себя запугать и никому не позволим подорвать наш британский образ жизни... Нам нужно отделить огромное количество умеренных членов нашего общества от немногих экстремистов, желающих применять насилие и вызывать максимальные потери среди населения в интересах извращенного видения своей религии».

Достаточно показательно, что из политического лексикона нового правительства исчезло понятие «война с терроризмом». Люди, которые планировали теракты в Лондоне и Глазго, воспринимаются как уголовные преступники, а не враги. Это символизирует изменения в подходе правительства к проблеме терроризма. Новый премьер отказывается от примитивистской трактовки, характерной для американских неоконсерваторов, которые убеждены, что данную проблему можно решить исключительно с помощью военной силы. Браун прекрасно понимает, что это не так. Будучи еще на посту министра финансов, он принимал меры для перекрытия источников финансирования террористов. В 2006-м нынешний премьер так изложил свою позицию: «Проблему глобального терроризма нужно решать глобально с использованием всех средств, которые есть в нашем распоряжении, — военных, экономических и культурных».

АТЛАНТИСТ-ПРАГМАТИК

В своей внешней политике Великобритания опирается на «особые отношения» с Соединенными Штатами. Правда, в последнее время англичане все чаще говорят о ненадежности Америки не только как союзника, но и как рынка для британского экспорта. Многие полагают, что «особые отношения» лишь искусственно поддерживались Блэром и недалек тот час, когда Соединенное Королевство отвернется от своего традиционного союзника, отринув старую мечту Черчилля о двустороннем атлантическом партнерстве. «Политический роман между Рейганом и Тэтчер был лишь последней вспышкой угасающего пламени, — пишет известный британский историк Нил Фергюссон. — Атлантизм Блэра — лебединая песня “особых отношений”». Для стратегического партнерства требуется нечто большее, чем близость лидеров и взаимный интерес элит. Необходимо взаимопонимание граждан по разные стороны Атлантики».

Однако новый лидер вряд ли изменит курс. Если атлантизм Блэра основывался на его личных отношениях с американским президентом (в данном случае премьер следовал примеру своих предшественников — Черчилля, Макмиллана и Тэтчер), то привязанность Брауна к Америке намного глубже. В своей микроэкономической политике он опирается на американскую модель и, по мнению большинства экспертов, является убежденным американофилом. Как говорят, Браун всегда отдыхает в Америке, часто летает в Мас-

сачусетс и находится в дружеских отношениях с представителями американской политической и бизнес-элиты.

«У Блэра не было таких трансатлантических связей, как у Брауна, — говорит представитель Консервативной партии Грег Хэндс. — Блэру просто удалось построить личные отношения вначале с Биллом Клинтонем, а потом и с Джорджем Бушем. Однако он политик скорее европейского склада. Браун же — стопроцентный атлантист».

Буш, по крайней мере на первых порах, будет руководствоваться принципом: «Если он хорош для Тони, значит, и мы с ним поладим». «Я нашел его очень открытым и обаятельным человеком, — поделился своими впечатлениями Буш после первой встречи с Брауном с глазу на глаз. — Он прекрасно понимает, какие могут быть последствия провала в Ираке. С ним легко говорить. К тому же он настоящий мыслитель».

Однако американскому лидеру вряд ли удастся выстроить с новым премьером такие же доверительные отношения, как с прежним. Логично предположить, что Гордон Браун будет воспринимать коллегу как политического банкрота, с которым уже не имеет смысла искать общий язык, и поставит на будущего президента Соединенных Штатов. Существует вероятность того, что новый хозяин Белого дома начнет выводить войска из Ирака. Поэтому Браун, скорее всего, попытается подготовить почву для союза с ним и даст понять, что его правительство продумывает «стратегию выхода» из «ближневосточной авантюры». Такая позиция привлечет к нему британских избирателей, недовольных заявлениями Блэра о том, что Британия «готова заплатить кровью за то, чтобы укрепить свои особые отношения с США».

Уже сейчас Браун признаёт, что после вторжения в Ирак были сделаны серьезные ошибки, намекает на необходимость расследования, предлагает ввести в Великобритании письменную конституцию, чтобы установить, когда правительство имеет право объявлять войну. Новый премьер убежден: чтобы одержать победу в войне с терроризмом, Западу необходима кампания по завоеванию сердец наподобие культурной кампании против коммунизма.

Когда стало понятно, что Браун хочет пересмотреть британскую политику в Ираке, были подготовлены предложения по этому вопросу. В их разработке приняли участие лорд Пэдди Эшдаун, бывший верховный представитель генсека ООН в Боснии и Герцеговине, и сэр Джереми Гринсток, бывший британский посол в Багдаде. Документ во многом повторял заключения американской Группы

по изучению Ирака, которую возглавлял Джеймс Бейкер. В заключение авторы призывали к созыву мирной конференции по образцу Дейтонской, проведенной в 1995 году по балканскому вопросу.

В первые же дни своего существования правительство Брауна начало дистанцироваться от политики американских неоконсерваторов. Марк Мэллок Браун, руководитель африканского и азиатского направлений в Форин оффисе в ранге министра, в интервью газете *The Daily Telegraph* заявил, что новый премьер вряд ли будет во всем поддерживать президента Буша, как это делал Тони Блэр.

Кстати, назначение Марка Мэллока Брауна, который до этого работал в руководящих структурах ООН и зарекомендовал себя принципиальным оппонентом Белого дома, в особенности в том, что касается иракской кампании, встревожило Вашингтон. «Выбор этого политика посылает ясный сигнал того, что правительство Брауна займет намного более критическую позицию в отношении внешней политики США», — писали в начале июля аналитики консервативного американского фонда «Наследия» (*Heritage*).

Другой представитель нового правительства, министр международного развития Дуглас Александер, который считается одним из ближайших сподвижников Гордона Брауна, выступая в Вашингтоне, говорил о необходимости «новых альянсов, основанных на общих ценностях». Он высказался против одностороннего подхода в международной политике. «В независимом мире изоляционизм просто не работает», — заявил Александер. Но хотя правительство Брауна дает понять, что не разделяет идеологию неоконсерваторов, представитель пресс-службы премьера сказал, что точку зрения министров не следует воспринимать как знак того, что Британия отказывается от политики «особых отношений» с США.

БРИТАНИЯ — ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Англосаксонский вариант экономического развития предполагает минимальное вмешательство государства в экономику, приверженность идеалам свободного рынка. В отличие от континентальных европейцев британцы не выступают против слияний и поглощений одних компаний другими, отстаивают интересы в первую очередь акционеров и считают неэффективным совместное с рабочими управление предприятием.

Несмотря на наличие общего внешнего тарифа Евросоюза и правил единого рынка, Великобритания — единственная страна в

Европе, которая проводит относительно независимую торговую политику. Более половины британского экспорта приходится на неевропейские страны. Великобритания является самым значительным иностранным инвестором в экономику Соединенных Штатов.

Своеобразие британской модели сохраняется во многом благодаря именно Гордону Брауну, который на протяжении последних десяти лет занимал пост министра финансов. Он был одним из главных противников присоединения страны к зоне евро. В своих выступлениях по поводу принятия бюджета канцлер казначейства, как правило, не без злорадства указывал на кризис в экономике континентальной Европы. Однако если и на посту премьера он продолжит критиковать европейскую систему, в Европейском союзе его начнут принимать в штыки. Председатель Еврокомиссии Жозе Мануэл Дуран Баррозу заметил по этому поводу: «Если вы приходите в клуб мясоедов и заявляете, что являетесь вегетарианцем, у вас просто не будет там влияния».

В 1997 году Тони Блэр пришел к власти с проевропейскими лозунгами и никогда от них не отступался. Он мог часами разговаривать по телефону с лидерами других стран — членов ЕС, вникая в мельчайшие детали континентальной политики. Даже после размолвки по поводу Ирака он продолжал говорить о европейской судьбе Соединенного Королевства. В период его премьерства страна попыталась занять нишу военного лидера Евросоюза, выступая с серьезными инициативами в области общей политики и политики безопасности. По мнению Блэра и его советников, более активная роль Лондона в Европе могла бы способствовать росту британского влияния в Вашингтоне.

Гордон Браун, напротив, евроскептик. Он больше ориентируется на настроения населения, которое взирает на европейские проекты с высокомерием и скепсисом. «Британия — глобализированное общество, — заявляет идеолог “новых лейбористов” Джон Грей. — Более глобализированное и открытое, чем США. И молодое поколение прохладно относится к идее глубокой интеграции, поскольку считает, что это отдалит Британию от остального мира».

Представителем Великобритании в европейском правительстве является человек, которого нынешний премьер воспринимает как личного врага. Комиссар Европейского союза по торговле Питер Манделсон когда-то был главным идеологом «новых лейбористов» и изощренным политехнологом. И именно благодаря ему Блэр сумел обыграть Брауна в борьбе за партийное лидерство. Причем,

рассказывают, Манделсон вел тогда грязную игру: оставаясь в лагере Брауна, он тайно оказывал поддержку Блэру. Поэтому он всегда рассматривался среди «браунитов» как персоне нон грата. Кроме того, с именем Манделсона ассоциируется проевропейский курс лейбористского правительства, и для Брауна, который и так не испытывает особенного энтузиазма по поводу ЕС, это словно красная тряпка для быка.

Уже в самом начале своего премьерства Гордон Браун столкнулся с серьезной проблемой на европейском направлении. Германия, тогда еще как страна — председатель Евросоюза, инициировала новый договор, который должен заменить так еще и не принятую общеевропейскую Конституцию. Три года назад, когда впервые возник конституционный вопрос, Браун поддержал идею проведения референдума. Он полагал: если «новые лейбористы» откажутся от плебисцита, то лишатся поддержки американского медиамагната Руперта Мёрдока — владельца британской *The Times*, что, безусловно, отразится на их шансах во время парламентских выборов-2005. К тому же Браун утверждал, что принятие Конституции приведет к стагнации в британской экономике, так как передаст часть связанных с финансовым распределением функций на наднациональный уровень брюссельской евробюрократии. Однако тогда проблема отпала сама собой, поскольку Франция и Нидерланды, где прошли референдумы, отвергли единую Конституцию.

На саммите Европейского союза в июне 2007 года, где обсуждался новый договор, Великобританию официально представлял еще Тони Блэр, однако он находился на постоянной связи с преемником, без консультации с которым не принималось ни одно решение. Как следует из согласованной концепции нового документа, Великобритания имеет право не придерживаться положений Хартии ЕС об основных правах человека. Лондон продолжит проводить независимую внешнюю политику, будет придерживаться самостоятельной налоговой политики и по своему усмотрению присоединяться к тем положениям европейской судебной системы и континентального уголовного права, которые устроят британскую сторону. «Наши условия выполнены. — заявил Браун, — Мы получили гарантии того, что должным образом защищены и можем принимать свои собственные решения, когда сами этого захотим».

Великобритания при Брауне станет больше, чем раньше, уклоняться от участия в общеевропейских процессах. Прежде всего

это на руку Франции, которую не устраивает представляемая англосаксонская либеральная модель. При этом Лондон, который предлагает альтернативу франко-германскому взгляду на Европу, может оказаться для восточноевропейских стран, лояльно настроенных по отношению к Соединенным Штатам, более притягательным центром, чем Париж или даже Берлин.

Во Франции и Германии к власти пришли новые лидеры, которые избегают традиционной антиамериканской риторики. Встреча Гордона Брауна с Ангелой Меркель, которая состоялась незадолго до его официального вступления в должность, показала, что он может проводить весьма прагматичную политику. Судя по всему, у него сложатся доверительные отношения с германским лидером. Ведь у них достаточно много общего: дети протестантских священников, они исповедуют строгие моральные принципы и считаются настоящими трудоголиками.

ВЛИЯНИЕ НА ОТНОШЕНИЯ С МОСКВОЙ

Многие эксперты считали, что Браун попытается сгладить нынешний кризис в отношениях с Россией, связанный с делом Литвиненко, поскольку в первую очередь ему придется сосредоточиться на том, чтобы произвести впечатление на британских избирателей, для которых отношения с Россией — вопрос явно незначительный. Как утверждал член Консервативной партии Грег Хэндс, «если конфликт и продолжится, то британская сторона будет лишь реагировать на действия России и постарается не провоцировать российское правительство на резкие шаги».

Однако правительство Брауна не только не смягчило риторику в отношении России, но и решилось пойти на беспрецедентный конфликт. Вначале Лондон пригрозил прекратить сотрудничество с Россией по нескольким направлениям, если она и далее будет отказываться выдать британскому суд Андрея Лугового, обвиняемого в убийстве Литвиненко. «Россия должна нести ответственность. Мы не верим в то, что суд в Москве будет справедливым и беспристрастным», — отметил представитель Даунинг-стрит. Выступая в парламенте, Дэвид Милибэнд даже призвал Россию изменить — по примеру некоторых европейских стран — свою Конституцию, дабы иметь возможность экстрадиции собственных граждан, что трудно воспринимать иначе, чем вмешательство во внутренние дела.

Британский МИД заявил о высылке четырех российских дипломатов. Еще более серьезной мерой можно считать обещание ограничить выдачи виз официальным представителям России (до сих пор такие меры применялись только в отношении «стран-изгоев»).

Столь непримиримая позиция нового премьера объясняется тем, что, в отличие от Тони Блэра, он слишком сильно зависит от общественного мнения. Брауну необходимо продемонстрировать избирателям, что его внешняя политика основывается на моральных принципах в противоположность циничной «соглашательской» линии его предшественника. Защита собственных граждан и справедливое возмездие «подлому убийце» — хороший повод проявить такие качества.

Большинство экспертов считают, что похолодание в дипломатических отношениях не повлияет на ситуацию в мире бизнеса. Только за первый квартал 2007 года прямые инвестиции британского бизнеса в России превысили 3 млрд долларов. В свою очередь российские компании — это треть всех первичных размещений акций на Лондонской фондовой бирже. Всего же в Великобритании торгуются акции 42 российских компаний, общая капитализация которых превышает 500 млрд долларов.

Исполнительный директор Российско-британской торговой палаты Стивен Диел убежден, что есть определенные правила политических игр. «Такое убийство, — говорит он, — не может не вызвать серьезные последствия. После отказа России британская сторона обязана была сказать о том, что готова принять ответные меры. Это портит общую атмосферу, но не влияет на ежедневный бизнес». Такого же мнения придерживается директор по стратегии Института Адама Смита Том Кулerti: «Правильно было бы выражать недовольство через политические и дипломатические каналы. Однако нельзя смешивать экономические и социальные отношения с Россией с политическими».

С экономической точки зрения нормализация отношений с Россией необходима Лондону. В последние годы крупные британские корпорации, такие, как *Shell* и *BP*, осуществили серьезные инвестиции в российскую экономику. Великобритании есть что терять в результате разлада с Россией. Москве же, напротив, конфликт практически ничем не грозит, разве что ухудшением ее международного имиджа.

По словам корреспондента *The Independent* Мэри Девевски, на данный момент «российско-британские отношения идеологизиро-

ваны до предела». В последнее время в англо-российском диалоге достаточно большую роль играли личные взаимоотношения лидеров. «Роман Тони Блэра и Владимира Путина — это типичная любовная история с плохим концом, — говорит редактор международного отдела *Financial Times* Квентин Пил. — Блэр и Путин сумели выстроить неплохие отношения. Однако вначале история с Березовским, а затем война в Ираке нарушили их идиллию. И вот тебе под занавес — дело Литвиненко». Похоже, что Браун теперь сможет начать диалог только с новым российским лидером, который сменит Путина на посту президента.

В Санкт-Петербурге открылось представительство журнала «Россия в глобальной политике»

Теперь свежие номера журнала доступны для петербуржцев из первых рук, под эгидой издания будут проводиться конференции и семинары, публичные лекции, дискуссии.

Оформить подписку на журнал также можно в Петербурге. С сентября 2007 года журнал поступит в продажу в петербургские книжные магазины — «Дом Книги», «Перемещенные ценности», университетские магазины и другие.

Петербургское представительство приглашает к сотрудничеству организации, учебные заведения, экспертов и журналистов, которые занимаются международными отношениями и внешней политикой.

По всем вопросам обращаться:

Тел. (812) 441 20 12

E-mail: spb@globalaffairs.ru

Руководитель петербургского представительства — **Павел Житнюк**

Николя Саркози: прагматизм и преемственность

Юрий Рубинский

Еще в феврале 2007 года кандидат в президенты Франции Николя Саркози заявил, что в случае победы не собирается начинать деятельность на международной арене с чистого листа, поскольку считает итог предыдущего президентства Жака Ширака в этой области «образцовым». Однако французская дипломатия, отметил он, нуждается в обновленной доктрине, которая служила бы «становым хребтом» ее многогранной деятельности.

К долговременным целям своей дипломатии Саркози отнес в первую очередь обеспечение безопасности и независимости Франции и французов, имеющих, по его убеждению, глобальные интересы и мировую ответственность. Вместе с тем их обеспечение неотделимо теперь от безопасности европейских партнеров, разделяющих с Парижем общие ценности и судьбу. Прежде всего это касается ответа на новые угрозы — терроризм, распространение ядерного оружия и разрушение окружающей среды, где многостороннее сотрудничество является необходимым ключом к успеху.

Второй важнейшей целью провозглашена защита всеобщих ценностей свободы, уважения прав человека и его достоинства. Франция, подчеркнул Саркози, изменит самой себе, если не будет воплощать идеалы свободы против угнетения и разума против хаоса.

Наконец, третьим пунктом фигурирует продвижение торгово-экономических интересов страны в мире, чтобы укрепить ее позиции в условиях глобализации.

Ю.И. Рубинский — д. и. н., руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, профессор Государственного университета — Высшей школы экономики.

Столь общие установки в той или иной форме провозглашались всеми президентами Пятой республики, начиная с Шарля де Голля, и поэтому они нуждались в расшифровке. Ведь конкретные приоритеты нового хозяина Елисейского дворца составят основу дипломатической стратегии Франции на длительную перспективу – возможно, до 2017-го (если, разумеется, он будет переизбран в 2012 году.).

Перечень таких приоритетов был озвучен уже в ночь после выборов. Выступая перед толпой ликующих сторонников, Николя Саркози перечислил неотложные задачи, решению которых он намерен уделить первоочередное внимание. Это – придание нового импульса процессу европейской интеграции, восстановление дружественных отношений с США, создание союза стран Средиземноморья, активизация сотрудничества с Африкой.

Провал на референдуме во Франции весной 2005-го проекта Договора, учреждающего Конституцию для Европы, который был составлен по французской инициативе, нанес весьма чувствительный удар по притязаниям Парижа на лидерство в евростроительстве. Трансатлантическое партнерство серьезно пострадало в ходе войны в Ираке – ведь Франция выступала с наиболее острой критикой односторонних действий Соединенных Штатов. Все более жесткое противостояние Запада с исламским, в частности арабским, миром и Ираном не только затрагивает жизненные интересы Франции на Ближнем Востоке, но и грозит перерасти в предсказанное Самьюэлом Хантингтоном «столкновение цивилизаций». Наконец, из Северной и тропической Африки, прежде всего из прежних французских заморских владений, идет поток нелегальной иммиграции, вызывающий серьезные социально-политические последствия.

Очевидно, что данные приоритеты тесно взаимосвязаны. Преодоление кризиса Европейского союза призвано укрепить позиции Франции в диалоге как с США, так и с арабо-мусульманским миром и Африкой. Парижу это дает надежду вернуть утраченную за последние годы дипломатическую инициативу. В свою очередь нормализация французско-американских отношений мыслится как способ смягчить раздоры внутри Евросоюза между «европеистами» и «атлантистами», западноевропейскими пионерами интеграции и примкнувшими к ним недавно странами Центральной и Восточной Европы.

ПОДДЕРЖКА СЛЕВА

Хотя у нового французского руководства есть шансы добиться успехов на каждом из перечисленных направлений, его ждут немалые трудности. Не исключено, что именно поэтому «открытие» правого большинства в сторону центра и даже левого лагеря, обещанное новым президентом, выразилось в назначении на ключевые внешнеполитические посты выходцев из оппозиционной Социалистической партии: министром иностранных дел стал Бернар Кушнер, госсекретарем по европейским делам – Жан-Пьер Жуйе. После парламентских выборов в июне правительство пополнил еще один социалист – мэр Мюлуза Жан-Мари Бокель, назначенный госсекретарем по сотрудничеству и франкофонии.

Первый из них, гастроэнтеролог по специальности, основатель неправительственных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», обладает несомненной медиатической харизмой. При президенте-социалисте Франсуа Миттеране он занимал правительственные посты, связанные с гуманитарной деятельностью. Однако его пребывание на посту верховного комиссара ООН в Косово не принесло сколько-нибудь ощутимых результатов для примирения албанских косоваров с сербами. Очевидно, что в число основных направлений деятельности нового главы МИДа войдут прежде всего проблемы урегулирования кризисов в «горячих точках», преодоление гуманитарных катастроф и массовых нарушений прав человека. Между тем уроки геноцида в Руанде или трагических событий в бывшей Югославии показали, что попытки решения этих болезненных проблем сопряжены с риском серьезных неудач.

Хотя Жуйе, в прошлом высокопоставленный чиновник, пользуется репутацией компетентного эксперта по вопросам экономики и финансов, его тоже ждут нелегкие времена при обсуждении в Брюсселе бюджета ЕС, реформы общей сельскохозяйственной политики, а главное – многострадального нового договора взамен неудавшегося старого по европейской Конституции.

В таких условиях объяснимо стремление президента возложить часть ответственности за возможные издержки на перебежчиков из левого лагеря. Тем более что реальное руководство внешней политикой будет осуществлять не МИД, а лично глава государства при опоре на создаваемый по образу США или РФ Совет национальной безопасности. Работу данного органа будет координировать дипломатический советник Елисейского дворца, кадро-

вый дипломат Жан-Давид Левит, в прошлом занимавший этот пост при президентах Валерии Жискар д'Эстене и Жаке Шираке, затем посол в Вашингтоне.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ САРКОЗИ

В соответствии с объявленным порядком приоритетов Николя Саркози начал внешнеполитическую деятельность на европейском направлении. Уже вечером 16 мая, сразу после окончания церемонии инаугурации, он вылетел в Берлин для переговоров с Ангелой Меркель — канцлером ФРГ, которая до конца июня председательствовала в Европейском союзе.

Президент заранее разъяснил свой план выведения интеграционного процесса из тупика. Саркози предложил сосредоточить силы на составлении краткого текста, который ограничился бы перестройкой институтов Евросоюза, тогда как вопросы содержания его деятельности и формулировка новых задач откладывались на неопределенное будущее. Такой «упрощенный» текст мог бы быть легче принят не громоздким и рискованным путем референдумов, а голосованием национальных парламентов.

Новый текст должен, по мысли французского президента, предусматривать такие меры, как:

- расширение практики принятия решений, особенно правовых, высшими органами ЕС не консенсусом, а квалифицированным большинством, по наиболее важным вопросам — «суперквалифицированным» (70–80 %);
- использование при этом принципа «двойного большинства» стран и их населения, чтобы не допустить блокирования ключевых инициатив ведущих участников;
- раздел законодательных прерогатив между исполнительным (Совет министров) и представительным (Европарламент) органами Европейского союза, в частности, путем избрания председателя Еврокомиссии депутатами Европарламента;
- ограничение минимумом числа членов Еврокомиссии, назначаемых не правительствами, как сейчас, а председателем с их последующим утверждением Советом, Европарламентом и возможностью ротации по политическому и национальному признакам;
- продление срока полномочий председателя и учреждение поста министра иностранных дел Евросоюза, который объединил бы обязанности нынешнего Верховного представителя ЕС по об-

щей внешней политике и политике безопасности (Хавьер Солана), комиссара по внешним связям и Европейской политике партнерства (Бенита Ферреро-Вальднер) и очередного председателя Совета министров на уровне МИДа;

- направление в международные организации полномочного представителя Европейского союза, которым должен быть видный юрист-международник.

Чтобы отвести обвинения в «дефиците демократии» предусматривается право миллиона граждан нескольких стран-участниц потребовать от Еврокомиссии внести на рассмотрение Совета министров предложения по тем или иным аспектам деятельности Евросоюза.

Намеченная Саркози программа рассчитана на то, чтобы добиться консенсуса всех стран — участниц ЕС по тексту «упрощенного» договора не позднее середины 2008 года — к началу французского председательства.

Николя Саркози занял четкую позицию по двум кардинальным вопросам, без решения которых выход из нынешнего тупика невозможен.

Это, во-первых, соотношение принципов наднациональной федерации и межгосударственной конфедерации. Французский президент ищет компромисса между ними. Констатируя (в полном соответствии с голлистской традицией), что Европейский союз опирается на суверенные государства, он считает необходимым более последовательно применять метод субсидиарности — решения на европейском уровне лишь тех вопросов, которые выходят за национальные рамки (например, согласование центробанками стран-участниц единого уровня учетной ставки, чтобы не допустить «кредитного демпинга»).

Только решив эту проблему, считает Саркози, Евросоюз сможет говорить одним голосом и позиционировать себя как весомый политический игрок в многополярном мире XXI века, не превращаясь в рыхлую, аморфную зону свободной торговли. Он требует ужесточить защиту единого внутреннего рынка с помощью высоких таможенных тарифов от демпинга стран с низкой зарплатой, отсутствием дорогостоящего соцобеспечения и жестких норм по охране окружающей среды.

Во-вторых, Саркози настаивает на необходимости четко определить границы дальнейшего расширения ЕС. Страны-соседи делятся им на две категории.

Первая — это те, кто имеет бесспорные географические, экономические, ценностные основания вступить в него когда захотят (Швейцария, Норвегия, Исландия) или смогут (Хорватия, Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Албания).

Вторая — средиземноморские либо евроазиатские государства, которым следует предложить привилегированное партнерство без перспективы членства. В данной связи французский президент отвергает возможность вступления Турции на том основании, что 9/10 ее территории находятся не в Европе, а в Малой Азии.

В борьбе за претворение в жизнь своей европейской программы Саркози сделал ставку на французско-германский тандем. На саммите Евросоюза 20–21 июня 2007 года согласованный немцами и французами проект был одобрен и передан на рассмотрение межправительственной конференции, которая собралась в Брюсселе уже в июле. До этого пришлось пойти на компромисс с Польшей, недовольной предложенными правилами голосования в общеевропейских инстанциях.

Президент Франции поддержал намерение канцлера ФРГ выдвинуть в центр повестки дня саммита «Большой восьмерки» в Хайлигендамме, также проходившего под германским председательством, проблемы сокращения выбросов парниковых газов для борьбы с глобальным потеплением и помощи беднейшим государствам Африки. В ходе очередной встречи Николя Саркози с Ангелой Меркель в Тулузе был улажен деликатный вопрос о реорганизации оказавшегося в трудном финансовом положении совместного авиакосмического концерна *EADS*, правление которого возглавляет теперь представитель Франции.

Тем не менее между европейской политикой Парижа и Берлина сохраняются заметные различия.

Если Саркози тревожится по поводу слишком высокого курса евро, подрывающего французский экспорт, то Меркель не склонна драматизировать этот факт, поскольку он удешевляет импорт сырья, в том числе энергоносителей в Германию, что помогает бороться с инфляцией.

Напротив, немцы настороженно встретили призывы Саркози к ужесточению протекционизма в отношении стран с дешевой рабочей силой, прежде всего азиатских. Занимая по объему экспорта первое место в мире, ФРГ опасается ответных мер с их стороны.

Главное же — остаются в силе традиционные расхождения между федералистским подходом Берлина к функционированию институтов Евросоюза, например, в том, что касается независимости Европейского центрального банка (во Франкфурте-на-Майне) от правительств, и типичным для французов со времен Шарля де Голля стремлением оградить суверенные права национальных государств. Данная установка нашла выражение в интенсификации контактов Парижа с Лондоном — последовательным сторонником межгосударственного пути интеграции.

Во время первой встречи в Париже Саркози с Гордоном Брауном, преемником Тони Блэра, стороны договорились о более тесном сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом, в экологических проблемах и отчасти в африканских делах.

УМЕРЕННЫЙ АТЛАНТИЗМ

Первая после избрания встреча Николя Саркози с президентом США Джорджем Бушем произошла на саммите «восьмерки» в Хайлигендамме. Однако почва для нормализации француско-американских отношений была подготовлена его прошлогодней поездкой в Вашингтон, когда «кандидат в кандидаты» выразил сожаление по поводу чрезмерно резкой по форме критики французской дипломатией иракской авантюры. В первой же своей программной речи новый глава государства заверил американцев, что «Франция будет всегда рядом с ними, когда они будут нуждаться в ней». Неудивительно, что первый звонок с теплыми поздравлениями новому хозяину Елисейского дворца последовал из Белого дома.

Ответный жест Саркози не заставил себя ждать. Свой первый отпуск новый президент демонстративно провел в Америке, во время отдыха он был приглашен в семейное поместье Бушей в Кеннебанкпорте.

Изменением тональности дело не ограничилось: Париж и Вашингтон более четко скоординировали свои позиции по ситуации в Ливане, по противодействию ядерным амбициям Ирана, по косовскому урегулированию, по проектам развертывания элементов американской системы ПРО в Чехии и Польше и т. д. Но это не означает безоговорочного равенства Парижа на Вашингтон.

«Дружба Европы с Соединенными Штатами необходима для мирового равновесия, — заявил Саркози. — Она глубока, искренна и несокрушима. Но дружба означает быть с друзьями, когда

они нуждаются в вас, и возможность говорить им правду, когда они ошибаются. Дружба — это уважение, понимание, привязанность, но не подчинение».

Иллюстрацией такого сбалансированного подхода может служить отношение к проблемам стран Ближнего и Среднего Востока. В составе 37-тысячного контингента НАТО в Афганистане французов не более тысячи, причем они сосредоточены в Кабуле, где обучают местных полицейских. Вашингтон хотел бы видеть французов на юге страны, в местах кровопролитных боев с талибами. Между тем в ходе предвыборной кампании Саркози дал понять, что Франция вообще не намерена держать свои силы в Афганистане до бесконечности.

Продолжая считать войну в Ираке трагической ошибкой, Николя Саркози признал: поспешный вывод американских войск вызовет хаос, ведущий к распаду страны. Но наметить сроки их вывода в будущем необходимо, чтобы побудить иракское правительство взять на себя всю полноту ответственности. Подобная позиция соответствует линии не нынешней республиканской администрации, а скорее ее критиков-демократов, составляющих большинство в Конгрессе.

Еще меньший энтузиазм в Госдепартаменте и Пентагоне должно было вызвать недвусмысленное отмежевание французского лидера от планов превращения Североатлантического альянса в организацию, выполняющую военные и гуманитарные функции во всех уголках планеты, — своего рода международную полицию. «НАТО не призвана стать конкурентом Организации Объединенных Наций», — отмечал он. Подчеркивая высокую заинтересованность Франции в ООН как единственной универсальной организации, имеющей достаточную легитимность и добивающейся эффективности в решении проблем глобального масштаба, Саркози высказался за сохранение в полном объеме авторитета Совета Безопасности.

По замыслу Саркози, одним из ключевых направлений деятельности ООН призвана стать защита окружающей среды, в частности вопросы изменения климата, тесно связанные с преодолением отсталости развивающихся стран. В будущем он не исключает создания самостоятельной Всемирной экологической организации. Перед лицом твердой позиции французско-германского тандема в ходе саммита «восьмерки» по вопросам реализации Киотского протокола президент Джордж Буш счел необходимым в той или иной мере содействовать достижению намеченных в нем целей.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ СОЮЗ ВМЕСТО ЕВРОПЕЙСКОГО

Следующий приоритет внешнеполитической программы Николя Саркози — создание Средиземноморского союза, который непосредственно связан с его отказом от принятия Турции в Европейский союз как полноправного члена. Главными спонсорами последней всегда выступали США и Великобритания, видевшие в этом шаг к размыванию автономных военно-политических структур европейской интеграции и ее эволюции в сторону трансатлантической зоны свободной торговли.

По мысли Саркози, Турция должна стать одной из опор Средиземноморского союза, призванного тесно сотрудничать с ЕС и в будущем даже создать с ним постоянные совместные институты, но без членства. Пока же речь идет всего лишь о проведении периодических встреч глав государств и правительств по образцу «восьмерки».

Однако столь ограниченная перспектива вовсе не устраивает Турцию. Острые конфликты между сторонниками светского характера государства в традициях Кемаля Ататюрка, которых поддерживает армия, и приверженцами исламистов, пусть даже умеренных, во главе с премьером Реджепом Тайипом Эрдоганом (они одержали убедительную победу на парламентских выборах 22 июля 2007 года) подогревают националистические, а порой и антиевропейские настроения.

Еще меньше идея Средиземноморского союза соблазняет арабские страны, чьи заботы связаны прежде всего с главными очагами нестабильности в восточной части региона — все менее управляемым израильско-палестинским конфликтом, Ливаном, Ираком, Ираном. Визиты Саркози в Алжир и Тунис, в ходе которых затрагивались вопросы экономического сотрудничества и контроля над миграционными потоками, вряд ли способствовали приобретению проектом Средиземноморского союза более конкретных очертаний. Барселонский процесс, запущенный Францией еще в середине 1990-х с целью наладить сотрудничество стран Западного Средиземноморья, вертится с тех пор на холостом ходу. Его подтачивает соперничество между бывшими французскими владениями в Северной Африке, особенно Марокко и Алжиром.

Чтобы компенсировать отсутствие видимого прогресса по созданию Средиземноморского союза, Саркози проявил повышенную активность в драматической гуманитарной проблеме — судьбе бол-

гарских медсестер, приговоренных в Ливии к смертной казни по надуманному обвинению в умышленном заражении более 400 ливийских детей вирусом СПИДа. Установив прямой контакт с ливийским лидером Муамаром Каддафи, он направил в Триполи свою супругу, сопровождавшую комиссара ЕС Бениту Ферреро-Вальднер. Семьям больных детей была обещана крупная финансовая компенсация, а Ливии — расширение сотрудничества с Евросоюзом в обмен на отмену приговора.

После освобождения и репатриации медсестер на родину французский президент сам прибыл в Триполи, чтобы обсудить с Каддафи перспективы французско-ливийского партнерства (борьба с терроризмом, оборона, медицина, энергетика, в том числе строительство французскими фирмами атомного реактора для опреснения морской воды). Персональный успех главы государства, по существу обошедшего официальные дипломатические каналы, вызвал одобрение одних, но и резкую критику других — оппозиции и партнеров по Европейскому союзу.

На Ближнем Востоке Николя Саркози продолжает традиционную для Парижа линию поисков равновесия между Израилем и арабами. Опасения последних, что французско-американское сближение похоронит «арабскую политику» Франции, не оправдались. Подчеркивая, что безопасность Израиля — не предмет для дискуссии и осуждая применение палестинцами насилия, Саркози отвергает бесперспективную израильскую политику совершившихся фактов на оккупированных территориях и призывает к созданию там независимого палестинского государства.

В моменты особо серьезного обострения обстановки Франция по-прежнему предпочитает действовать в рамках ближневосточного «квартета» (США, Россия, ЕС, ООН). Так было, в частности, во время кровавых разборок между экстремистским движением ХАМАС, захватившим силой контроль над сектором Газа, и руководителем Палестинской национальной администрации Махмудом Аббасом, когда «квартет» единодушно поддержал последнего.

Особое внимание Франция всегда уделяла Ливану. Саркози сохранил эту традицию, добившись созыва в Париже конференции представителей всех ливанских политических группировок, включая проиранскую «Хезболла», коль скоро отношения между ними постоянно балансируют на грани новой гражданской войны. Французский президент внес в ситуацию новый элемент: продолжая вместе

с Соединенными Штатами линию на вытеснение сирийского влияния из Ливана, он направил в Дамаск своего эмиссара для возобновления диалога с президентом Башаром Асадом. Эти инициативы были довольно прохладно встречены Израилем и США, не склонными делиться с кем бы то ни было ответственностью за «сирийское досье». Судя по комментариям СМИ, французам дали понять, что их чрезмерная активность на данном направлении не имеет перспектив, поскольку ключ к проблеме — судьбе оккупированных Израилем Голанских высот — находится отнюдь не в Париже.

Бурную активность новый французский президент развил в Тропической Африке, являвшейся некогда фундаментом колониальной империи Франции, а затем сферой ее преимущественного влияния. За последние два-три десятилетия это экономическое и военно-политическое присутствие там явно стало превращаться из козыря в бремя. После перехода Франции на евро сохранение зоны африканского франка требует все более значительных расходов. В то же время удельный вес Африки во внешнеэкономических связях Франции неуклонно падает. За доступ к ресурсам континента, прежде всего энергетическим, ведут ожесточенную борьбу два гиганта — Вашингтон и Пекин.

Политическая обстановка во многих африканских странах, погрязших в нищете и племенных войнах (Кот д'Ивуар, Демократическая Республика Конго, Сомали, Чад, Судан) делает задачу поддержания стабильности с помощью дислоцированных на Черном континенте французских воинских формирований, как это было на протяжении полувека после деколонизации, все более трудной и накладной.

Все эти факторы объясняют брошенную Николя Саркози в разгар предвыборной полемики фразу насчет того, что Африка нуждается во Франции больше, чем Франция в ней. Вскоре он, однако, поспешил смягчить вызванный ею негативный резонанс, заявив о решимости значительно увеличить долю французской помощи развивающимся странам, прежде всего африканским. Но президент подчеркивает, что она будет предоставляться только тем африканцам, которые докажут на деле свою решимость покончить с расхищением получаемых средств коррумпированными диктаторскими режимами. Более того, Саркози прямо увязывает помощь с проектами «совместного развития». В их рамках важнейшая роль отводится проблеме борьбы с нелегальной эмиграцией путем создания на месте более многочисленных и привлекательных рабочих мест, а

также использования для совместных инвестиционных проектов сбережений иммигрантов, законно работающих во Франции, и тем самым стимулировать их возврат на родину.

В тропическую Африку отправился сначала министр иностранных дел Кушнер, посетивший Мали, Чад и Судан. Главной задачей нового главы французской дипломатии было принятие срочных мер по прекращению массового террора в отношении жителей суданской провинции Дарфур, в основном черных христиан и язычников, практикуемого отрядами исламистов-северян арабского происхождения.

Бернар Кушнер добился согласия суданских властей на введение в Дарфур контингента международных миротворцев, состоящего поровну из сил ООН и Африканского союза. Вплоть до их формирования французская армия обеспечила переброску по воздуху части беженцев в соседний Чад и создание для них «гуманитарных коридоров». Кушнер выступил также с инициативой проведения в Париже международной конференции по Дарфуру. В ней приняли участие не только США, давно осуждающие поведение Хартума, но и КНР, которая до сих пор проявляла большую осторожность, определяемую заинтересованностью в нефтяных ресурсах Судана.

За министром последовал и сам президент, посетивший с официальными визитами Сенегал и Габон. Речь там шла, в частности, о взаимосвязи экономического сотрудничества с договорным регулированием проблемы миграций.

Комментируя внешнеполитические приоритеты Николя Саркози, многие аналитики во Франции и за рубежом задавались вопросом о причинах отсутствия в их списке новых или возрождающихся центров современного многополярного мира – Бразилии, России, Индии, Китая (вместе именуемых сокращенно БРИК). В то же время осуждение им гуманитарных последствий войны в Чечне или «беспокойство», выраженное по поводу внутривнутриполитической эволюции России, были расценены как признаки грядущего пересмотра партнерских отношений Парижа с Москвой, ставших за последние десятилетия своего рода константой.

Подобные версии исходили из логики холодной войны, построенной на правилах «игры с нулевой суммой», в силу которой любое улучшение отношений с Вашингтоном автоматически влекло за собой охлаждение отношений с Москвой и наоборот. Но в наши дни, как признавал бывший шеф Пентагона Доналд Рамсфелд, не сою-

зы определяют состав коалиции для достижения той или иной конкретной цели, а как раз именно цели определяют коалиции. Государства, принадлежащие к разным экономическим и военно-политическим группировкам, могут сотрудничать по одним вопросам и сталкиваться по другим.

Со времен де Голля Франция не без успеха практиковала гибкую дипломатическую тактику даже во времена раскола Европы на непримиримые социально-экономические системы и военные блоки во главе с двумя сверхдержавами. Твердо поддерживая США в конфликтах вокруг Западного Берлина, в кубинском кризисе, по вопросу о размещении евrorакет, Шарль де Голль, Жорж Помпиду, Валери Жискар д'Эстен, Жак Ширак разделяли позиции Москвы, когда речь шла о критике войны во Вьетнаме и арабо-израильской Шестидневной войны, Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки), строительстве газопровода и Западную Европу или вторжении коалиции в Ирак.

Первые контакты президентов Саркози и Путина сначала по телефону, затем лично на саммите «восьмерки» в Хайлигендамме прошли в деловой атмосфере. Новый французский президент подтвердил привилегированный характер отношений Парижа с Москвой. В июне 2007 года в Париже успешно прошла очередная сессия российско-французской межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Знаковым событием стало подписание «Газпромом» соглашения с французской компанией *Total* соглашения о совместной разработке крупнейшего в мире Штокмановского месторождения природного газа. Российская сторона сохранила за собой 75 % акций, французская получила 25 %. Решением финансовых, геологических и технических проблем займется создаваемая совместная компания. Не исключено, что в будущем эта компания возьмет на себя задачу транспортировки и сбыта газа.

Таким образом, внешнеполитическая деятельность Николя Саркози характеризуется пока скорее преемственностью традиционных установок прежних лидеров Пятой республики на мировой арене, нежели попытками их коренной ревизии. Вместе с тем дипломатический стиль нового президента Франции бесспорно носит отпечаток его темперамента — повышенной активности, прагматизма, непосредственного личного участия в решении всех вопросов, стоящих перед страной в глобализированном мире XXI века.

О т е ч е с т в е н н ы е з а п и с к и

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

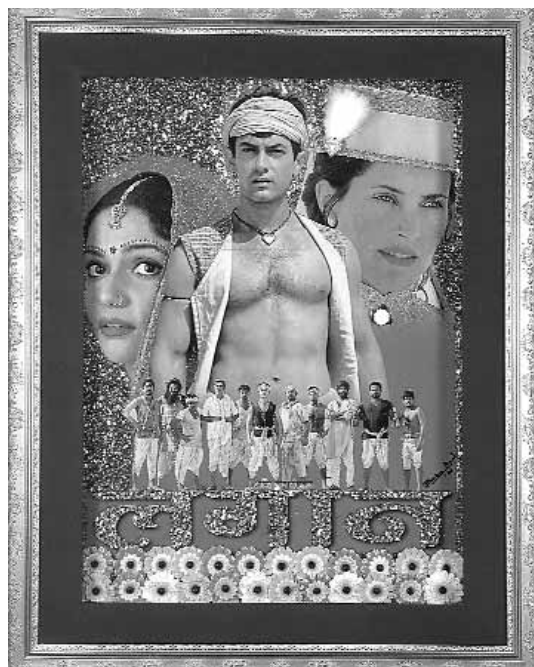
Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

Полуостров Индостан

Баба Ананд, 2005

“ Индия уже вошла в «клуб» мировых держав и превратилась в особую подсистему международных отношений. Перед страной по-прежнему стоят острейшие проблемы, однако на своем очень длительном историческом пути Индия не раз сталкивалась с еще большими трудностями, но каждый раз успешно их преодолевала, сохраняя в целом свою цивилизационную парадигму ”

- Индийский марш *Сергей Лунёв*
126
- Преодолевая стереотипы *Андрей Давыдов*
139
- Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану
Даниел Марки
149
- Пакистанская рулетка *Владимир Овчинский*
168

Индийский марш

Сергей Лунёв

Стратегическая цель внешней политики Индии — превращение в державу мирового уровня — определилась еще более полувека назад, сразу после завоевания независимости. Почти с самого начала международного курса страны стал предметом надпартийного согласия и общенационального консенсуса. Сейчас стоит вопрос о закреплении Индии в качестве глобальной державы.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Еще в 1950-х годах в Индии была разработана стратегия «самоподдерживающегося и самообеспечивающегося» роста, в основу которой было положено освоение внутреннего рынка за счет его расширения и вытеснения импорта. Экспорт рассматривался как источник валюты для закупки отсутствующих элементов основного капитала. Поскольку социальные и технологические преобразования шли довольно медленно, такая стратегия первоначально сопровождалась относительно низкими темпами роста и большой зависимостью от притока внешних ресурсов. Благодаря аграрным реформам, «зеленой революции» (комплекс перемен в сельском хозяйстве развивающихся стран в 1940–1970-х, приведший к значительному увеличению производства сельскохозяйственной продукции. — **Ред.**), созданию тяжелой промышленности и основных элементов инфраструктуры темпы развития стали расти, а доля внешних ресурсов в накоплении — сокращаться.

С.И. Лунёв — д. и. н., профессор МГИМО (У) МИД РФ и ГУ — ВШЭ. Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по исследовательскому проекту № 05-06-80365а.

Курс, сформулированный Джавахарлалом Неру, предполагал значительное повышение роли государства, в собственность которого отошли все предприятия, прежде принадлежавшие колониальным властям. Преимущественными темпами развивался именно государственный сектор, под контролем государства находилась и основная деятельность частных предпринимателей. В начале 1970-х годов доля государства (правительств Центра и штатов) в Индии составляла чуть более четверти ВВП, а в конце 1980-х – почти 40 %.

В 1991 году началась реформа по либерализации экономики, «архитектором» которой считался министр финансов в правительстве Индийского национального конгресса Манмохан Сингх (ныне премьер-министр). Совместные расходы государства и штатов в ВВП вновь упали до показателя тридцатилетней давности (правда, судя по опросам населения, большинство индийцев обеспокоены снижением роли государства). Уже в 1996-м доля частного сектора в ВВП поднялась до 75 %, а госрегулирование осуществлялось отныне более тонкими способами.

Республика не пошла на полное открытие экономики внешнему миру, хотя иностранному капиталу были сделаны определенные уступки в сфере финансов и страхования, развивалась деятельность совместных предприятий, активно функционировали чисто иностранные фирмы, осуществлялась конвертация рупии. При вступлении во Всемирную торговую организацию (1995) Индия выторговала себе 10 льготных лет. В 2005-м либерализованы условия инвестиций в такие области, как гражданская авиация, телекоммуникации, строительство. В целом, однако, сохраняется ряд ограничений на прямые иностранные инвестиции, удерживаются высокие тарифы (на непродовольственные товары они, правда, сократились с 20 % в 2005 году до 12,5 % в 2006-м).

В 2006 году ВВП Индии, исчисленный по паритету покупательной способности (ППС), был равен 4,042 трлн дол. (800 млрд долларов по официальному обменному курсу). Индия незначительно отстает от Японии (4,2 трлн дол. по ППС) и при сохранении нынешних тенденций обгонит ее по итогам нынешнего года. Прогнозы о дальнейшем росте на 5–5,5 % в год средневзвешенны. В 2006-м эксперты компании *PricewaterhouseCoopers* поставили Индию на первое место в мире по темпам роста до 2050 года.

Основой роста ВВП в Индии остаются внутренние источники. В стране существует консенсус в отношении того, что мировой ги-

гант не в состоянии решать основные экономические проблемы, опираясь преимущественно на экзогенные факторы, но он может и должен использовать их в целях эндогенного развития. В 1950-м на Индию приходилось 2 % мирового торгового оборота, в 1960-м – 1 %, а в 2000-м – менее 0,6 %. В новом веке объем внешней торговли, правда, существенно вырос (до 300 млрд дол в прошлом году), темпы роста значительно выше, чем в предыдущие годы. В результате доля Индия в мировом экспорте и импорте вновь возросла, но составляет всего 0,9 %.

В техническом плане Дели демонстрирует способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои, добился колоссального прорыва в сфере информационных технологий. Уже в 2003/2004 финансовом году валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила почти 15 млрд дол., а на следующий финансовый год валовая стоимость превысила 30 млрд дол., экспорт ПО составил тогда 23,4 млрд долларов. По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Несмотря на успехи в прикладных исследованиях, страна значительно уступает развитым странам и России в сфере фундаментальной науки. Правда, автономное создание атомного оружия – наглядный пример того, что в определенных сферах индийское научное сообщество способно на многое.

Колоссальное препятствие на пути к созданию нового общества составляет объективная социально-экономическая ситуация. Наличие огромного массива неквалифицированного (и зачастую неграмотного) населения не позволяет применять многие модели развитых стран. Высвобождение рабочей силы, которое может быть вызвано широким внедрением высоких технологий, приведет лишь к серьезнейшему усилению социальной напряженности. Не случайно большинство технологических достижений ориентированы на экспорт.

Кастовая дискриминация отменена законом полвека назад, но многие эксперты полагают, что фактически она сохраняется. Деятельность индийских правительств после завоевания страной независимости была направлена на улучшение положения обездоленных в политической и социально-экономической сферах. Так, существует система резервирования мест для далитов («неприкасаемые») и низкокастовых в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах. Для бедных по-прежнему существуют талоны на товары первой необходимости по символическим ценам. Госу-

дарство самым активным образом развивает мелкий бизнес, способствует созданию новых рабочих мест, за полвека уровень жизни индийских низов намного повысился и т. д.

В политической сфере следует отметить рост индуизма, нацеленного на единообразие, тогда как именно плюрализм является основой индийской цивилизации. Его подрыв повлечет за собой, как минимум, серьезные последствия, а худший сценарий означает угрозу распада государства. В любом случае политическая нестабильность окажет негативное воздействие на экономическое развитие.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИНДИИ

Политический авторитет Индии на мировой арене продолжает расти, страну считают наиболее вероятным кандидатом в постоянные члены Совета Безопасности ООН и в «Большую восьмерку».

Продолжение независимого внешнеполитического курса считается крайне значимым для повышения статуса республики. Особые опасения в Индии вызывают перспективы установления однополярного мира. Дели начал прорабатывать возможности своего сближения с Китаем, Японией, Европейским союзом, государствами Юго-Восточной Азии — в частности, и в целях противостояния этой глобальной тенденции.

Значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран, и она фактически потеряла статус выразителя их интересов. Дипломатия стала намного более «точечной», о чем свидетельствуют сотрудничество Индии с АСЕАН, создание БИМСТЕК (Индия, Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Мьянма, Таиланд) и «Форума диалога Индия — Бразилия — ЮАР».

По вопросу о месте Индии в регионе позиции различных слоев и классов индийского общества наиболее близки, хотя определенные расхождения имеются. Различия во внешнеполитических платформах партий Бхаратия джаната парти и Индийский национальный конгресс, а также левоцентристских объединений касаются не столько целей, сколько способов их достижения. Левоцентристы выступают за более компромиссный курс в отношении соседей, Индийский национальный конгресс же в прошлом не пренебрегал и силовыми методами.

Основную роль в Южной Азии играют индийско-пакистанские отношения. Пакистан расположен на стыке с мусульманским регионом — источником усиления позиций Исламабада против Дели. С

самого начала пакистанские власти рассматривают Индию как своего основного стратегического противника. Хотя Пакистан обладает лишь одной восьмой долей экономического, территориального и демографического потенциала соседа, он является достаточно мощной державой и считает себя вправе оспаривать доминирующие позиции Индии.

После войны 1971 года, приведшей к расколу Пакистана и образованию Бангладеш, Дели отнюдь не заинтересован в дальнейшем ослаблении соседней страны. Индия сознает, что новое расчленение резко осложнит ситуацию в Южной Азии, внесет элементы крайней нестабильности в региональную систему межгосударственных отношений и приведет к вмешательству внешних сил. Все это противоречило бы интересам Дели. (Иной позиции придерживается лишь группа индуистских фундаменталистов.) Для Индии особо значимо то обстоятельство, что Соединенные Штаты и Китай на деле признали ее доминирование в Южной Азии и ее стабилизирующую роль в региональной системе.

С конца 1980-х начался процесс нормализации отношений с КНР. Индию с ее более чем 140-миллионным мусульманским населением и Китай с мусульманским населением в Синьцзяне объединяют сходные задачи. Для обеих стран неприемлемо резкое укрепление гегемонии Севера, прежде всего США, на мировой арене. Дели и Пекин пытаются сопротивляться и тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран (при этом они, конечно, крайне заинтересованы в дальнейшем укреплении экономических и технологических связей с Соединенными Штатами и другими странами Севера). Не случайно позиции Китая и Индии по глобальным вопросам весьма близки, что показывает анализ частоты совпадений их голосований на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

За полную нормализацию двусторонних отношений стали выступать основные политические силы Индии. Так, на эти позиции перешла даже Бхаратия джаната парти, правая националистическая организация, ранее всегда критично оценивавшая политику КНР.

Но есть несколько факторов, ограничивающих связи Китая и Индии. Дели по-прежнему расценивает Пекин в качестве союзника Исламабада, и китайско-пакистанское военное сотрудничество, особенно в ядерной сфере, является большим препятствием. Существуют противоречия в отношении укрепления военно-политических связей азиатских гигантов в сопредельных странах, имеются опасе-

ния, что военный потенциал (прежде всего ракетно-ядерный) соседа будет направлен против них. Не разрешена пограничная проблема. Наконец, китайское руководство не может не опасаться перспективы образования «антикитайского блока», что явно прослеживается в действиях США, а индийские лидеры довольно умело маневрируют в сложившихся условиях. При этом принципиальных противников совместных действий в ближайшие 10–15 лет немного.

Улучшаются двусторонние индийско-американские отношения, изменения внешнеполитического курса США в Южной Азии весьма позитивны для Индии. Кардинально пересмотрен Вашингтоном подход к кашмирской проблеме. Белый дом больше не считает необходимым проведение плебисцита в Кашмире (на чем настаивает Пакистан) и выступает за урегулирование в рамках Симлского соглашения 1972 года (согласно которому проблема должна решаться путем двусторонних переговоров. — **Ред.**), хотя и оказывает давление на Дели по вопросу о соблюдении прав человека в Кашмире и Пенджабе.

В 1999-м Вашингтон фактически поддержал Индию во время индийско-пакистанских столкновений, а Билл Клинтон потребовал от Исламабада прекратить военные действия. В марте 2000 года в ходе своей поездки по Южной Азии президент США впервые возложил ответственность за непрекращающееся насилие в Кашмире на «определенные лица» в пакистанском правительстве. Соединенные Штаты перестали оказывать военную поддержку Пакистану, что, по сути, означало исчезновение противоречий между США и Индией в Южной Азии.

После известных событий 11 сентября 2001-го резко интенсифицировалось сотрудничество обеих стран в противодействии терроризму. Регулярно собирается совместная рабочая группа по борьбе с терроризмом, в посольствах приступили к работе специальные отделы, занимающиеся этим вопросом; проводятся совместные консультации по Афганистану. Правда, в Индии весьма недовольны параллельной активизацией американо-пакистанских отношений, особенно в военно-политической сфере в связи с борьбой против «Аль-Каиды».

После прихода к власти Джорджа Буша-младшего эксперты, учитывая традиционно более жесткую, чем у демократов, позицию республиканцев в отношении КНР, заговорили о возможности создания треугольника Вашингтон — Токио — Дели. Администрация США отрицает, что развитие американо-индийских связей нацелено на сдер-

живание Китая, однако это стремление у Вашингтона, бесспорно, присутствует. В феврале 2006 года в ежеквартальном обзоре Пентагона была, по существу, объявлена цель превратить Индию в «фактического» союзника для завершения «окружения» Китая.

Внутриполитическая ситуация воздействует на курс Дели в отношении единственной сверхдержавы. Националистическая Бхаратия джаната парти занимает достаточно критическую позицию, когда дело касается Америки. Если же говорить о партии Индийский национальный конгресс, то она удерживает власть только благодаря поддержке левоцентристов. Среди левых же большинство составляют коммунисты, а КПИ и КПИ(м) однозначно выступают за укрепление индийско-китайских отношений и ограничение связей с Соединенными Штатами.

В последнее десятилетие военно-политическому сотрудничеству между Дели и Вашингтоном приданы дополнительные импульсы. Созданы двусторонние координационные комитеты. В 2002-м после шестилетнего перерыва возобновились совместные учения ВМС обеих стран в бассейне Индийского океана, особенно масштабные год спустя — с участием уже атомных подводных лодок. В феврале 2003 года достигнута договоренность об упрощении правил экспорта в Индию американских технологий «двойного назначения». США рассчитывают в будущем потеснить Россию на индийском рынке вооружений. Идут переговоры о продаже новейшего военного оборудования (в том числе 126 многоцелевых истребителей).

Более всего двусторонние отношения осложняла ракетная и ядерная программа Индии. Вашингтон неоднократно призывал Дели подписать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и заключить двустороннее или региональное соглашение с Пакистаном и другими странами. Соединенные Штаты резко осудили индийские ядерные испытания в 1998-м. В соответствии с принятым в США Законом о предотвращении ядерного распространения (*Nuclear Non-Proliferation Act* вступил в силу в 1994 году) против Индии сразу были введены экономические санкции. Правда, впоследствии Вашингтон постепенно их отменял, а полностью они были сняты после событий 11 сентября 2001-го.

Более того, в декабре 2006 года Джордж Буш подписал одобренный американским Конгрессом Закон о мирном сотрудничестве США и Индии в области атомной энергии, касающийся поставок ядерных топлив и технологий даже в том случае, если страна не присоединится к ДНЯО.

В течение всего постбиполярного периода происходил почти постоянный рост индийско-американского торгового оборота. Соединенные Штаты – главный рынок для сбыта индийских товаров. Правда, в относительных цифрах их доля упала с 30 % всего экспорта Индии в 2000-м до 16,7 % в 2005 году. США (наряду с Маврикием) являются и основным инвестором в индийскую экономику, а также исключительно важным поставщиком технологий.

Однако перспективы отношений далеко не безоблачны. На глобальном уровне все-таки происходит рост (пока латентный) конфликтного потенциала, связанный с расхождениями по вопросам геополитики (индийское правительство периодически публично осуждает конкретные действия Вашингтона) и геоэкономики. Закончился период некоторой растерянности Дели, вызванной крахом биполярной системы. Индия начала противодействовать экономической глобализации в тех ее проявлениях, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран.

Индия выступает как стратегический партнер России и по объективным причинам является ее естественным и надежным союзником. Можно говорить о близости подходов Москвы и Дели к фундаментальным проблемам развития, об определенной общности структур цивилизационных ценностей. Обе страны многонациональны и поликонфессиональны, что диктует необходимость общего подхода к проблемам «самоопределения», терроризма и сепаратизма как в самих этих государствах, так и во всем мире.

Во внешнеэкономической сфере обе страны стремятся к интеграции в мировое хозяйство, к повышению своей конкурентоспособности, проводя при этом политику протекционизма в том, что касается собственного производства.

Успешно развивается военно-политический аспект российско-индийских отношений. Существенно активизировался обмен визитами высших военных должностных лиц, подписана серия контрактов о закупке российской военной техники или о строительстве в Индии заводов по ее производству по российским лицензиям (речь идет о новейших боевых кораблях, подводных лодках, самолетах, танках, комплексах ПВО, артиллерийских установках и т. д.). Индия, наряду с Китаем, является основным импортером российского вооружения, и на ее долю приходится до трети российского экспорта в данной сфере. В последнее время решено выйти на иной уровень – совместное проектирование новой тех-

ники, в том числе авиации, систем ПВО, боевых кораблей и подводных лодок.

Важнейшей проблемой двусторонних отношений остается ядерная программа Индии, которая подстегивает амбиции других «пороговых» стран, что ведет к подрыву мировой системы безопасности. Конечно, немислимо представить себе ситуацию, когда ядерное оружие Индии было бы нацелено на Россию, но развязанными оказались бы руки у Пакистана, а вот его ядерное оружие, хотя и нацеленное в настоящий момент на южного соседа, серьезно угрожает Российской Федерации.

Проблемными остаются торговые отношения. В 2005/2006 финансовом году объем российско-индийской торговли составил 2,76 млрд долларов. Более 70 % российского экспорта в Индию приходятся на черные и цветные металлы, удобрения и серебро. Почти три четверти индийского экспорта падают на сельскохозяйственные и продовольственные товары, медикаменты и текстильные изделия.

Вместе с тем многие эксперты полагают, что в ряде сфер можно существенно нарастить взаимный товарооборот. Особенно часто называют поставки российских углеводов. Как мировой лидер по обработке алмазов, Индия крайне заинтересована в получении напрямую российского сырья. Дели придает весьма существенное значение экспорту чая и табака в Россию (хотя за последнее время Индия, бывшая, по существу, монополистом на советском чайном рынке, уступила свои позиции целому ряду стран). Москва в свою очередь рассчитывает на увеличение поставок российских машин и оборудования. Таким образом, возможно, обе страны добьются цели увеличить объем торгового оборота до 10 млрд дол. к 2010-му, хотя это и будет крайне сложно.

Российская сторона постоянно отмечает существенные экспортные ограничения, накладываемые индийской стороной (в отдельные годы Индия входила в тройку стран, проводивших наибольшее количество антидемпинговых расследований в отношении российской металлургии). Восстановление прежнего уровня политического доверия между Москвой и Дели сталкивается со значительным сужением возможностей правительств влиять на динамику внешнеэкономических связей, которые у обеих стран ориентированы на США, Европу и Восточную Азию.

Уже отмечались достижения Индии в сфере информационных технологий, но индийским специалистам принадлежит «нижняя»

ниша: как правило, это не очень высокооплачиваемые и не требующие особой квалификации работы. Поэтому привлекательно выглядит перспектива соединения российской научной с индийской инженерной мыслью. Более того, в дальнейшем можно привлечь достаточно качественную и относительно недорогую китайскую рабочую силу. В этом направлении сейчас началось создание совместных предприятий.

Очень перспективными представляются взаимные инвестиции. Для индийской стороны приоритетна нефтегазовая сфера. Российские компании проявляют всё больший интерес к телекоммуникационному и информационному сектору индийской экономики, энергетике, нефте- и угледобыче, металлургии. Российские предприятия активно участвуют в создании и расширении индийской инфраструктуры, включая строительство автомагистралей, модернизацию и реконструкцию металлургических объектов. Россия рассчитывает на получение крупных контрактов на строительство общенациональных автомагистралей и метрополитенов.

Крайне важным направлением представляется сотрудничество по созданию международного транспортного коридора «Север — Юг». Межправительственное соглашение по этому вопросу, подписанное министрами транспорта России, Индии и Ирана в сентябре 2000 года, вступило в силу в мае 2002-го. Предварительные оценки индийского экспорта в Россию показали, что осуществление данного проекта уменьшит на 20 % время и расходы на транспортировку. В дальнейшем можно было бы довести этот коридор до Юго-Восточной Азии — на восток и до Западной Европы — на запад.

По-видимому, главной в деле экономического сотрудничества обеих стран должна стать ядерная энергетика. Россия активно участвует в создании АЭС в городе Куданкулам (штат Тамилнад), строительство которой началось в марте 2002 года. Индия собирается вложить 100 млрд дол. в создание АЭС, и Россия могла бы получить весьма значительные заказы. Но на российско-индийских связях скажутся подписанные в 2006-м индийско-американские договоренности о сотрудничестве в ядерной сфере.

Возможно и создание совместных предприятий в третьих странах. В этом плане перспективно выглядят Центральная Азия и Китай. Важными аспектами сотрудничества могли бы стать агросфера, совместная разработка минеральных, топливно-энергетических и лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, обрабатывающая про-

мышленность. Россия, КНР и Индия могут координировать проекты в освоении космоса, авиации, энергетике, машиностроении, в частности автостроении, для ориентации на рынки друг друга.

В целом можно предположить, что в экономическом сотрудничестве не исключены позитивные перемены, если правительства обеих стран проявят реальную политическую волю и желание к развитию экономических взаимосвязей. Но без кропотливой повседневной работы «стратегическое партнерство» России и Индии, провозглашенное еще в октябре 2000-го, останется простой декларацией, мало отличающейся от «стратегического диалога» между Индией и США.

ВОЕННАЯ МОЩЬ

Индия является одной из крупнейших военных держав мира (около 1,2 млн военнослужащих, 3-е место в мире). Военные расходы в 2005 году превысили 20 млрд дол. (за десять лет они выросли в сопоставимых ценах в два раза), что составило около 3 % валового внутреннего продукта.

На вооружении Индии находится около 4 тыс. танков (включая Т-90S), около 1 100 боевых самолетов (включая СУ-30МКИ и различные модификации МиГов), 2 авианосца, 10 эсминцев, 13 фрегатов, 24 корвета, 16 подводных лодок. Часть техники устарела, но в Индии осуществляется крупномасштабная и амбициозная программа модернизации вооружения (прежде всего с помощью России).

Индия стала ядерной державой еще в 1974 году (по свидетельству советников Индиры Ганди, к тому времени Индия была готова и к испытанию водородной бомбы), а сейчас, согласно данным западных экспертов, в распоряжении этой страны может находиться более 100 атомных боезарядов. Согласно заявлению Индийской комиссии по атомной энергии, есть возможность произвести атомное оружие суммарной мощностью 200 килотонн.

Активно развивается ракетная программа. Уже к середине 1997-го на вооружение индийской армии поступило 60 тактических ракет «Притхви» класса «земля – земля» (модели с дальностью полета 150 км и 250 км), которые могут нести ядерное оружие и хранятся вдоль границ с Пакистаном (для их развертывания потребуются лишь несколько часов). Осуществляется и программа по созданию баллистических ракет «Агни». В 2004 году на вооружение армии поступили ракеты «Агни-I» (с дальностью полета 800 км) и «Агни-II» (с

дальностью полета 2 500 км). В 2007-м было проведено успешное испытание ракеты «Агни-III» (с дальностью полета 3 500 км). Дели также намеревается создать межконтинентальную баллистическую ракету «Сурья» с дальностью полета от 8 до 12 тыс. км.

ОСОБЕННОСТИ ИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Несмотря на попытки улучшить политическое, социальное и экономическое положение нижних страт (и реальные достижения на этом пути), разрыв в социально-экономическом развитии — между кастами, городом и деревней, различными регионами — снижается несущественно. В течение тысячелетий кастовая замкнутость и эндогамия способствовали тому, что, как правило, за человеком из варны (сословная группа в Древней Индии. — **Ред.**) брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате на верхнем этаже Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у среднего далита за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

В сфере образования наглядно видны отличия индийской цивилизационной парадигмы. Они особенно заметны в сравнении с Китаем, для которого характерна эгалитарная модель: КНР значительно превосходит соседа по уровню базового образования, а Индия — высшего. Около 40 % жителей Индии — неграмотны (почти четверть — молодежь в возрасте от 15 до 24 лет), в то время как в Китае таких менее 10 %.

В условиях низкого уровня социально-экономического развития в Индии не могли бы прижиться элементы западной демократии, если бы они не были заложены в цивилизационном комплексе. Например, уже три тысячи лет назад в Индии существовали панчяты — самоуправляющиеся общины. И ни в одной другой стране, пожалуй, вмешательство государства в дела подобных общин не было столь ограничено.

Близость индийской политической системы к западной позволяет называть Индию «самой большой демократией в мире». На Западе полагают, что распространение политико-экономических и эти-

ко-духовных ценностей Индии в государствах не-Запада будет способствовать укреплению процесса демократизации.

Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Индии на мировое лидерство, следует учитывать еще одно обстоятельство. У индийцев (как и у китайцев) нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Севера. Его не было ни в период английского господства, ни в начальные годы после достижения страной независимости. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран формирует определенный комплекс превосходства над европейской цивилизацией.

Культурно-цивилизационные особенности индийского общества способствуют укреплению позиций азиатского гиганта и в том плане, что ряд школ философии издавна придавали большое значение человеку, его гармоничному совершенствованию и развитию моральных идеалов. Для индийского общества в целом никогда не были характерны избыточная агрессивность и нетерпимость, свойственные некоторым другим восточным цивилизациям. Общая история и единство задач, проистекающее из неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это способствует тому, что другие региональные державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия, Южная Африка и пр.) с геополитической и психологической точек зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Нынешняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда пока препятствует образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга препятствия будут постепенно устраняться.

Таким образом, представляется, что Индия, бесспорно, уже вошла в «клуб» мировых держав и превратилась в особую подсистему международных отношений. Перед страной по-прежнему стоят острейшие экономические, социальные и политические проблемы, однако на своем очень длительном историческом пути Индия не раз сталкивалась с еще большими трудностями, но каждый раз успешно их преодолевала, сохраняя в целом свою цивилизационную парадигму.

Преодолевая стереотипы

Российско-индийские отношения в год 60-летия

Андрей Давыдов

Контакты между Россией и Индией завязались еще в Средние века. Одну из первых страниц в этих взаимоотношениях открыл в XV столетии тверской купец и путешественник Афанасий Никитин, автор путевых записок «Хождение за три моря», содержащих достоверные описания политического устройства, культуры, обычаев и природы Индии.

Дипломатические отношения между Москвой и Дели были установлены в апреле 1947 года, сразу после достижения Индией независимости, а уже с середины 1950-х начинается бурное развитие советско-индийских связей. В 1971 году оба государства подписали Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, который установил правовую основу «особых отношений» между ними. Впоследствии в совместной советско-индийской декларации (1982) Советский Союз и Индия «выражают глубокое удовлетворение эффективностью их многогранного сотрудничества, которое представляет собой ценное достояние двух стран».

Однако в 1990-х все изменилось. Развал Советского Союза, курс на либерализацию экономики, взятый в обеих странах, критически понизили уровень взаимодействия. Как Индия, так и Россия стали больше склоняться к контактам с Западом, а в последнее время и с Китаем.

Стереотипы, унаследованные из прошлого и давно не соответствующие действительности, продолжают жить самостоятельной жизнью. Даже такие заядлые путешественники, как бенгалцы, в основном полагают, что у нас в России до сих пор стоят в очередях за хлебом. Россияне же по-прежнему думают об Индии (в частности,

А.В. Давыдов — писатель, путешественник, автор путеводителей по Индии.

о Западной Бенгалии и Калькутте) как стране чрезвычайной бедности и безысходности. Между тем современная Индия — это уже совсем не та страна, какой она была 20 лет назад...

ИНДИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Экономика. Еще Джавахарлал Неру предсказывал, что Индия утвердится среди великих держав благодаря своей древней истории и цивилизации, размеру и стратегическому положению. Судя по всему, прогноз оправдывается: по мнению большинства экономистов, в ближайшие десятилетия Индия будет стремительно увеличивать свою долю в мировой экономике.

Как утверждает историк всемирной экономики Ангус Мэддисон (автор *The World Economy: The Millennial Perspective*), индийская экономика была крупнейшей на планете с I века н. э. (когда ее доля составляла 32,9 % мирового валового продукта) по XV столетие (24,5 %). Даже в начале XVIII века на Индию приходилась почти четверть мирового валового продукта (24,4 %), и пальму первенства она уступала лишь Китаю. Беспрестанные войны, стремительный рост населения, ускоренное развитие экономик западных стран (начиная с XIX столетия) и прежде всего британское колониальное владычество снизили долю Индии в мировой экономике до 3,8 % к середине прошлого века.

После обретения страной независимости правительства Джавахарлала Неру, а затем и Индиры Ганди взяли на вооружение реализацию пятилетних планов по образцу советских, осуществление централизованных инвестиций и проведение сельскохозяйственных реформ. Эти меры принесли свои плоды: первоочередные задачи, стоявшие перед страной (выйти на уровень самообеспечения продовольствием и заложить основы промышленного развития), были решены.

Со времени премьерства Раджива Ганди Индия совершила прорыв в области информационных технологий. С 1991 года правительство резко снизило уровень своего вмешательства в экономику, оставив за собой вопросы макроэкономической стабильности и установления общих правил игры. В результате реформ и либерализации внешнеэкономических связей экономика Индии стала расти ускоренными темпами — в среднем на 6 % в год (последние годы рост ВВП был выше 9 %).

Однако, поскольку в ходе либерализации предприятия обрели большую свободу в выборе объектов для инвестиций, возникли бо-

лезненные дисбалансы в региональном развитии. Некоторые штаты, такие, как Бихар и Мадхья-Прадеш, впали в хроническую депрессию из-за оттока капитала и недостатка государственных инвестиций, в то время как приморские южные районы оказались поближе к источникам сырья и рынкам сбыта, а потому и в более выгодном положении.

Интеграция Индии в глобальную экономику пока еще далека от завершения. Объем индийской внешней торговли остается низким (на уровне 3,5 % глобальных потоков товаров и услуг), индийская валюта – рупия – даже формально еще не стала полностью конвертируемой, имеются ограничения на вывоз капитала и прямые портфельные инвестиции, поток прямых иностранных инвестиций был скромнее по сравнению с Китаем. Чтобы занять позиции регионального лидера, Индии придется много потрудиться над региональной интеграцией в рамках (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) и улучшением связей со странами Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Китаем.

Политическая система. В Индии, где принята федеративная система правления, львиная доля власти принадлежит не кабинету министров, а региональным правительствам. Во многом это обусловлено сложным конфессиональным, кастовым и этническим составом населения, а также ослаблением в 1990-х позиций Индийского национального конгресса (ИНК) – партии Джавахарлала Неру и Индиры Ганди, доминировавшей на политическом олимпе в течение 40 лет после достижения страной независимости.

Сегодня на первый план вышли региональные и кастовые партии, определяющие состав неустойчивых правительственных коалиций. Правящий ныне Объединенный прогрессивный альянс (ОПА) во главе с партией ИНК состоял в 2004-м не менее чем из 12 партий (2 партии – Маруламарчи дравида мунетра кажагам из штата Тамилнаду и Теленгана раштра самити из штата Андхра Прадеш – с тех пор покинули ОПА). ОПА контролирует 218 мест в 545-местной нижней палате парламента (Лок Сабха); для формирования правительства ему необходима поддержка альянса пяти левых партий, имеющих 60 мест. Оппозиционный Национальный демократический альянс (НДА) под руководством политиков из правой партии Бхаратия Джаната парти (БДП) состоит из 10 партий (187 мандатов); еще 11 региональных партий и 4 независимых парламентария (74 места) не присоединились ни к одной из трех коалиций.

Влияние региональных властей на общественно-политическую и экономическую жизнь Индии очень велико. Так как вопросы налогообложения являются предметом совместного ведения центра и регионов, правительства Атала Бихари Ваджпай и Манмохана Сингха пока не смогли убедить все штаты заменить налог на оборот более прогрессивным НДС. Северо-восточные штаты Индии (населенные монголоидными народностями) и штат Джамму и Кашмир (где доминируют мусульмане) имеют особый статус, закрепленный в Конституции Индии и особых соглашениях. Обитатели равнинных регионов не вправе переехать в малонаселенные горные штаты и купить там собственность, жители северо-восточных штатов, а также штат Джамму и Кашмир имеют налоговые льготы (в частности, сиккимцы, обитатели штата Сикким, не платят подоходный налог).

Штаты передают в ведение центра лишь четко ограниченные полномочия и имеют различное законодательство. Неся ответственность за социально-экономическое развитие своих регионов и создание благоприятного климата для инвестиций, региональные власти поддерживают тесные связи с крупными финансово-промышленными группами Индии и в последнее десятилетие играют активную роль в сфере коммерческой дипломатии.

Местное самоуправление. Нынешние институты управления индийской общины — панчаяты — зародились в глубокой древности. Такая живучесть объясняется их эффективностью и опорой на демократические принципы, а не закоснелостью индийской экономики и социальной сферы. Уже в первом тысячелетии н. э. панчаяты вместе с общественными корпорациями более высокого уровня (в частности, районными) сложились в эффективную систему местного самоуправления.

Со времени мусульманского завоевания Индии в XII веке эта система начала сдавать свои позиции, а в результате порабощения страны британскими колонизаторами в XVIII столетии она практически исчезла, будучи заменена неуклюжей бюрократической машиной на западный манер. После обретения Индией независимости идею панчаятов стали продвигать левые партии, и сейчас эта система делает большие успехи.

Местные органы самоуправления несут ответственность за благосостояние и нравственность в своем округе, они имеют право определять размер и вид наказаний (обычно это штраф, или порицание, или лишение религиозных, общественных привилегий). Они

также могут устанавливать местные налоги, с тем чтобы использовать эти поступления для финансирования общественно полезных работ – от строительства и ремонта храмов до богослужений.

Согласно индийской системе поступенчатых выборов, жители небольших территориальных образований выбирают из своей среды самых честных людей, которые будут руководить ими и станут выборщиками, формирующими органы самоуправления более высокого уровня. Важнейшим звеном пирамиды является самое нижнее: здесь избранные не только известны своим избирателям в лицо, но и несут перед ними ответственность за состав вышестоящего комитета. Поэтому индийские политики всех уровней тесно связаны с народом, и не так сильно зависят от влияния СМИ.

ДРУЖБА НАВЕК?

Несмотря на недостаток информации, отношения между народами России и Индии продолжают оставаться дружественными. Индийцы помнят, как Москва протянула им руку помощи во время индийско-пакистанских войн. Премьер-министр Индии и президент России обмениваются ежегодными визитами, в последнее время министры иностранных дел Индии, Китая и России стали проводить совместные сессии. Президент партии Индийский национальный конгресс Соня Ганди посетила Санкт-Петербург, главный министр союзной территории Нью-Дели Шейла Дикшит – Москву, а главный министр штата Гуджарат Нарендра Моди – Астрахань. В свою очередь ряд российских региональных чиновников побывали в Индии. 2008 год объявлен Годом России в Индии, а 2009-й – Годом Индии в России, что, безусловно, способствует развитию и углублению дружественных отношений между обеими странами.

Однако достаточно ли официальных визитов и помпезных мероприятий для того, чтобы побороть инерцию и охлаждение отношений 1990-х годов? Что можно сделать, чтобы связи между нашими народами и впредь оставались дружественными и союзническими?

Во-первых, необходимо взаимодействие между российскими регионами и индийскими штатами. Речь идет о важнейшем факторе, способствующем обмену делегациями бизнесменов, общественных деятелей, представителей культурных и научных кругов. Российско-индийские отношения не должны зависеть от внутривнутриполитической конъюнктуры в Дели, тем более что, по мнению индийской стороны, экономическая активность региональных властей никак не свя-

зана с их сепаратистскими устремлениями. Деятельность федерального и регионального правительств в Индии основана на прочной базе общих ценностей и единых представлений о внешней и внутренней политике, образующих так называемую «коалиционную дхарму» (система взглядов, которой должны руководствоваться политики в своей работе).

Во-вторых, в приоритетную российско-индийскую повестку дня следует также включить стимулирование контактов российских общественных неправительственных организаций, научно-исследовательских институтов с ведущими общественными, религиозными деятелями Индии. Например, такими, как Меда Паткар из штата Гуджарат – защитница прав жителей, переселенных из-за строительства дамб на реке Нармада, или профессор Наджундасами из штата Карнатака – лидер движения индийских крестьян против засилья западных монополий, патентующих индийские семена, выведенные в результате многовековой селекции, как свои собственные изобретения. Российской общественности наверняка было бы интересно поближе познакомиться с индийским опытом обеспечения мирного сосуществования различных религий, организации общественных движений и местного самоуправления.

О контактах в религиозной сфере говорить не приходится, учитывая настороженное отношение российских религиозных деятелей и политиков к разного рода сектантам. Это в первую очередь связано с элементарной неосведомленностью наших властей о восточных конфессиях, приведшей, в частности, к тому, что в число экстремистских организаций записывается даже Общество сознания Кришны, вероучение которого основано на идеях, выдвинутых еще в XVI веке.

В отличие от западных религий различные направления индуизма и буддизма не предполагают ведения целенаправленной прозелитской деятельности. К сожалению, репутация восточных духовных учений в России подорвана деятельностью доморожденных псевдоучителей тантрических практик и таинств, которые не имеют ничего общего с современным индуизмом или буддизмом.

В-третьих, российская пресса уделяет основное внимание не политической и общественной жизни Индии, а природным либо техногенным катастрофам, время от времени случающимся здесь. Пока российские СМИ представлены в Индии всего лишь одним агентством РИА «Новости».

Индийские журналисты практически не освещают ситуацию в России, и, в частности, перемены, которые произошли в годы президентства Владимира Путина. Лишь одна общеиндийская газета *The Hindu*, выходящая в городе Ченнаи (штат Тамилнаду), имеет корреспондента в России. Если в книжных магазинах Дели и можно найти книги о России, то это несколько тенденциозных работ западных авторов. Иными словами, Индия и Россия стали смотреть друг на друга через призму западных средств массовой информации и исследований.

В этой связи российским государственным СМИ целесообразно было бы рассмотреть вопрос об открытии корпунктов в Индии. Рост потоков информации обусловит адекватное восприятие этой страны россиянами и послужит делу взаимопонимания между обеими странами.

В-четвертых, безвизовый режим должен стать реальностью для большинства путешественников, включая бизнесменов и студентов. Пока стороны договорились о безвизовом режиме только для лиц с дипломатическими паспортами, то есть для самих себя.

Судя по всему, вопрос зашел в тупик из-за проблемы реадмиссии – обязательства принять назад нелегальных эмигрантов и оплатить их обратный проезд. Индия могла бы согласиться на реадмиссию своих граждан. Опасения, что она будет ответственной за репатриацию граждан соседних стран, с которыми у нее безвизовый режим, на мой взгляд, неоправданны, поскольку приобретение авиабилетов и пересечение российской границы возможно только по паспортам. Можно было бы одновременно упростить чрезвычайно усложненный порядок выдачи индийским гражданам российских виз и принять меры по улучшению обслуживания индийских путешественников в российских консульствах и аэропортах (индийская пресса часто сообщает о проблемах, с которыми те сталкиваются в России).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЯ – ИНДИЯ

Состояние экономических отношений между Индией и Россией нельзя назвать удовлетворительным. Уровень товарооборота между обеими странами резко упал до 2,2 млрд долларов в год (2004). Чем же обусловлена эта тревожная тенденция?

Во-первых, негативную роль сыграли исчезновение централизованной политики взаимных закупок товаров, разрыв связей между

банковскими сферами обеих стран и затянувшийся процесс урегулирования вопроса долга Индии Советскому Союзу (согласно договоренности, достигнутой в феврале 2006-го, индийский рупийный долг СССР, составляющий от 1 до 2 млрд долларов, будет конвертирован в инвестиции. — Ред.).

Во-вторых, Россию и Индию связывают не так много экономически выгодных транспортных коридоров. Основная торговля идет транзитом через европейские страны, куда грузы доставляются по морю через Суэцкий канал. Сейчас в связи с налаживанием контактов между Дели и Пекином, открытием дороги через перевал Нату Ла (штат Сикким) и строительством железной дороги Голмуд—Лхаса появилась надежда использовать китайско-тибетский коридор в Индию. Китайские товары уже наводнили Восточную Индию, за ними могли бы проникнуть и наши.

Реализация программы развития Дальневосточного региона, возможно, позволит использовать морские перевозки между Владивостоком и индийскими портами (иная проблема, что кроме углеводородов с сахалинских месторождений пока нечего возить). Другой коридор — через Иран и Каспийское море (Северно-южный транспортный коридор) — пока еще не выгоден для транспортировки даже крупногабаритных товаров из-за неразумных цен, установленных российскими монополиями, и индийцы надеются на открытие сухопутного «шелкового пути» через Афганистан и Центральную Азию. Прямые авиаперевозки между российскими регионами, в частности сибирскими и уральскими, и индийскими городами могли бы решить проблему торговли мелкими и легкими товарами, такими, например, как чай и изделия из шелка.

Проблемы российско-индийских экономических взаимоотношений коренятся и в элементарной нехватке знаний об экономических потребностях и возможностях обеих стран, а также в бюрократических препонах, установленных и с той, и с другой стороны. Российское посольство ведет активную работу на этих направлениях, но особого прогресса пока не достигнуто. Стороны планируют к 2010 году вывести ежегодный товарооборот на уровень 10 млрд долларов, однако трудно прогнозировать, удастся ли им взять эту планку.

Москве необходимо переходить от деклараций к конкретным мерам — только такая тактика позволит увеличить товарооборот между обеими странами и обеспечить России в будущем одно из первых мест в списке внешнеполитических приоритетов Индии.

Военно-техническое сотрудничество. Торговля вооружениями между Россией и Индией имеет длительную историю. За минувшие годы Индия приобрела оружие российского и советского производства на сумму 30 млрд долларов.

Пришедшее к власти в Индии в 1998 году консервативное правительство НДА взяло курс на перевооружение индийской армии, продолженный кабинетом ОПА в 2004-м. В ближайшее десятилетие Дели намерен истратить на эти цели 30 млрд долларов.

Индия видит свои приоритеты в импорте технологий, а не техники, а также в научно-техническом сотрудничестве и в совместной разработке новейших образцов вооружений. Россия и Индия нашли в этом вопросе общий язык по геополитическим причинам (страны не имеют общей границы, зато обе являются соседями Китая). Москва получила гарантии индийской стороны о защите российской интеллектуальной собственности. В 2003 году Индия арендовала четыре ядерных бомбардировщика Ту-22М3, две атомные подводные лодки и ввела в строй сверхзвуковые ракеты морского базирования *BrahMos*, разработанные совместно с россиянами. В 2004-м индийцы приобрели авианосец «Адмирал Горшков», который переименовали в *INS Vikramaditya*, а также и целый флот истребителей МиГ-29 и противолодочных вертолетов «Камов-31».

Россия надеется, что МиГ-35 выиграет тендер на поставку Индии 126 многофункциональных истребителей. На заводе *Hindustan Aeronautics* в Насике (штат Махараштра) уже началось лицензионное производство двигателей РД-33 для истребителей МиГ-29, что увеличивает шансы России получить этот крупный (на 2 млрд долларов) заказ.

Энергетика. Индия потребляет почти 3 млн баррелей нефти в день и удовлетворяет свои потребности в основном за счет экспорта энергоносителей из стран Персидского залива (73 % от общего потребления нефти в 2004 году). Бурно развивающаяся экономика требует поиска долгосрочных источников энергии. Пока самым заметным событием было приобретение индийской государственной компанией *ONGC* 20-процентной доли в проекте «Сахалин-1» в 2001-м за 1,5 млрд долларов. Эта компания, создавшая совместное с «Роснефтью» предприятие, планирует истратить до 5 млрд долларов в различных проектах в России. Речь идет о самых крупных инвестициях Индии за рубежом.

В прошлом году «Росатом» поставил 60 тонн ядерного топлива для АЭС в Тарапуре, а в ходе январского визита в Индию (2007)

президента Путина Россия получила контракт на строительство еще четырех энергоблоков АЭС в Куданкуламе (штат Тамилнаду). Стоит отметить намерение концерна *Reliance Industries*, который возглавляет Мукеш Амбани, построить нефтехимический завод в России, а также интерес «Газпрома» к участию в строительстве газопровода из Ирана в Индию через Пакистан.

Сотрудничество в области ядерной энергетики осложняется тем, что Индия пока не урегулировала вопросы с Группой поставщиков ядерных технологий (эта организация, в которую входят 45 государств, запрещает поставки ядерных технологий и топлива странам, не подписавшим Договор о нераспространении ядерного оружия, к которым относится и Индия. — Ред.) и не завершила переговоры с МАГАТЭ о проверках ядерных объектов мирного назначения.

Налицо также потенциал развития других направлений экономического сотрудничества России и Индии. Индийцы обладают давними традициями и авторитетом на международном ювелирном рынке — например, в части огранки мелких бриллиантов. По данным на 2004 год, 9,25 % и 8,85 % индийского импорта составляют драгоценные, полудрагоценные камни, золото и серебро. «Алроса» в связи с истечением срока контракта с *De Beers* уже начала переговоры с индийцами, другие гранильные и добывающие предприятия пока плетутся в хвосте.

Индия экспортирует большое количество фармацевтических и парфюмерных товаров (8,85 % от общего экспорта в 2004-м), а также текстиль (18,86 % от экспорта страны в том же году). Число российских туристов в Индии растет из года в год (с 4 200 человек в 2002 году до 35 200 в 2005-м году).

Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану

Даниел Марки

ОПАСНОЕ НЕПРИЯТИЕ

Еще до того как утихли страсти вокруг событий 11 сентября 2001 года, американские политики отдавали себе полный отчет в том, что Пакистан находится в самом центре международной сети исламистского терроризма. Хотя в прошлом Исламабад подвергался санкциям, администрация Джорджа Буша поспешила убедить его выступить в роли одного из важнейших партнеров Америки в «глобальной войне с террором». Но и сегодня, спустя почти шесть лет после того, как тогдашний государственный секретарь США Колин Пауэлл впервые объявил о «начале укрепления отношений» между Вашингтоном и Исламабадом, талибы прочно окопались в районе афгано-пакистанской границы. Верховные лидеры «Аль-Каиды» обрели надежное убежище в Пакистане, а террористические атаки в стране и за ее пределами продолжают с убийственной регулярностью.

Учитывая все эти проблемы, неудивительно, что американцы испытывают все большее разочарование в связи с медленным и неопределенным развитием событий в Пакистане. Многие, в том числе некоторые члены Конгресса США и ряд крупных экспертов по Пакистану, выражают серьезные сомнения относительно партнерства с Исламабадом. Они задаются вопросом, действительно ли президент страны Первез Мушарраф (генерал, захвативший власть в результате переворота в 1999-м) и его военное окружение — надежные союзники, которые хотят и могут быть на переднем крае защиты американской безопасности.

Даниел Марки — старший научный сотрудник, эксперт по Индии, Пакистану и Южной Азии в Американском совете по внешней политике. Работал в отделе политического планирования Государственного департамента США (2003–2007). Опубликовано в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2007 год. © 2007 *Council on Foreign Relations Inc.*

Возникают подозрения, что недавние договоренности между правительством Пакистана и старейшинами племен на Территориях племен федерального управления (*FATA*) вдоль границы с Афганистаном — это не что иное, как капитуляция перед движением «Талибан», инспирированная пакистанскими разведслужбами, которые поддерживают связь с известными экстремистами. Мушаррафа и его союзников в Исламабаде упрекают в том, что, получая многомиллиардную помощь от Соединенных Штатов, они ведут недостаточно активную борьбу с терроризмом. А в целом ряде аспектов многое делают во вред.

Критики нынешних взаимоотношений США и Пакистана отстаивают идею нового подхода. Они добиваются от Вашингтона более жестких заявлений, в том числе с угрозами применения санкций, чтобы заставить Исламабад решительнее проводить контртеррористические операции. Они настаивают на том, что Соединенным Штатам следует перестать поддерживать режим Мушаррафа и ускорить процесс перехода к гражданскому демократическому правлению. По их мнению, Мушарраф никогда не будет надежным партнером, способным вести эффективную борьбу с идеологией боевиков и экстремистов.

Действительно, пакистанское правительство испытывает дефицит легитимности, обретаемой путем всенародных выборов, чтобы продвинуться в достижении целей борьбы с терроризмом, как долгосрочных, так и краткосрочных. Но способы решения этой проблемы, предлагаемые критиками, неудобны тем, что США, Пакистан и вся война с терроризмом рискуют сбиться с намеченного курса, не имея лучшей альтернативы. Сохраняя связи с группами боевиков, в том числе со сторонниками талибов, пакистанские военнослужащие и Межведомственная разведка (*ISI*) страхуют себя на случай ухода Вашингтона. Шесть десятилетий двустороннего сотрудничества, которое то прерывалось, то возобновлялось, разуверили пакистанцев в возможности долгосрочного партнерства с Соединенными Штатами. Вашингтону также не следует поддаваться соблазну занять шапкозакидательскую, но заведомо контрпродуктивную позицию в отношении Исламабада, которую можно определить как «больше кнута и меньше пряника». Любые попытки угрожать Пакистану усилят недоверие, а в результате Исламабад будет еще настойчивее поддерживать джихадистов. Угрозы применения силы подорвут доверие, но не приведут к каким-либо положительным сдвигам.

Демократия также не панацея. Пакистанские службы безопасности не поддаются запугиванию, их не так легко отодвинуть на второй план или обойти. И задачи, которые предстоит решать на пути

демократических преобразований, не ограничиваются только проблемами фальсификации выборов либо судьбой политиков, находящихся в изгнании. Слабые гражданские институты и целая эпоха нарушенных взаимосвязей между гражданскими и военными означают, что привнесение демократии в Пакистан — вопрос не столько восстановления, сколько создания заново.

Тем не менее достижение успеха в длительной борьбе против экстремизма в конечном счете потребует полного перехода Пакистана к демократии, даже если это в настоящее время не представляется реальным. Стремление администрации Джорджа Буша наладить партнерские отношения с Исламабадом так и не вышло за рамки сотрудничества с военной верхушкой. Американская администрация рассматривает гражданскую составляющую пакистанской политики не как неотъемлемый элемент борьбы с терроризмом, а скорее как отвлекающий момент. Большинство пакистанцев считают, что Вашингтон вполне доволен сотрудничеством с военным марионеточным правительством.

Исламабад нуждается в большей популярности, чтобы заручиться поддержкой народных масс для осуществления программы борьбы с терроризмом. Соединенным Штатам следует постараться оказать поддержку пакистанским гражданским деятелям умеренных взглядов даже по мере того, как Америка работает над установлением отношений доверия со службами безопасности. Эти цели не противоречат друг другу: Вашингтон может заручиться доверием военной верхушки Пакистана, не соглашаясь с ее монополией на политическую власть, и одновременно помочь в укреплении гражданского руководства, не ставя под угрозу коренные интересы армии.

Предстоящие общенациональные выборы, которые, вероятно, пройдут осенью 2007 года, создадут условия для новой расстановки сил. Чтобы воспользоваться этой возможностью, администрации Буша предстоит придерживаться строго сбалансированных решений. С одной стороны, Вашингтон должен открыто высказаться в поддержку демократического процесса, противопоставляя свою позицию тем, кто, заблуждаясь, предупреждает, что выборы ознаменуются победой экстремистов в духе ХАМАС. Только в случае откровенной фальсификации результатов избирательной кампании существует вероятность того, что процент голосов, поданных за исламистов, окажется выше их исторической планки 2002-го. Если же выборы будут свободными и справедливыми, то большинство голосов получат партии, принадлежащие к основным политическим течениям, что позволит в результате переговоров создать союз между армией и новым, более прогрессивным правительством.

С другой стороны, Вашингтон должен отказаться от поверхностного взгляда на пакистанских военных как на главное препятствие в борьбе с терроризмом. Гражданским руководителям Пакистана почти всегда приходилось договариваться о рабочем взаимодействии с армией, и в этих отношениях генералы сохраняли за собой значительный вес в принятии решений. Следующему лидеру, независимо от партийной принадлежности, также предстоит учитывать эту реальность. И даже если армия в конечном счете уйдет из политики, она останется существенным инструментом в борьбе Пакистана против терроризма.

БУШ И ГЕНЕРАЛ МУШАРРАФ

К осени 2001 года влияние сторонников ислама в пакистанской армии, разведке и правительстве достигло угрожающе высокого уровня. Поддержка Пакистаном джихадистов в Кашмире и Афганистане, поставка ядерных технологий на черный рынок пакистанским ученым-атомщиком Абдулом Кадир Ханом, неуклонный рост числа экстремистских мечетей и медресе — все эти тревожные признаки свидетельствовали о существовании опасности сползания государства к пропасти или исламистскому правлению.

После 11 сентября 2001-го Мушарраф принял важное решение присоединиться к войне с терроризмом. Но это не означало немедленного поворота на 180 градусов в отношении поддержки групп боевиков в Пакистане. В Белом доме правильно поняли ситуацию: хотя Мушарраф и был лично привержен этому решению, но ему противостояли скептически настроенные «ястребы» в собственной армии. Они сомневались в том, что Соединенные Штаты сохранят свое присутствие, сокрушались по поводу той высокой цены, которую придется заплатить, начав борьбу со своими давнишними союзниками — джихадистами, ставили под вопрос разумность решения вступать в войну с отрядами глобальной террористической сети. В связи с этим Мушаррафу нужно было тщательно продумать свои действия, с тем чтобы не оттолкнуть от себя влиятельную и во всех отношениях важную часть электората. Он нуждался в помощи США для того, чтобы поддержать своих политических союзников и привлечь на свою сторону тех, кто все еще занимал выжидательную позицию.

Чтобы установить отношения доверия с режимом Мушаррафа, администрация Буша приняла весьма затратную стратегию сближения, при этом общий объем помощи Пакистану после 11 сентября составил более 10 млрд долларов (с учетом секретной помощи общая цифра намного выше). Огромная часть предоставляемых

средств (значительно больше половины) направлялась вооруженным силам Пакистана. Через международные финансовые институты Вашингтону удалось облегчить долговое бремя Пакистана и таким образом открыть возможности для экономического роста, который за последние четыре года составил чуть меньше 6 %.

В июне 2006 года Пентагон уведомил Конгресс о планах продажи Пакистану до 36 истребителей *F-16* и других систем высокотехнологичных вооружений. Это означало коренной пересмотр американской политики, проводимой с 1990-го, когда подобные сделки были принесены в жертву санкциям в отношении пакистанской программы ядерного оружия. По части дипломатии, между тем, в Пакистан стали регулярно наведываться ведущие представители президентской команды по национальной безопасности, и сам Буш принял беспрецедентный шаг, сделав в прошлом году неожиданную остановку в Исламабаде. В 2005 году американская администрация назвала Пакистан «наиболее важным союзником США вне НАТО».

В результате сотрудничества Вашингтона с Исламабадом после 11 сентября были достигнуты заметные успехи. В Пакистане были уничтожены или захвачены в плен некоторые лидеры «Аль-Каиды», в том числе Абу Зубайда (2002), Рамзи бен-аль-Шиб (2002), Халид Шейх Мохаммад (2003), Мухаммад Наим Нур Хан (2004) и Абу Фарадж аль-Либи (2005). Эти успехи были бы невозможны без широкого сотрудничества разведок обеих стран. Разведслужбы добыли разнообразные сведения о тактике и планах «Аль-Каиды». Стратегия сближения также принесла плоды на восточной границе Пакистана с Индией. Кризис 2001–2002 годов, получивший название *Twin Peaks*, едва не поставил две страны на грань ядерного конфликта (в декабре 2001 г. террористы, предположительно связанные с Пакистаном, совершили нападение на здание парламента Индии в Дели. — **Ред.**). Но дружественные связи Вашингтона с Дели и Исламабадом, поддержка их сближения облегчили путь к диалогу, перемирию и укреплению мер доверия.

Значение этих успехов следует оценивать в свете того факта, что талибы по-прежнему находятся в южном Афганистане, на пакистанских Территориях племен федерального управления и в Белуджистане, а Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири, по-видимому, все еще укрываются в районе афгано-пакистанской границы. Проблемы усугубляются тем, что Вашингтон проявляет определенную узость видения, считая Мушаррафа и его армию единственными партнерами США в Пакистане. Пока администрации удалось избежать наихудшего развития событий — развала государства или захвата власти ис-

ламистами, но она не достигла первостепенных целей в войне с терроризмом, а также не смогла укрепить гражданское правление.

Все больше наблюдателей, особенно за истекший год, стали выражать сомнение в том, что Пакистан «делает достаточно» со своей стороны границы для помощи силам Соединенных Штатов и коалиции в Афганистане. Афганцы давно обвиняют Пакистан в предоставлении убежища бойцам движения «Талибан». Теперь то же самое говорят командующие силами НАТО и США. Так, к началу 2007-го мнение, превалирующее в Америке (по крайней мере, вне администрации), сводилось к тому, что Исламабаду следует предпринять больше усилий, чтобы покончить с боевиками.

Демократы в Конгрессе, разочарованные тем, что Пакистан, похоже, не особенно привержен делу борьбы с терроризмом, предложили, чтобы военная помощь обуславливалась очевидным прогрессом не только на этом направлении, но и в проведении демократических реформ. Некоторые критики администрации подозревают, что, учитывая давние связи армии и разведслужб Мушаррафа с исламистскими партиями и группами джихадистов, они никогда всерьез и не собирались вести войну с терроризмом.

ОБЩЕЕ ДЕЛО РЕЛИГИОЗНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ВОЕННЫХ

Действительно, исламисты в Пакистане и Афганистане на протяжении уже долгого времени поддерживают тесные связи с пакистанскими военными кругами. «Армия и разведслужбы Пакистана не одно десятилетие использовали религиозные партии для пополнения своих рядов», — отметила в газете *The Washington Post* бывшая премьер-министр Беназир Бхутто. В конфликте 1971 года между центральным правительством и тогдашним Восточным Пакистаном генерал Ага Мухаммад Яхья Хан призвал исламистские группировки помочь в подавлении восточнопакистанских националистов. В середине 1980-х, когда страну возглавлял генерал Мухаммад Зия-уль-Хак, тесные связи между религиозными деятелями и военными достигли нового уровня, поскольку масштабная военная помощь афганским моджахедам, воевавшим против советских частей, поступала от США и Саудовской Аравии через пакистанскую разведку *ISI*. Пакистан действовал по той же модели в Кашмире, финансируя и проводя боевую подготовку «борцов за свободу» для операций против объектов в Индии. Будучи боевым генералом, Мушарраф с энтузиазмом поддержал эту модель действий как спо-

соб отделения Кашмира от Индии. И почти нет сомнений в том, что после совершенного им в 1999-м переворота определенные связи между разведкой *ISI* и джихадистами сохранились.

Согласно большинству отчетов, в течение некоторого времени после 11 сентября 2001 года антитеррористические операции правительства Мушаррафа вдоль афганской границы различались по степени жесткости в зависимости от того, велись ли они против талибов (которые состоят в основном из этнических пуштунов) или против иностранных боевиков (арабы и выходцы из Центральной Азии). Талибы часто получали возможность пересечь границу, потому что некоторые военные продолжали считать их ценными агентами по распространению пакистанского влияния в Афганистане, а также потому, что им было трудно в одночасье распрощаться с длительной историей тесных рабочих отношений.

Однако все изменилось в последние два года, особенно после того, как пакистанская армия жесткими действиями оккупировала Территории племен федерального управления, оттолкнув от себя местные пуштунские племена. Союзы между правительством и местными боевиками, переставшие отличаться постоянством, сделали линии военного противостояния менее определенными. Серия убийств старейшин, придерживавшихся умеренных взглядов, и признаки наступающей «талибанизации» в районах, граничащих с *FATA*, усилили опасения Исламабада в том, что боевики зашли слишком далеко. Реакция Мушаррафа на эти события выразилась прошлой весной в проведении новой политики по отношению к племенным территориям. Он использовал модель профилактики против повстанческих движений, а именно такие меры, как щедрая помощь на цели развития, политические предложения и инициативы переговоров, попытки примирения и передислокация армии подальше от населенных пунктов.

Рост числа военных операций на афганской стороне границы весной и летом 2006-го убедили США и НАТО в том, что немало боевиков нашли укрытие в Пакистане. Стало понятно, что известные лидеры афганских талибов пользуются возможностью планировать операции из Пакистана, а пакистанским пограничным отрядам не хватает воли или сил остановить проникновение боевиков. В создавшихся условиях объявленный Исламабадом новый комплексный подход к *FATA* был воспринят в Вашингтоне с определенной долей скептицизма.

После официального объявления нового курса Исламабада представители американских и международных сил безопасности в тече-

ние нескольких недель жаловались на то, что число атак через границу возросло на 300 %. Даже если речь идет о тщательно выверенной информации, такой резкий скачок случаев пересечения границы нельзя считать доказательством лживости Пакистана либо следствием просчетов в его долгосрочной стратегии. Столь интенсивное проникновение боевиков через границу можно объяснить (хотя бы частично) тем, что они решили воспользоваться неразберихой, возникшей в связи с уходом воинских частей из населенных пунктов.

Уверенность в существовании тесных связей между исламистами и пакистанской армией заставляет критиков Мушаррафа обратиться с рекомендациями к разработчикам политического курса Соединенных Штатов.

Во-первых, они считают, что Вашингтону следует вновь потребовать от Мушаррафа и его военных напрячь усилия в войне с терроризмом. В их глазах президент Пакистана — мастер компромисса по согласованию противоречивых тактических требований минимальными средствами. Интересы США он ставит на первое место только в том случае, если их игнорирование будет стоить слишком дорого. Такова была ситуация сразу после 11 сентября. Согласно логике критиков Мушаррафа, только бескомпромиссная позиция Вашингтона заставит пакистанскую армию воевать должным образом, а также необходимо коренным образом пересмотреть стратегию Буша, которая предлагает «больше пряников и меньше кнута».

Во-вторых, согласно критикам, чтобы добиться реальных успехов в борьбе с терроризмом, Вашингтону следует поддержать в Пакистане переход к демократическому правлению. Пакистанская армия продемонстрировала готовность поддерживать отношения партнерства с исламистами, чтобы доминировать в политической жизни и распространять свое влияние в регионе. В то же время прогрессивные партии Пакистана, особенно бхуттовская Пакистанская народная партия (ПНП), в глазах критиков предстают как заинтересованные во внутреннем развитии страны и идеологически противостоящие исламистскому экстремизму. По этой логике только сплочение народа вокруг умеренных сил Пакистана может реальным образом помочь в преодолении трудностей социального характера и проблем развития, которые в конечном счете порождают экстремизм.

ОШИБОЧНАЯ ОЦЕНКА РОЛИ АРМИИ

Как бы убедительно ни звучали эти рекомендации, следование им привело бы к обратным результатам. Будут ли в отношении Паки-

стана применяться угрозы, или там наступит эпоха неограниченной демократии — вряд ли это принесет устойчивый успех в войне с терроризмом в ближайшем будущем. Оценивая ситуацию в Пакистане, критики исходят из ошибочного представления о характере связей армии с исламистами. Они полагают, будто эти связи невозможно (или, по крайней мере, очень трудно) разорвать. Фактически же разрыв может произойти проще, чем они думают (хотя, учитывая длительную историю этих связей, не так скоро либо гладко, как хотели бы в Вашингтоне). Спецслужбы Пакистана поддерживают подобные отношения не столько из идеологических соображений, сколько исходя из стратегического расчета, страхуясь на случай, если их оставят другие союзники, особенно Соединенные Штаты.

К счастью, есть признаки того, что армия воспримет изменения в стратегии положительно. Обстановка, в которой ей приходится действовать, претерпела значительные сдвиги по сравнению со всеми предыдущими этапами ее союза с исламистами. Во времена холодной войны и, пожалуй, вплоть до 11 сентября 2001 года США смотрели на отношения Пакистана с джихадистами снисходительно, иногда с одобрением или не придавали им значения. Что касается Кашмира, то Вашингтон в равной степени был склонен и критиковать Индию за жестокость ее сил безопасности, и осуждать Пакистан за то, что тот проводит военную подготовку и занимается финансированием «борцов за свободу». В Афганистане Америка и Пакистан были партнерами, оказывая моджахедам поддержку в борьбе с Советами. В 1990-х озабоченность в связи с распространением ядерного оружия отвлекла внимание американского руководства от решения проблем борьбы с терроризмом.

Но после 11 сентября дипломатическая цена, которую приходится платить за пакистанскую стратегию поддержки джихада, стала возрастать. Борьба с терроризмом моментально превратилась в главную задачу Белого дома, и семантическое различие между «борцами за свободу» и террористами, проводимое Исламабадом, утратило всякий смысл. Первой жертвой новой эпохи, девизом которой стал лозунг «С нами или против нас», явились открытые официальные связи Пакистана с афганским движением «Талибан». Вскоре конфронтация с Индией (2000–2001) заставила Мушаррафа отказаться от непосредственной поддержки боевиков, переходящих контрольную полосу в Кашмире. В обоих случаях связи Пакистана с исламистами воспринимались как фактор, который повлек за собой реальные угрозы со стороны других государств.

Цена, которую приходится платить за эти связи, выросла также и в других отношениях. Из-за обязательства сотрудничать с США в борьбе с терроризмом Мушарраф теперь взят на заметку джихадистами и чудом остался жив после нескольких покушений на его жизнь. Если говорить о ситуации в Пакистане в целом, то потери армии исчисляются сотнями человек в результате операций на племенных территориях, что еще больше усилило вражду между силами безопасности и экстремистами.

Некоторые благоприятные события способствовали тому, что армия более позитивно воспринимает изменения в стратегическом курсе. Отношения с Индией улучшились с весны 2003 года, когда премьер-министр Атал Бихари Ваджпай (выступая в административном центре Кашмира. — Ред.) протянул руку дружбы Пакистану. Перспектива нормализации индийско-пакистанских отношений предлагает осязаемые экономические и политические стимулы к тому, чтобы покончить с нагнетанием напряженности вокруг Кашмира. С противоположной стороны, на афганской границе, у пакистанской армии может появиться дополнительный стимул не страховать от краха либо подъема угрожающего соседа, а способствовать стабильности в Афганистане. Это произойдет в случае, если США и НАТО убедительно продемонстрируют свою решимость развивать зарождающиеся в Афганистане демократические институты и в обозримом будущем останутся в стране, оказывая поддержку правительству Хамида Карзая, в котором ведущую роль играют пуштуны.

Все эти доводы говорят в пользу возможных перемен в стратегическом мышлении пакистанских военных. Задача Вашингтона состоит в том, чтобы способствовать изменениям и ускорить их, избавив армию от влияния исламистов и развивая тесное партнерство. Угрозы вроде обещания сократить американскую военную помощь, прекратить поставки крупных оборонных систем (таких, как *F-16*) или свернуть престижные программы обмена для офицеров — это абсолютно ошибочный подход. Угрозы способны только ослабить друзей и потенциальных союзников США, усилить позиции скептиков в военном истеблишменте Пакистана, которые считают, что американцы вновь бросят Исламабад на произвол судьбы, как только в нем отпадет тактическая надобность.

Как раз те из пакистанских офицеров, которые играют существенную роль в контртеррористических операциях, особенно уязвимы в условиях режима избирательных санкций. Совсем не исключена вероятность применения таких санкций в отношении офице-

ров, которые их вовсе не заслуживают и могли бы стать лояльными партнерами. Избирательные санкции, возможно, имеют смысл, если Соединенные Штаты стремятся устранить либо ослабить режим в какой-нибудь «стране-изгое», но теряют свой эффект, если надо побудить колеблющегося партнера к более активным действиям. Ведь во всех имевшихся случаях размолвок с Пакистаном происходило ослабление умеренных и укрепление исламистов. Сокращение американских программ переподготовки для пакистанских офицеров в 1990-х, например, привело к тому, что целое поколение военных лишилось личных контактов с американскими коллегами и соответственно меньше доверяет или симпатизирует Америке.

На резкую отповедь Вашингтона пакистанское руководство, скорее всего, отреагирует не уступками, а дальнейшим развитием стратегии страхования на случай прекращения помощи США. Путем налаживания отношений с Пекином, Эр-Риядом и другими столицами Исламабад мог бы оградить себя от большинства угроз внешней интервенции и проводить политику экономического развития без американской помощи. Своими угрозами прекратить поддержку Вашингтон к тому же даст пищу уже имеющимся у многих пакистанцев в армии и вне ее подозрениям в том, что интересы Америки носят краткосрочный и циничный характер. Пакистан в прошлом уже обходился без США и, возможно, будет готов повторить этот опыт. Применение тактики принуждения в дальнейшем также будет ограничено следующим обстоятельством: как пакистанцы, так и американцы знают, что Вашингтону есть что терять, отталкивая от себя Исламабад.

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ

Попытки навязать Пакистану быстрый переход к демократии также могут оказаться контрпродуктивными. Ставка на пакистанскую демократию делается вовсе не с тем, чтобы, как это принято считать, предотвратить победу исламистов. Призрак захвата власти исламистами часто муссируется с той лишь целью, дабы выгородить Мушаррафа, который сопротивляется проведению демократических реформ. Фактически же именно недемократическое правление Первеза Мушаррафа как-то заслонило собой отсутствие широкой поддержки у исламистских партий. Только манипуляции разведки *ISI* с выборами-2002 позволили главной исламистской коалиции Пакистана Муттахида Маджлис-и-Амаль (ММА) получить необходимое число голосов и стать существенным фактором национальной политики. В настоящее время ни одна исламистская группировка либо политическая партия не спо-

собна в достаточной мере мобилизовать массы или заручиться народной поддержкой, чтобы захватить власть в Исламабаде. И в ходе легитимной избирательной кампании коалиция ММА, вероятно, получит лишь небольшой процент голосов (возможно, около 5 %, то есть достигнет исторически сложившейся нормы). Скорее всего, подлинно свободные и справедливые выборы вновь приведут к власти основные гражданские партии, создав что-то вроде объединения ПНП Беназир Бхутто и Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа.

Реальная проблема подталкивания к быстрому демократическому переходу состоит в том, что подлинная гражданская демократия в Пакистане в ближайшее время неосуществима. Если Соединенные Штаты хотят сотрудничать с Исламабадом, им так или иначе придется работать с армией – самым сильным государственным институтом, единственным, который в силах противостоять непосредственным угрозам агрессивного экстремизма и терроризма. Почти все остальные институты либо находятся в запущенном состоянии (например, система начального образования обеспечивает уровень грамотности в 30–50 %, при этом примерно 40 % бюджетных средств на образование не используются, поскольку чиновники не способны найти им применение), либо оказались объектом растущего влияния военных. Даже если бы к власти в Исламабаде пришло гражданское правительство, важнейшие решения принимались бы им только с учетом интересов армии (в том числе и в плане их реализации), и в конечном счете с этим пришлось бы считаться и Вашингтону.

История Пакистана после обретения им независимости свидетельствует о том, что даже в периоды гражданского правления решения принимались в армии. В 1990-е годы, несмотря на номинальную демократию, военные держали под контролем важнейшие направления национальной безопасности и внешней политики, включая руководство пакистанской ядерной программой и отношения с джихадистами в Афганистане и Кашмире. Согласно многочисленным свидетельствам, Бхутто, например, имела весьма смутное представление о ядерных разработках до тех пор, пока ее не проинформировали официальные лица из Вашингтона. Десятилетие противостояния между гражданскими политиками и армией усилило нестабильность и показало, что выборы и положения Конституции страны не способны в достаточной степени гарантировать подлинную гражданскую демократию в условиях согласованного давления со стороны военных.

При Мушаррафе армия еще глубже проникла в политику и экономику Пакистана, стало еще сложнее обойти ее или отодвинуть на

второй план. Практически любую сколько-нибудь значимую государственную структуру возглавляет армейский офицер в отставке. Армия и связанные с ней учреждения пополняют бюджеты через многочисленные коммерческие предприятия и компании, занимающиеся недвижимостью, содержат огромную сеть школ, учреждений и служб для военных и их семей.

Таким образом, чтобы потеснить военных с руководящих позиций в Исламабаде, понадобится либо очень сильный гражданский лидер, либо человек, способный глубоко проникнуться ведомственными интересами армии. Такие наиболее известные партийные лидеры, как Беназир Бхутто и Наваз Шариф, едва ли соответствуют указанным параметрам. Позиции обоих ослаблены из-за длительного пребывания в изгнании, к тому же они далеко не пользуются доверием армии. Ни тот ни другая не могут вернуться в Исламабад, не оговорив условий с Мушаррафом. Трудно вообразить, что эти условия будут включать в себя лишение главнокомандующего полномочий. Нравится нам это или нет, но Мушарраф (либо генерал, который придет ему на смену) в ближайшем будущем сохранит львиную долю власти, даже если в результате общенациональных выборов нынешней осенью в Исламабаде будет сформировано новое правительство.

КОМПЕНСИРУЮЩИЙ АКТ ВАШИНГТОНА

Перед американскими разработчиками политического курса в этой связи стоит двоякая задача: способствовать укреплению контртеррористической деятельности Пакистана (особенно армии и разведки *ISI*), а также его возможностей по мобилизации ресурсов, людей и институтов в борьбе с экстремизмом в более широком плане. Вашингтон может и должен сделать больше на обоих направлениях, но следует избегать шагов, которые омрачат атмосферу доверия в его отношениях с пакистанской армией.

Чтобы успешно влиять на планы Пакистана, американским стратегам необходимо соблюдать три основных правила. Следуя им, Вашингтон сможет доказать искренность намерений предложить долгосрочное партнерство, а также убедить Исламабад в том, что время подстраховочных сделок с исламистами прошло.

Первое правило состоит в том, чтобы не делать публичных упреков, поскольку это приводит к обратным результатам. Реальные санкции или угроза их введения лишь убеждают пакистанцев в том, что американцы намерены бросить их на произвол судьбы, как только с бен Ладеном будет покончено и в Афганистане установится мир. Даль-

нейшее затягивание с продажей истребителей *F-16* заденет особенно чувствительную струну, напоминая пакистанцам о санкциях, введенных Вашингтоном в 1990-м. Даже неофициальные обещания прекратить помощь либо санкции крайне избирательного характера наносят вред. Это уменьшает шансы рассчитывать на то, что представители пакистанских служб безопасности будут доверять США в долгосрочной перспективе и приложат значительные усилия при проведении конкретных контртеррористических операций в ближайшее время.

Второе правило: Соединенные Штаты должны продемонстрировать осязаемые преимущества двустороннего партнерства. Вашингтону следует профинансировать новый долгосрочный пакет помощи взамен рассчитанной на пять лет программы президента Буша. В соответствии с ней выделяется 3 млрд долларов, но срок ее действия истекает в 2009 году. Также, несмотря на слабость механизмов контроля, должно быть продолжено «возмещение» расходов армии на войну с терроризмом в виде американских «фондов поддержки коалиции» (их сумма ныне составляет более миллиарда долларов в год). Обещание и в дальнейшем продолжать предоставление помощи усилит позиции проамерикански настроенных офицеров и ослабит позиции скептиков.

Помимо финансовой помощи и технического содействия следует продемонстрировать готовность учитывать региональные интересы Пакистана. Влияние Вашингтона в Кабуле и Дели способно рассеять опасения Исламабада по поводу своего стратегического положения в окружении враждебной Индии и ее союзников. Это предмет главной озабоченности Пакистана с точки зрения безопасности. Необходимо долгосрочное, твердое обязательство США содействовать стабильности в Афганистане. Такое обязательство предоставляет в распоряжение Пакистана единственный способ «освободиться» от Афганистана, не уступая позиций своим противникам в регионе, реальным или мнимым.

Вашингтон и впредь может и должен оказывать умиротворяющее воздействие на весьма беспокойные афгано-пакистанские отношения. Продолжение трехсторонней дипломатии на высоком уровне (примером которой был обед в сентябре 2006-го с участием Буша, Мушаррафа и Карзая) следует дополнить более активным политическим диалогом на рабочем уровне.

Ничто не может в большей степени способствовать достижению Пакистаном стабильности, благосостояния и демократического правления в долгосрочной перспективе, как нормализация отношений с Ин-

дий. Между Соединенными Штатами и Индией установились, как никогда, тесные отношения, и впервые за многие годы перспективы их дальнейшего сближения представляются весьма обнадеживающими. Устранение барьеров на пути движения товаров и услуг через индийско-пакистанскую границу способствовало бы подключению пакистанской экономики к «мотору» внушительного роста Индии, увеличив потенциал развития торговли энергоресурсами между Южной и Центральной Азией. Это также способствовало бы появлению новых возможностей в области образования и культуры для растущего населения Пакистана, где, по оценкам, 85 миллионов — граждане моложе 19 лет.

Администрация Буша должна постараться сделать все, что в ее силах, чтобы ненавязчиво донести до Индии преимущества дальнейшего продвижения в индийско-пакистанском «смешанном диалоге» (призванном разрешить важнейшие проблемы взаимоотношений двух стран, включая кашмирскую. — Ред.). Дели осознаёт величину ставки, поскольку Индия пострадает от нестабильности в Пакистане больше, чем любое другое государство. Но от Вашингтона зависят политические и экономические стимулы для поиска компромиссных решений. Впрочем, не стоит забывать, что сами по себе подобные стимулы не приведут к разрешению конфликта вокруг Кашмира.

Третье правило: если и когда окажется целесообразным применить более жесткие принудительные меры, их следует применять, выдвигая условие доступа к более широким контактам. Белому дому надо не выступать с угрозами прекращения помощи, а настаивать на расширении контактов — с пакистанскими разведчиками, армией и службами безопасности, на предоставлении доступа к информации. Американское руководство должно развеять все сомнения относительно его планов и впредь активно участвовать в делах Пакистана и всего региона.

Исламабад крайне негативно относится к возможным автономным действиям американских военных в Пакистане, поэтому с подобными требованиями не следует выступать открыто, нужны менее заметные способы включения американцев в пакистанские операции. Современные коммуникации, разведка, технологии нанесения удара с дальнего расстояния позволяют подключать силы США к военным действиям даже без высадки на территории страны. Помимо возможного тактического выигрыша, более широкая вовлеченность Соединенных Штатов даст понять, что Вашингтон планирует инвестировать в долговременные рабочие отношения и что его конечная цель — более глубокое и тесное сотрудничество.

В военном отношении Вашингтон может делать значительно больше для повышения эффективности пакистанских служб безопасности и разведки. Чтобы трансформировать подразделения пакистанской армии, которые состоят из крупных соединений, нацеленных на действия против индийской армии, в более мобильные части, способные к проведению операций против террористов и мятежников, необходимы дополнительная боевая подготовка, ресурсы и оборудование. Повышение дееспособности пакистанских гражданских институтов — задача, по меньшей мере, столь же неотложная, но гораздо более трудная. Степень эффективности инфраструктуры, здравоохранения, образования, правоохранительной системы и правосудия Пакистана определит его способность вести борьбу с экстремизмом на длительный срок. Слабое государство и пробуксовывающая экономика — путь к недовольству, отчуждению и радикализации пакистанского общества.

К сожалению, Соединенные Штаты оказываются застигнуты врасплох всякий раз, когда речь заходит о формировании общественного мнения или строительстве институтов гражданского правления. Особенно это касается стран, подобных Пакистану, где американские официальные представители и бизнесмены сталкиваются с такими угрозами безопасности, которые парализуют всякую деятельность. Деньги США, направляемые на подготовку госслужащих, программы обмена и техническую помощь, тратятся не впустую, но масштабы проблем требуют значительно больших ресурсов. Только работающие на местах и на общенациональном уровне миллионы пакистанских граждан могут создать и укрепить институты, от которых зависят предоставление основных услуг и безопасность страны.

ПОМОЩЬ ПАКИСТАНСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Правительству Мушаррафа, которое опирается на армию, не удалось создать настоящую партийную организацию, способную мобилизовать народные массы. Правящая партия (сторонники Мушаррафа. — **Ред.**) состоит в основном из приспособленцев и технократов. Мало кто из наблюдателей верит, что в результате свободных и честных выборов она сможет получить большинство голосов, что позволит ей стать правящей партией. Пакистанская народная партия под руководством Бхутто, несмотря на неуклонное сокращение численности ее сторонников, остается единственной крупной общенациональной партией, способной обеспечить поддержку народных масс в борьбе с экстремизмом.

В преддверии общенациональных выборов, которые состоятся осенью, появились слухи, что готовится договоренность между Мушаррафом и Бхутто. Интеграция более широкой прослойки прогрессивно настроенных деятелей в правящую коалицию Пакистана стала бы значительным шагом вперед даже при сохранении армией — и самим Мушаррафом — преобладающего влияния на формирование оборонной и внешней политики. Практически же создание коалиции между ПНП Бхутто и Мушаррафом — наилучший способ повысить шансы гражданских сил Пакистана, выступающих против экстремизма, и начать постепенный переход к демократическому правлению. Со временем и при соответствующих обстоятельствах армия могла бы еще больше отстраниться от внутренней политики.

По этим причинам — и вопреки утверждениям особенно рьяных сторонников продвижения демократии — Соединенные Штаты ничего не выиграют, если в этом году будут неуклонно выступать против дальнейшего пребывания Мушаррафа на посту президента или главнокомандующего. Вашингтону предстоит сделать выбор не между Мушаррафом и демократией, не между Мушаррафом и радикальными экстремистами. Скорее это выбор между главнокомандующим (Мушаррафом или его преемником) в коалиции с прогрессивными и умеренными политиками и главнокомандующим в союзе с другими, менее привлекательными партнерами.

Риторика и льстивые слова Америки в конечном счете не повлияют на исход политической борьбы. И все же значение исходящих от них импульсов и создаваемых ими возможностей едва ли можно переоценить. Помимо стремления к конструктивному политическому посредничеству в ходе обсуждения пакистанских проблем, высокопоставленные представители США должны исходить из трех основополагающих принципов.

Во-первых, следует неустанно повторять мантру о «свободных и справедливых» выборах. Вашингтону необходимо и впредь оказывать техническую помощь избирательной комиссии Пакистана, особо указывая на недопустимость выборов, заранее подготовленных разведкой *ISI* либо иными государственными структурами. Вместе с другими международными партнерами нужно участвовать в организации широкого мониторинга, проводимого иностранными наблюдателями. В отсутствие внешнего давления «ястребы» в окружении Мушаррафа будут испытывать сильное искушение фальсифицировать результаты выборов, как они это делали в 2002 и 2005 годах, особенно если шансы его партии на победу будут невелики.

Внимание к выборам со стороны США повысит вероятность того, что Мушарраф пойдет на соглашение с ПНП по формированию правительства единства, опирающегося на умеренный электорат, и будет придерживаться условий этого соглашения. Но американскому руководству не следует настаивать на уходе Мушаррафа, поскольку предстоящие выборы только первый шаг на пути к выводу военных с внутривнутриполитической арены. На следующий срок Мушаррафа может сменить просто-напросто другой генерал, который, возможно, менее склонен руководствоваться принципом «просвещенной умеренности» (согласно выражению самого Мушаррафа) или работать с умеренными политическими партиями.

Во-вторых, Вашингтону следует занять принципиальную позицию по вопросам защиты прав человека и верховенства Конституции. Эти вопросы, кроме того что они важны сами по себе, могут объединить прогрессивные политические силы в Пакистане, готовя почву для создания коалиции. И комментарии из Вашингтона или отсутствие таковых не ускользают от внимания Исламабада. Решительно высказываясь по проблемам прав человека (выражая свою поддержку или озабоченность в зависимости от обстоятельств), Вашингтон косвенно поддерживает идею создания нового политического союза, готового к долгосрочной борьбе с экстремизмом в Пакистане. К сожалению, молчание Вашингтона непосредственно после того, как этой весной Мушаррафом был временно отстранен от должности председатель Верховного суда Ифтикар Мухаммад Чаудхри, вызвало как раз противоположный эффект. Оно способствовало нарушению единства среди прогрессивных сил и укрепило позиции «ястребов», желающих извлечь максимальную политическую выгоду. Результатом явились уличные протесты, которые показали, что подобные события способны привести к непредсказуемым политическим последствиям.

В-третьих, американским представителям пора публично сделать акцент на необходимости внутривнутрипартийной демократии. Одним из традиционных недостатков пакистанских политических партий является то, что они прочно ассоциируются с отдельными личностями либо семьями. Демократические механизмы внутри партий, безусловно, помогут им превратиться в организации, способные существовать и после ухода конкретных лидеров, представлять интересы и идеалы более широких слоев населения. Кроме того, процесс отбора новых руководителей повышает активность членов партии и расширяет ее электоральную базу. Заслуживают они такой оценки или нет, но Беназир Бхутто и Наваз Шариф

стали знаковыми фигурами в пакистанской политике, поляризующими общество. Подчеркивая необходимость внутрипартийной демократии, Вашингтон мог бы выдвинуть принципиальные доводы в пользу «смены караула» в основных партиях Пакистана и оказать поддержку в формировании коалиционного правительства, во главе которого будут новые лица.

СМЕНА АКЦЕНТОВ, НО НЕ СМЕНА КУРСА

Вашингтон должен сменить акценты в своей политике в отношении Пакистана, но ему не следует менять курс. Если вспомнить об ужасающем состоянии американо-пакистанских отношений до 11 сентября 2001 года, можно констатировать, что шестилетнее партнерство администрации Буша с Мушаррафом принесло реальные плоды. Улучшились макроэкономические перспективы Пакистана и его отношения с Индией, что может стать предпосылкой создания долгосрочной стабильности и процветания.

Поскольку Белый дом сталкивается с противостоянием своей «программе свободы» во всем мусульманском мире, администрация, скорее всего, не захочет еще раз делать ставку на демократические выборы в стране, имеющей такое стратегическое значение. Но Пакистан — это не Египет или Палестина. Сейчас возможно создание коалиции большинства из умеренных политиков основных партий и при поддержке армии. Пакистанские исламисты представляют весьма реальную угрозу, но пока не на выборах. Промедление с введением демократической практики ослабит способность пакистанского правительства бороться с экстремизмом в ближайшем будущем и посеет семена экстремизма в долгосрочной перспективе.

В то же время Вашингтон должен завоевать доверие пакистанской армии. Эта цель достижима только путем установления более тесных рабочих контактов и осязаемых инвестиций, что заставит США взять на себя долгосрочные обязательства в отношении данного региона.

К счастью, выбор между поддержкой пакистанской армии и продвижением демократии всегда был искусственным. И то и другое необходимо. Только помогая в передаче власти гражданским политикам и в то же время завоевывая доверие армии, Соединенные Штаты смогут успешно вести длительную войну против экстремизма.

Пакистанская рулетка

Владимир Овчинский

С начала XXI века Пакистан неуклонно превращается в одну из самых болевых точек системы международной безопасности.

Во-первых, происходящие там события во многом определяют террористическую активность не только на Большом Ближнем Востоке, но и в мире в целом.

Во-вторых, ядерный арсенал Пакистана (или хотя бы его часть) может «внезапно» оказаться в руках у реальных фанатиков-террористов. А среди них, помимо малограмотных боевиков, умеющих обращаться только со стрелковым оружием, есть и высококласные специалисты-ядерщики.

Обеспокоенность событиями в Пакистане принимает разные формы. Так, в августе сразу два претендента на пост президента США — демократ Барак Обама и республиканец Рудольф Джулиани — высказались в пользу американской военной операции в этой стране. Данные заявления вызвали возмущение в Исламабаде, а официальный Вашингтон решительно от них отмежевался.

Именно поэтому ситуация требует постоянного мониторинга и комплексного анализа со стороны экспертов и специалистов самого разного профиля. И статья Даниела Марки «Ошибочная альтернатива в подходе к Пакистану», безусловно, является заметным событием политического анализа. Но каждая публикация такого рода, естественно, порождает целый ряд сомнений, возражений и вопросов.

Кроме того, события развиваются столь стремительно, что уже после выхода статьи в *Foreign Affairs* ситуация в Пакистане и вокруг

В.С. Овчинский — д. ю. н., генерал-майор милиции (в отставке), советник председателя Конституционного суда РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

него существенно изменилась. После штурма пакистанской армией и спецназом Красной мечети в Исламабаде обстановка серьезно радикализовалась. Экстремистские силы самого разного калибра объявили о прекращении «перемирия» с властями (хотя оно и раньше было довольно условным). По всей территории активизировалась террористическая деятельность по иракской и афганской модели.

Так, бывший премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто, которая намерена вернуться в страну для участия в выборах, в интервью немецкому журналу Focus предупредила об опасности восстания радикалов-исламистов. «Если срочно не разоружить религиозные школы, то события в Красной мечети окажутся лишь страшной прелюдией», — говорит политик.

Все это позволяет экспертам прийти к заключению о том, что Южная и Центральная Азия оказались перед перспективой появления нового «большого» движения «Талибан», главной целью которого становится не столько Афганистан, сколько Пакистан. Как верно указывает на сайте www.afganistan.ru Андрей Серенко, сегодня на повестке дня встает вопрос об «афганизации» Пакистана. Для прорыва к власти в Исламабаде радикальные исламисты пытаются перенести на пакистанскую почву все механизмы афганского кризиса: террористические акты в столице и крупных городах, покушения на государственных чиновников, полицейских, захват в заложники журналистов, разлагающая работа в армии.

В этой связи «зависает» вывод Даниела Марки о том, что если общенациональные выборы в Пакистане осенью 2007 года «будут свободными и справедливыми, то большинство голосов получат партии, принадлежащие к основным политическим течениям, что позволит в результате переговоров создать союз между армией и новым, более прогрессивным правительством».

На мой взгляд, нет никакого сомнения в том, что после событий вокруг Красной мечети предстоящие выборы в Пакистане (если они состоятся и будут действительно свободными при подконтрольно-честном подсчете голосов, что предлагает организовать Даниел Марки) выиграют наиболее экстремистски настроенные исламские силы во главе с муллами-талибами. Даниел Марки полагает, что ситуации, подобной палестинской, когда на честных выборах победило движение ХАМАС, бояться не надо. Действительно, бояться надо другого — победы сил, которые гораздо радикальнее ХАМАС.

Все признаки подготовки этой победы были налицо задолго до штурма Красной мечети. Как писал еще до этих событий профессор Университета Каид-и-Азам в Исламабаде Первез Худбой (один из авторов международного *Project Syndicate*), «всега несколько лет назад Исламабад был тихим, мирным, современным городом, который не отличался от любого другого города Пакистана. Еще раньше он в значительной степени был местом жительства представителей высшей элиты и иностранных дипломатов. Но быстрое изменение его демографического состава принесло с собой сотни мечетей с множеством динамиков-пушек, установленных на минаретах, а также большое количество медресе, незаконно построенных в местах, которые раньше были общественными парками и зелеными зонами. Теперь десятки тысяч их студентов в маленьких молитвенных шапочках целыми днями покорно читают вслух Коран...

В центре Исламабада «группы бдительности» от финансируемой правительством Красной мечети бродят по улицам и базарам, требуют соблюдения исламской этики, терроризируют граждан, и все это на глазах у полиции. Не скрывая симпатий к движению «Талибан» и бойцам из пуштунских племен, борющимся с пакистанской армией, два брата-имама, Маулана Абдул Азиз и Маулана Абдур Рашид Гази, которые возглавляют Красную мечеть, сплотили вокруг себя костяк запрещенных воинствующих организаций. Среди них и Джаиш-э-Мухаммад, которая, как полагают, является пионером в использовании смертников в террористических актах... Почва для преобразований Исламабада в цитадель талибов уже подготовлена».

И в таких условиях, которые, повторяю, происходили задолго до штурма Красной мечети, Даниел Марки видел возможность проведения «демократических выборов»?

Многие эксперты, в том числе и упомянутый Первез Худбой, полагают, что президент Пакистана Первез Мушарраф специально создает хаос, дабы спровоцировать кровопролитие, которое приведет к вмешательству армии и объявлению чрезвычайного положения в стране. А это в свою очередь послужит предлогом для переноса выборов, намеченных на октябрь 2007-го. Судя по всему, вопрос о введении чрезвычайного положения очень серьезно рассматривается в пакистанской элите, но пока генерал Мушарраф эту идею отклонил. В августе он вновь пообещал провести голосование в намеченные сроки.

Но даже если план отмены выборов и существует, является ли он планом только Мушаррафа? Иными словами, насколько полити-

ка Мушаррафа противоречит политике определенных центров влияния в США или Китае, о роли которого в «пакистанской рулетке» Даниел Марки вообще не упоминает?

Нужны ли, например, демократические выборы в Пакистане американскому вице-президенту Дику Чейни? Это большой вопрос – ведь в апреле 2007 года Чейни оказался в центре скандала, связанного именно с Пакистаном. Американский канал *ABC* раздобыл сенсационную информацию о том, что Чейни санкционировал поддержку пакистанских террористов, связанных с «Аль-Каидой», для борьбы против Ирана.

Сенсационными материалами о связях Вашингтона с пакистанскими террористами поделился ведущий *ABC* Чарлз Гибсон. В программе «Тайная война против Ирана» он привел сведения двух своих источников в американском и пакистанском правительствах. Они сообщили о связях администрации Соединенных Штатов с пакистанской террористической группировкой «Джандаллах». По данным Гибсона, Вашингтон оказывает террористам финансовую и информационную поддержку, чтобы те дестабилизировали ситуацию внутри Ирана. По утверждению Гибсона, Чейни лично обсуждал возможности использования боевиков из «Джандаллах» против иранских военных и чиновников в феврале 2007-го на переговорах с Мушаррафом в Исламабаде.

Надо сказать, что боевики из «Джандаллах» уже приступили к совершению террористических актов против иранских военных и полицейских. А Белый дом никак не комментирует телепрограмму *ABC*.

Отдельно надо сказать о китайском влиянии в Пакистане. Думается, что без учета фактора Пекина анализировать ситуацию в Исламабаде вообще нельзя. Свое ядерное оружие Пакистан создал во многом благодаря помощи Китая. Военно-воздушные силы страны практически полностью оснащены китайской техникой. В армии более 70 % пакистанских танков и 60 % артиллерийских орудий китайские. Пекин ежегодно выделяет беспроцентный кредит для осуществления поставок стрелкового оружия, боеприпасов, средств связи, автотранспорта, запасных частей и оборудования. А в последнее время поставляются новейшие переносные зенитно-ракетные комплексы. В 2005 году в Китае началось строительство трех крупнейших фрегатов для Пакистана (первый поступит на вооружение уже в 2008-м), еще один построят на верфи в Карачи на основе китайских материалов и технологий. Ислама-

бад готовится приобрести у Китая шесть атомных реакторов на сумму 7 млрд долларов.

Приоритетным мегапроектом современного Пакистана, крупнейшим за 60 лет независимости, является строительство с помощью КНР глубоководного морского порта Гвадар. Он расположен на побережье Аравийского моря в непосредственной близости от Ормузского пролива, ведущего в Персидский залив, через который транспортируется около 40 % всей потребляемой в мире нефти. С помощью этого проекта Китай планирует выйти к теплым водам Аравийского моря, чтобы «вызволить из плена» сухопутную провинцию Синьцзян.

Сегодня КНР открыто заявляет, что рассматривает Пакистан в качестве промышленной базы для китайских компаний, вывоза производственных мощностей малого и крупного бизнеса, установки сборочных линий (к примеру, в Белуджистане), осуществления экспортно-импортных операций со странами Ближнего Востока, Центральной Азии, Африки и т. д.

Неужели Пекин упустит все эти наработанные проекты и вложенные миллиарды долларов ради «демократизации» Пакистана, последствия которой непонятны, и привода к власти так называемого «умеренного правительства»? Или у Китая нет возможности влиять на внутренние процессы в Пакистане? Армия уже во многом зависит от китайских поставок. Что же касается всемогущих пакистанских спецслужб, о которых много пишет Даниел Марки, то отношения с ними у Пекина сложились еще в ходе создания пакистанского ядерного оружия, а укрепились в период афганской войны, которую вел СССР. Тогда в пакистанских лагерях для войны на стороне моджахедов готовились десятки тысяч китайских мусульман-уйгуров. Таким путем, в частности, КНР решала и проблему уйгурского сепаратизма.

Об особой близости обеих стран говорит тот факт, что после событий 11 сентября 2001 года пакистанские власти рассматривали возможность вывоза всего или части своего ядерного арсенала именно в Китай для предотвращения захвата его исламскими экстремистами. Об этом сообщали в тот период ряд СМИ.

Безусловно, «особые отношения» между Исламабадом и Пекином вызывают в США отнюдь не меньшую тревогу, чем угроза исламского экстремизма. И противоборство осуществляется на всех направлениях. Так, в нынешнем году участились нападения разного рода пакистанских боевиков на граждан КНР, работающих в провинции Белуджистан по реализации крупных совместных проектов.

Удивительной особенностью статьи Даниела Марки является то, что в своем подробном и многоплановом анализе он практически ничего не говорит о возможности попадания ядерного оружия Пакистана в руки террористов и исламских радикалов. Вообще о ядерной программе упоминается только в связи с тем, что Беназир Бхутто якобы «имела весьма смутное представление о ядерных разработках до тех пор, пока ее не проинформировали официальные лица из Вашингтона».

Такое заявление, мягко говоря, спорно. Есть многочисленные свидетельства того, что отец Беназир Бхутто, премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто, начал готовить свою дочь к политической карьере чуть ли не с 9-летнего возраста. Он в тот период был инициатором создания пакистанской ядерной бомбы и возглавлял национальный энергетический комплекс. А Беназир Бхутто, будучи премьер-министром, демонстративно увеличивала финансирование программы создания ядерного оружия, что вызывало открытое недовольство Вашингтона.

Что касается опасности захвата ядерных арсеналов Пакистана террористами, то, как уже отмечалось, осенью 2001-го она действительно существовала. Кроме плана эвакуации ядерных арсеналов в Китай, известно и о другом плане, о котором в октябре 2001 года сообщал журнал *The New Yorker*. Подразделения спецназа США совместно с израильскими командос отрабатывали сценарий взятия под контроль пакистанского ядерного оружия. Тогда речь шла о захвате 24 ядерных боеголовок в случае свержения Первеза Мушаррафа. Однако, по свидетельству того же журнала, американские спецслужбы не знали точного местонахождения всех ядерных боеголовок. Вашингтон уже тогда очень тревожили проталибские настроения среди пакистанских ученых-ядерщиков и сотрудников спецслужб, которые это оружие охраняли.

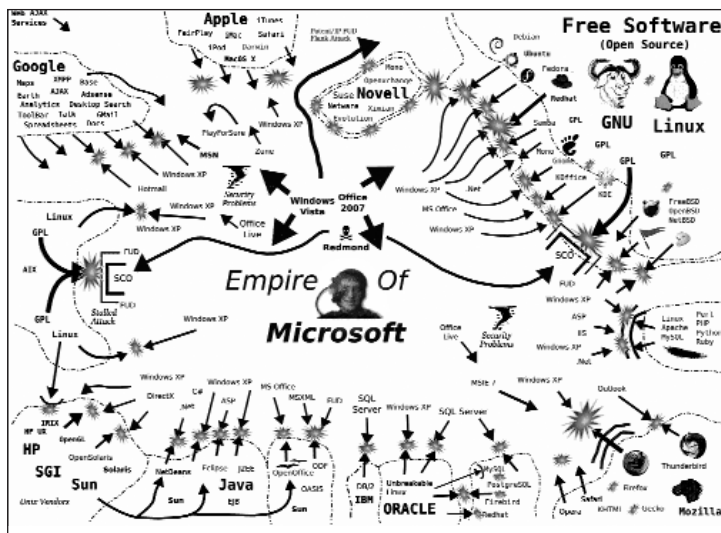
Приняты ли Соединенными Штатами за время «войны с терроризмом» какие-либо меры по нейтрализации подобной ситуации? Существует версия, что несколько лет назад ядерный арсенал Пакистана был взят под контроль американцами. В буквальном смысле слова — с охраной пунктов хранения. Естественно, с согласия Мушаррафа и в обстановке строжайшей секретности.

Но так ли это? Неужели Первез Мушарраф позволил связать себе руки в возможном противостоянии с Индией? И дал бы это сделать Китаю?

Кроме того, в 2005 году Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) сообщало, что у Пакистана есть тайные каналы, по которым в страну поставляются оборудование и технологии модернизации ядерного оружия. По мнению инспекторов МАГАТЭ, Пакистан закупает материалы только для собственных нужд. Однако само существование подобных каналов означает, что запрещенные технологии могут попасть в руки террористических групп. И самое главное – по данным экспертов, ни один из этих каналов не был известен в прошлом. А история с «отцом» пакистанской ядерной программы Абдулом Кадир Ханом, изобличенным в 2004-м в контрабанде ядерных материалов, доказывает, что возможны любые утечки.

Ситуация в Пакистане может качнуться в любую сторону. Интересы на территории страны имеют, как минимум, три мощных «центра силы» – Соединенные Штаты, Китай и настоящие исламские экстремисты (а не управляемые структуры американских, китайских и пакистанских спецслужб). Военное правительство Пакистана во главе с генералом Мушаррафом (или, случись что, без него) будет продолжать балансировать между этими тремя силами. И вряд ли военные в такой сложнейшей ситуации станут делиться властью с какими-либо «умеренными» политиками. В условиях нарастания радикализма по всем направлениям любое ослабление власти приведет эту власть к краху, а Пакистан – к катастрофе.

Глобальные ресурсы

Steven Hilton <mshilton@gmail.com>

“Государство, планирующее занимать одну из ключевых позиций в мировом сообществе, должно быть уверено, что программное обеспечение, управляющее критически важными процессами (особенно в оборонной отрасли), не содержит «закладок», наличие которых способно повлечь за собой непредсказуемые последствия”

«Газовая ОПЕК» или другие формы взаимодействия?
Владимир Ревенков, Владимир Фейгин

176

Открытый код и национальная безопасность
Павел Житнюк, Виталий Кузьмичёв, Леонид Сомс

186

«Газовая ОПЕК» или другие формы взаимодействия?

Владимир Ревенков, Владимир Фейгин

Чем выше спрос на газовое топливо и интерес к мировому рынку этого сырья, тем актуальнее идея объединить его ведущих экспортеров. Первые шаги уже делаются. Существующий Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ), по сути, представляет собой клуб с «мягким» членством и свободной формой обсуждения проблем. В последнее время начат процесс укрепления этой организации и активизации ее работы. Вместе с тем высказываются предложения по кардинальному расширению взаимодействия поставщиков газа. В качестве модели упоминается Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК), созданная в 1960 году, и в обиход уже вошел соответствующий термин – «газовая ОПЕК». Некоторые основания для таких рассуждений есть – ведь рынки нефти и газа тесно связаны между собой, а реальная ценовая политика на газовом рынке во многом (хотя и не во всем) определяется действиями государств – членов ОПЕК.

ОПЕК И РОССИЯ

Классическим примером действий ОПЕК по изменению мировой конъюнктуры служит политика этой организации во время нефтяного кризиса в 1973-м. Нарушение (в результате эмбарго) привычного режима поставок нефти из арабских стран на мировые рынки, и прежде всего в Соединенных Штатах, спровоцировало рост цен в четыре раза, а в 1976–1978 годах они поднялись еще вдвое. Реакцией стран-потребителей на шок стала политика энергосбережения, включавшая разнообразные меры государственного содействия это-

В.И. Ревенков – к. э. н., ведущий специалист фонда «Институт энергетики и финансов», **В.И. Фейгин** – к. ф.-м. н., главный директор фонда «Институт энергетики и финансов».

му процессу. В результате в США и других странах, зависящих от импорта, стала повышаться эффективность потребления нефти и нефтепродуктов, а также природного газа. Параллельно развернулись процессы интенсификации производства нефти в самих Соединенных Штатах и в целом ряде не входящих в ОПЕК стран, и в этом активно участвовали крупнейшие транснациональные нефтегазовые корпорации. К концу 1980-х мировые цены в реальном выражении вернулись к предкризисному (1976–1978) уровню.

В 1990-х годах внутри ОПЕК начали нарастать противоречия. Борьба за сохранение или увеличение рыночной доли отдельных стран и соответственно несогласованность позиций снижали эффективность политики поддержания цен. В таких условиях в мире (в том числе и в России) стали активно поговаривать о неминуемом скором крахе «последнего картеля». Но и этот кризисный этап в целом был пройден. Сегодняшняя ОПЕК – уникальная политико-экономическая структура, в которой налицо определенная консолидация позиций как арабских, так и неарабских стран-членов.

Осознав риски, связанные с картельным поведением стран – экспортеров нефти, развитые государства – участники Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), приняли согласованные институциональные решения, создав в 1974-м Международное энергетическое агентство (МЭА) и сформировав под его эгидой нефтяной резерв. Так картельные действия группы производителей, а затем решения группы потребителей, направленные на снижение рисков, собственно, и привели к нынешнему противостоянию производителей и потребителей нефти.

Россия является активным и важным участником мирового нефтяного рынка, страной – наблюдателем в ОПЕК и в целом выигрывает от существования картеля. Почему же она, тем не менее, не стала полноценным членом этой организации и должна ли стремиться вступить в нее?

Во-первых, главная заявленная цель ОПЕК – регулирование мирового нефтяного рынка и цен в первую очередь за счет введения и соблюдения квот на поставки. Регулирование поставщиками цен считается нерыночной мерой и часто квалифицируется как ценовой сговор. В определенные периоды кризисов, прежде всего политических, создается впечатление, будто ОПЕК использует ценовые механизмы в качестве политического рычага и это негативно сказывается на восприятии ее как картельной организации. При этом

ОПЕК подразумевает жесткое членство: страны-члены несут обязательства по выполнению принимаемых ими решений (однако и не всегда в полной мере им следуют).

Хотя довольно грубые методы, применяемые ОПЕК, пока и выполняют свою стабилизирующую роль, но идет активный поиск других – более рыночных – механизмов стабилизации конъюнктуры. В таком обновлении нуждается весь нефтяной рынок, а если брать шире, то и вся энергетика, причем, как ни парадоксально, в поддержке со стороны стабилизирующих рынок механизмов нуждаются и принимаемые развитыми государствами меры по развитию альтернативных нефти источников энергии.

ОПЕК, кроме того, несет на себе тяжелый груз конфликтного прошлого. Она объединяет лишь чисто сырьевые страны, некоторые из которых проводят конфронтационную внешнюю политику.

Во-вторых, в 2000–2005 годах Россия, исходя из внутренних возможностей и конъюнктуры мирового рынка, увеличила добычу нефти на 45 % (с 323,3 млн т до 470 млн т). Соответственно вырос и экспорт нефти и нефтепродуктов, что сыграло важную роль в стабилизации этих рынков и улучшении финансово-экономического положения нашей страны. В случае полноценного членства России в ОПЕК осуществить такой рывок было бы весьма трудно, если и вообще возможно.

В-третьих, первые этапы истории ОПЕК ассоциируются в развитых государствах с нефтяным эмбарго 1973-го, которое повлекло за собой масштабные перемены на мировом рынке и вокруг него. В частности, усилия крупных стран по расширению роли независимых производителей нефти из стран, не входящих в ОПЕК, вызвали значительное снижение доли картеля в мировом экспорте нефти (с 86,1 % в 1973 году до 50,9 % в 2005-м).

Таким образом, именно благодаря следованию своей собственной логике Россия **в настоящее время является крупнейшим независимым производителем нефти.**

Точно так же полноценное членство России в ОПЕК осложнило бы ее роль председателя «Большой восьмерки» в 2006 году. Будь наша страна членом картеля, обязательства перед ним связали бы Москве руки при обсуждении вопросов глобальной энергетической безопасности.

Между тем в решениях *G8* подчеркивается необходимость развития взаимодействия между производителями и потребителями энергии для решения глобальных проблем энергобезопасности, серьезно обострившихся в последнее время. Как крупнейший производитель и экспор-

тер нефти и газа, быстроразвивающаяся Россия, которая по все большему числу параметров становится полноправным участником клуба развитых государств (об этом, в частности, свидетельствует недавнее приглашение ОЭСР начать переговоры о вступлении РФ в данную организацию), призвана сыграть в этих процессах ключевую роль.

ОСОБЕННОСТИ ГАЗОВЫХ РЫНКОВ

На современном этапе мировой газовый рынок все еще характеризуется фрагментарностью, а формирование цен на природный газ напрямую связано с особенностями региональных рынков.

Североамериканский газовый рынок – один из наиболее прозрачных, его либерализация началась в середине 1980-х годов. На этом рынке присутствует множество самостоятельных компаний, каждая из которых действует в одной, а то и в нескольких территориальных зонах либо в той или иной производственно-хозяйственной сфере (добыча, транспорт, распределение, поставки газа). Информация о транспортных тарифах, условиях доступа к мощностям и пр. общедоступна. Более того, прозрачными являются цены на газ, формируемые примерно на четырех десятках торговых площадок (главная среди них – виртуальная площадка *Henry Hub* в штате Луизиана). Текущее состояние спроса и предложения природного газа в этих точках торговли – основа формирования цен на газ в США.

Соотношение между спросом и предложением на американских торговых площадках имеет подвижный сезонный характер и зависит от разного рода неконтролируемых факторов, что периодически приводит к нарушению баланса и высокой волатильности газовых цен.

Цены на импортируемый в Соединенные Штаты сжиженный природный газ (СПГ) также привязаны к текущим ценам *Henry Hub*, что обуславливает резкий перепад цен на отдельно поставляемые партии этого товара. Рынок танкерных поставок СПГ партиями функционирует во многом так же, как мировой нефтяной рынок. В настоящее время импорт СПГ является в США фактором воздействия на внутренние цены в сторону их понижения: он дополняет национальную газодобычу и служит средством, позволяющим поддерживать равновесие между предложением и растущим спросом либо ликвидировать дисбаланс в поставках.

Поскольку нефть и нефтепродукты – основные конкуренты газа на внутреннем энергетическом рынке Соединенных Штатов, цены в главном газовом хабе (центр, сердечник от английского *hub*. – **Ред.**) тесно

связаны с маркерными ценами (маркер — базисный сорт нефти для определения цен. — **Ред.**) западнотехасской средней нефти (*WTI*). В отдельные периоды экономического развития внутренние газовые цены даже выходят на уровень, превышающий цены на отдельные нефтепродукты (мазут, дизельное топливо) в расчете на равный энергетический эквивалент (к примеру, в 2003 году). Однако в последние годы цены на газ в целом на этом рынке устанавливаются на более низком уровне, чем нефтяные цены (в соответствующем эквиваленте).

Более сложная связь между ценами на нефть и газ установилась на **европейском газовом рынке**. Регион зависит от импорта природного газа, цены на который устанавливаются на договорной основе согласно долгосрочным контрактам. При этом основное влияние на ценообразование оказывают опять-таки конкурирующие энергоносители — в первую очередь нефтепродукты, а также нефть и уголь. Информация о ценах, оговариваемых в долгосрочных контрактах, традиционно носит конфиденциальный характер. Базовые уровни цен, равно как и формы их привязки к тем или иным альтернативным энергоносителям и индексации, определяются в процессе согласования сторонами конкретного контракта. Дальнейшее ценообразование происходит под воздействием конкретных условий поставки, а также структурной, налоговой и энергетической политики соответствующей страны.

В последнее время в Европейском союзе (за исключением Великобритании) идет медленный процесс развития спотовой торговли газом и формирования газовых хабов, цены в которых примерно отражают соотношение спроса и предложения. Значительные отклонения газовых цен на торговых площадках от цен на альтернативные энергоносители связаны, как правило, с нестандартными внешними условиями (аномально теплая либо холодная погода) и/или недостаточностью инфраструктурных мощностей. В Великобритании, где эти процессы (в значительной мере по образцу американского рынка) были проведены раньше, широко проявились их последствия — как расширение конкуренции поставщиков, так и резко возросшая волатильность цен.

Отметим, что если до недавнего времени котировки цены американского сорта нефти *WTI* являлись мировыми маркерами (цена североморского сорта *Brent* торговалась с дисконтом, хотя по качеству эти два сорта примерно одинаковы), то с начала 2007-го (особенно на фоне апрельских геополитических рисков, связанных с ситуациями в Иране и Нигерии) лидирующие позиции начинает занимать североморская нефть (премия к нефти *WTI* достигала рекордных значений).

Как считают аналитики финансовой группы *Morgan Stanley*, в долгосрочной перспективе цены на нефть будут расти, причем нефть североморского сорта окажется дороже американской. Эти тенденции, скорее всего, на европейском газовом рынке будут учитываться в новых формульных конструкциях привязки цены природного газа к цене нефти и нефтепродуктов.

В международной торговле растет признание концепции ценообразования, основанной на методике обратного счета (*net back* — опосредованная цена газа на базовом рынке сбыта минус затраты на транспортировку. — Ред.). Формально (и теоретически) этот метод и раньше являлся ключевым, но на деле все выглядело несколько иначе. Роль подобного подхода меняется по мере формирования единого европейского рынка и ввиду отмены в контрактах положений о конечных пунктах поставки (*destination clauses*). Именно концепцией *net back* обосновывалась необходимость пересмотра цен на газ, поставляемый из России в Украину, Молдавию и Белоруссию, и приближения их к условным мировым ценам, хотя в отношении государств — участников СНГ данный подход до тех пор не применялся.

Результаты исследований рыночных тенденций и анализ современных способов повышения эффективности экспорта дают российской стороне основания для того, чтобы применить *net back* к ценам на **весь** газ, который поставляется в страны, входящие в экономическое пространство Европы. Согласно нашим оценкам, а также и расчетам, выполненным под эгидой Секретариата Энергетической хартии, применение этого подхода и признание его мировым сообществом может увеличить рентабельность экспорта российского природного газа. Однако каковы бы ни были новые методы, они так или иначе связаны с ценами на нефть и нефтепродукты, поскольку используют их для расчета потребительской стоимости газа.

Между тем такие поставщики природного газа на европейский рынок, как Нидерланды, смогли в последнее время выторговать себе более выгодные условия поставок газа. Они ссылались на истощение ресурсов, которыми обладает Великобритания, а также на то, что в условиях высокой конъюнктуры 2006 года необходимо учитывать новые рыночные реалии, в частности экономические индикаторы в форме котировок в британском Национальном балансирующем пункте (НБП). С тех пор, несмотря на последовавший спад активности в НБП, экспортные цены на газ Нидерландов, по имеющейся информации, сохраняются на самом высоком уровне и

продолжают удерживаться, но уже в привязке к традиционным индикаторам — ценам нефти и нефтепродуктов. Можно предположить, что страны, покупающие у них газ, согласились на преференциальную формулу цены, учитывая предоставляемую поставщиком гибкость графика поставок в течение годового цикла.

Азиатско-тихоокеанский рынок — крупный производитель и потребитель сжиженного природного газа. Здесь особенности формирования внешнеторговых цен на СПГ связаны с ориентацией на преимущественно внутрирегиональную торговлю. Заинтересованность поставщиков и потребителей СПГ в стабильности цен обуславливает согласованное применение формульных ограничений минимумов и максимумов газовых цен по так называемой S-кривой (кривая ограничений цены СПГ по максимальному и минимальному уровню мировых нефтяных цен. — **Ред.**) с целью разделения рисков на фазах роста и снижения мировых цен на нефть. Базовым ориентиром выступают опять-таки нефтяные цены в форме средневзвешенной цены импортируемой нефтяной корзины.

МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ

По мере развития торговли сжиженным природным газом мировой газовый рынок становится более глобальным. Предполагается, что могут иметь место и бурный рост внешнеторговых операций, и реализация многочисленных проектов по развитию инфраструктуры производства/приемки СПГ в разных частях света. Поэтому в ближайшие годы следует ожидать появления в лице СПГ нового рычага оперативного воздействия на регулирование мирового спроса и предложения газа. Это может самым существенным образом способствовать как стабилизации газовых цен, так и определенному общему понижению их уровня за счет повышения конкуренции поставщиков и ликвидности рынка.

Необходимость поиска форм координации в газовой сфере налицо даже при том, что ценообразование на трубопроводный и сжиженный природный газ носит преимущественно долгосрочный характер, основанный на индексации по корзине нефтепродуктов и не привязанный к краткосрочной конъюнктуре рынка газа (если не считать особенностей североамериканского и британского рынков).

Возможный переизбыток вводимых мощностей способен породить неоправданно высокую конкуренцию между поставщиками, которая ослабит их позиции при выработке ценовых формул новых

контрактов. Такой избыток мощностей может также вынудить производителей принять меры по расширению своего присутствия на торговых площадках, привести к формированию избытка предложения газа и к снижению спотовых цен на него, т. е. к прямым потерям для поставщиков. Все это может повлечь за собой распространение практики включения спотовых цен в ценовые формулы оптовых контрактов и опять-таки снижение цен. Именно поэтому для поставщиков важно соблюдать очередность и планомерность ввода таких мощностей (вне зависимости от их национальной принадлежности) с учетом оптимальных транспортных маршрутов поставок газа на целевые рынки сбыта.

Но эти соображения должны волновать и потребителей, если только они правильно понимают свои долгосрочные интересы. Ведь на полностью либерализованных газовых рынках уже обозначилась высокая ценовая нестабильность — и это при нестабильности нефтяных цен. Речь идет об обычных для многих рынков ценовых «качелях», связанных с циклами растущих инвестиций и последующего перепроизводства. Однако в газовой сфере они отягощены еще и исключительно высокой капиталоемкостью газовой инфраструктуры, а также реакцией рынков на сезонные колебания спроса и на отклонения сезонных условий от среднестатистических. Потери потребителей в результате нервозной реакции инвесторов на высокие риски, связанные с такой нестабильностью, могут перекрывать ожидаемые дивиденды от снижения цен вследствие либерализации.

Есть и много других вопросов стратегического характера, требующих если не координации, то максимальной взаимной информированности поставщиков. Например, бурный рост поставок сжиженного природного газа в последнее время в основном связан с Катаром — страной, планы которой по наращиванию объемов производства и экспорта СПГ после 2011 года абсолютно не ясны. В итоге нет возможности уточнить перспективы развития в целом мирового рынка поставок СПГ.

По инициативе России вопрос о необходимости внимательно исследовать тенденции на мировых газовых рынках был включен в повестку дня заседания ФСЭГ в Дохе (апрель 2007 года), и по нему были приняты соответствующие решения. Планируется провести анализ ценообразования на рынках газа.

При этом полная унификация ценообразования пока остается недостижимой или, возможно, преждевременно поставленной це-

лю. Это связано с отмеченными выше существенной разницей в ценообразовании на различных рынках и традиционной конфиденциальностью контрактного ценообразования на ряде рынков.

Есть и другие факторы. Отметим, например, что в работе ФСЭГ участвуют три государства Центральной Азии — Казахстан, Туркменистан и Узбекистан. Россия пока предпочитает строить с ними «газовые» отношения либо на двусторонней основе (прежде всего в том, что касается закупок) либо формируя консорциумы для конкретных совместных проектов (расширение мощностей газотранспортных систем). При этом центральноазиатские партнеры стремятся улучшить ценовые условия контрактов, что особенно хорошо удается им в последние годы.

Отметим, что в конкретных контрактах создаются специфические системы компенсаций и учета взаимных интересов, отличающиеся от простых формул типа *netback*. Так, если цена на газ в Украине в определенные периоды не обеспечивает эффективность поставок туркменского газа, то в эту схему включается компонента экспорта в Западную Европу газа туркменского или российского происхождения. Упомянем и договоренности с Казахстаном, которые предусматривают переработку его газа на мощностях Оренбургского комплекса с последующей поставкой продукции через совместную структуру. Такого рода договоренности и компенсации предполагают более сложный механизм учета взаимных интересов и возможностей, чем при простой поставке газа по той или иной ценовой формуле.

Глобальные исследования в сфере мировой энергетики проводят Международное энергетическое агентство, Кембриджский институт энергетических исследований (Великобритания), британская консультативная компания *Wood Mackenzie*, а также такие государственные структуры, как Министерство энергетики США и Агентство энергетической информации США. Свой вклад вносят и отдельные транснациональные нефтегазовые компании, в частности *Shell* и *ExxonMobil*.

Недавно компания *ExxonMobil* опубликовала прогноз развития мировой энергетики до 2030 года. Он лишь незначительно отличается от предыдущего прогноза, обнародованного в 2006-м. Согласно обоим исследованиям, в рассматриваемый период ведущая роль сохранится за тремя энергоносителями — нефтью, природным газом и углем. Их доля практически неизменна — около 80 %. Спрос на традиционные виды топлива будет быстрее всего расти в государствах, не являющихся членами ОЭСР, главным образом в Китае и

Индии. Показатели роста спроса на базовые энергоносители в развитой части мира прогнозируются на консервативном уровне.

Однако ни в одной из двух публикаций не говорится о ценах на энергоносители. Между тем в этой сфере не исключены существенные сдвиги, связанные как раз с развитием международной торговли СПГ. Та же *ExxonMobil* предсказывает, что к 2030 году объем мировой торговли СПГ увеличивается до 725 млрд куб. м в год, т. е. в 3,8 раза по сравнению с 2005-м (около 189 млрд куб. м).

Другие организации прогнозируют более низкие показатели роста мировой торговли СПГ: в частности, МЭА говорит о 470 млрд куб. м в 2030 году. В целом потребность в системном и систематическом анализе положения на газовых рынках возрастает.

Новые коррективы в прогностические конструкции могут быть также внесены в связи с наращиванием и консолидацией международных усилий, направленных на охрану окружающей среды. Необходимость ограничить выбросы углекислого газа в атмосферу, с тем чтобы ослабить парниковый эффект, подталкивает к развитию международных процессов, стимулирующих использование именно природного газа. Ведь он производит меньше CO₂ на единицу энергии, чем любое другое ископаемое топливо. Структуры ОАО «Газпром» уже начали торговать квотами на выбросы CO₂ одновременно с заключением контрактов на поставки природного газа, что свидетельствует о растущем признании мировым сообществом премиальных качеств этого энергоносителя.

* * *

Специфика растущих рынков природного газа такова, что на них нет места жесткому квотированию — основному методу, применяемому ОПЕК на нефтяном рынке. Региональные рынки газа слишком отличаются друг от друга, связи с нефтяным рынком чересчур многообразны, а взаимоотношения между странами-поставщиками слишком сложны, чтобы все эти вопросы идентично решались в действующей по жестким правилам единой организации поставщиков. Страны — экспортеры газа разовьют собственные формы взаимодействия, адекватные стоящим перед ними задачам и особенностям газового бизнеса. Сам термин «газовая ОПЕК» целесообразно исключить из серьезных профессиональных дискуссий, как контрпродуктивный и излишне политизирующий обсуждение проблем, перспектив и форм усиления взаимодействия стран — экспортеров газа.

Открытый код и национальная безопасность

Павел Житнюк, Виталий Кузьмичёв, Леонид Сомс

Вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию станет принципиальным рубежом развития экономики нашей страны. Долгий путь, начавшийся в 1994 году подачей заявки о ее присоединении к Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ), по всей видимости, близится к завершению. На финальной стадии переговоров России приходится решать наиболее сложные и важные вопросы, например проблему, связанную с нарушением прав интеллектуальной собственности (попросту говоря, пиратством) в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

Российские ИКТ пока находятся на менее высокой ступени развития, чем в развитых постиндустриальных державах, хотя тенденции обнадеживают. Российский рынок стал более открытым, он сталкивается с возрастающей конкуренцией на мировом уровне. Внедрение новых технологий, повышающих эффективность управления, активное использование передового зарубежного опыта, применение новых методов и ноу-хау становятся нормой для частных компаний и государственных учреждений.

В ноябре 2006-го в Ханое был подписан российско-американский Протокол о присоединении России к ВТО. Москва убедила партнера в том, что будет активно бороться за соблюдение авторских прав и не допустит ухудшения ситуации с защитой интеллек-

П.П. Житнюк – заместитель главного редактора ИА «Росбалт», интернет-редактор журнала «Россия в глобальной политике»; **В.Б. Кузьмичёв** – директор по развитию компании *ЛунхВСС*; **Л.Н. Сомс** – ведущий научный сотрудник Государственного оптического института (Санкт-петербургский институт информационных технологий, механики и оптики).

туальной собственности. Часть разногласий снята подписанием так называемых обменных писем — документов, фиксирующих взаимные позиции Москвы и Вашингтона. Одно из них посвящено проблематике интеллектуальной собственности.

Следует отметить, что в этой области российское законодательство практически полностью гармонизировано с международными договорами. На сегодняшний день Российская Федерация — участник 20 из 24 международных соглашений в сфере интеллектуальной собственности. Мы также находимся в процессе подписания договора по авторскому праву, в перспективе — заключение двух договоров с Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) по Интернету.

За подготовительный период российский рынок информационных технологий (ИТ) стал более зрелым, и действующее законодательство практически соответствует требованиям ВТО, в том числе и тем, что предъявляются в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Впрочем, последнее предполагается расширить (так называемые требования «ВТО плюс»), что поможет выявлять правонарушения не только на рынке товарных знаков, но и по более сложным видам интеллектуальной собственности. Очевидно, что оппоненты России будут использовать ситуацию с контрафактом как дополнительное препятствие на пути к членству во Всемирной торговой организации.

«Ожидание ВТО» уже сейчас привело к усилению борьбы с несанкционированным использованием интеллектуального труда. В первую очередь, это затронуло распространителей нелегального программного обеспечения (ПО), или, попросту говоря, пиратов. Меры по борьбе с пиратством были ужесточены еще в декабре 2005 года, когда впервые в российской уголовной практике директору частной компании из Ростова-на-Дону был вынесен приговор (год лишения свободы и штраф) за установку пиратского ПО на компьютеры клиентов. До этого обвинительные приговоры выносились только изготовителям и распространителям контрафактной видеопродукции. Ростовское дело создало прецедент: впервые срок получил специалист, который устанавливал контрафактное программное обеспечение.

Последующее заведение уголовных дел (особенно процессы против директора одной из пермских школ Александра Поносова и директора Челябинского текстильного комбината Владимира Калини-

ченко) за использование нелегального программного обеспечения *Microsoft* — заставили общественность, предпринимателей и госчиновников по-новому взглянуть на ситуацию с пиратством.

Руководители крупнейших российских компаний не отрицают необходимости платить за лицензионные копии программного обеспечения. Однако многие считают, что главной причиной пиратства являются слишком завышенные цены на ПО. Серьезной проблемой остается и тот факт, что большинство топ-менеджеров даже не подозревает об использовании в их фирмах пиратского программного обеспечения. Только 10 % директоров отметили факт наличия у себя нелицензионных программных продуктов. В то же время чем ниже сотрудники по служебной лестнице, тем более реальными становятся цифры. Так, 59 % замдиректоров и 67 % начальников отделов признали, что в их компаниях имеется пиратское ПО (<http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2005/10/28/190795>).

Эти цифры близки к оценке уровня пиратства в России, которую приводит аналитическая компания *International Data Corporation (IDC)*, в докладе, опубликованном организацией *Business Software Alliance*. Согласно данному исследованию, доля нелицензионного ПО в России составляет 87 % и оценивается в 1,3 млрд долларов. В сегменте домашних пользователей этот показатель достигает 81,7 %. По прогнозам *IDC*, благодаря не только милицейским рейдам и ужесточению законодательства, но и более гибкой ценовой политике производителей, уровень компьютерного пиратства в Российской Федерации будет ежегодно снижаться на несколько процентов.

ЧТО ВТО НАМ ГОТОВИТ?

Выступая на открытии выставки «*CeBIT-2007*» в Ганновере министр информационных технологий и связи России Леонид Рейман привел следующие данные: уже в 2010 году объем отечественного ИТ-рынка возрастет с 12 млрд дол. до 40 млрд дол., то есть более чем втрое. Экспорт ИТ-продукции должен, соответственно, превысить нынешние 1,8 млрд дол. и достигнуть 10 млрд долларов. Начиная с 2000-го российский сектор ИТ растет более чем на 20 % ежегодно, сейчас в России активно вводятся в строй технопарки, которые будут способствовать дальнейшему ускорению темпов. Министр также напомнил о создании Российского инвестиционного фонда информационно-коммуникационных технологий. Он должен приступить к работе в текущем году, как только за счет привлечения частных инвесторов

доля государства в нем снизится до 51 %. Общий объем государственных вложений в фонд составляет 50 млн долларов.

Для российского ИТ-сообщества вступление в ВТО сопряжено со многими, хотя и вполне предсказуемыми и ожидаемыми сложностями: речь идет об ужесточении требований к качеству продукции и услуг, вопросах сертификации, проблемах соответствия международным стандартам. Именно несоответствие отечественных продуктов и услуг мировым сертификационным стандартам зачастую составляет основную проблему выхода на новые рынки. Это порождает значительные трудности в сфере реализации совместных проектов с иностранными партнерами.

Для большинства ИТ-компаний переходный период станет серьезным экзаменом на зрелость. Мелким, не имеющим достаточного опыта предприятиям предстоит переквалификация. Не исключена возможность поглощения их более крупными компаниями, а многим вообще придется покинуть рынок масштабных, особенно государственных, проектов. При вступлении России в ВТО импортные пошлины на товары ИТ («компьютеры и средства их производства») будут отменены через три года. Отмена пошлин, безусловно, приведет к перераспределению ИТ-рынка не в пользу отечественных производителей оборудования и усилит конкуренцию с западными компаниями.

Однако компании, которые имеют прочные связи с лидерами мирового ИТ-рынка, в которых знания и опыт сотрудников подтверждаются признанными на мировом уровне сертификатами, в условиях ВТО даже выиграют. Зарубежным компаниям, которые только готовятся к приходу на российский рынок, придется затратить значительное время на освоение реалий российского рынка, осуществить масштабные исследовательские программы и провести рекламные кампании, что потребует, может быть, от года до нескольких лет. Отечественные ИТ-структуры успеют за это время приспособиться к новой обстановке.

Основные разработчики крупных проектов автоматизации сохраняют спокойствие. Конкуренция даже с самыми маститыми зарубежными компаниями их не пугает. Знание особенностей российского бизнеса и опыт внедрения различных ИТ-систем на местном рынке делает работу отечественных компаний более ценной для потенциальных пользователей.

Больше всех выиграют потребители: обострение конкуренции приведет к снижению цен и положительно отразится на качестве товаров.

OPEN SOURCE:

И ВОЛКИ СЫТЫ, И ОВЦЫ ЦЕЛЫ

Ужесточение требований по использованию интеллектуальной собственности и соблюдению авторских прав, несомненно, вызовет повышенный интерес к программным продуктам на основе открытого кода — *Open Source*.

Одновременно с коммерческим, так называемым «проприетарным», софтом существует широчайшее поле «открытого», или свободного, программного обеспечения. Его идея заключается в том, что программные коды доступны для использования и редактирования, но результат редакции должен быть обнародован и свободен для общего использования. Исходные коды открытых программ выпускаются либо как всеобщее достояние, либо на условиях «свободных» лицензий, как, например, *GNU General Public License* или *BSD License*. Таковые, как правило, выдвигают требование доступности кода и его распространения вместе с программным обеспечением. Его можно использовать для своих нужд, но с определенными ограничениями. В некоторых случаях (в частности, популярнейший веб-сервер *Apache* либо ставшая практически стандартом для большинства серверов операционная система *FreeBSD*) ограничения незначительны. «Лицензия не должна ограничивать право любых физических/юридических лиц продавать или бесплатно распространять программный продукт» — так говорится в Концепции *Open Source*.

В начале эволюции открытого ПО подобные разработки были доступны исключительно профессионалам. Отсутствие графических интерфейсов вроде *Windows* либо *MacOS*, непривычная архитектура системы, несовместимость форматов файлов со стандартами *Microsoft*, малое количество поддерживаемых аппаратных устройств отпугивали обычных пользователей. Они привыкли к удобству, простоте использования и настройке программных продуктов *Microsoft* и ему подобных производителей проприетарного ПО под *Windows*.

Несомненные преимущества открытого кода (свободное распространение, качество и производительность, которые обеспечиваются за счет работы «коллективного разума» десятков тысяч энтузиастов во всем мире) могли оценить только профессионалы программирования и системные администраторы. Однако сообщество *Open Source* развивалось, и многие гиганты рынка программного обеспечения, такие, например, как *Sun Microsystems* или *Novell*, осознав

перспективы свободного ПО для коммерческого использования, стали вкладывать большие ресурсы в эти разработки.

Тем не менее вопрос о противопоставлении коммерческих программных продуктов и продуктов *Open Source* не столь принципиален, борьба между корпорациями и свободным ПО ведется в разных плоскостях. В конечном счете, в цивилизованном правовом обществе все зависит от удобства либо целесообразности использования того или иного продукта: пользователь (приобретатель) должен самостоятельно определять наиболее выгодные и функционально оправданные решения.

В России программное обеспечение с открытым исходным кодом наиболее активно применяется в структурах Министерства обороны. Министерство образования и науки до недавнего времени ориентировалось исключительно на *Microsoft Windows*. Эта операционная система, причем конкретная версия — *Windows 2000*, требовалась по условиям тендеров на компьютеризацию школ. Но в 2007-м в государственных структурах наметилась позитивная тенденция в отношении ПО с открытым кодом.

Важнейшая особенность такого рода программного обеспечения — доступность исходных текстов программ для самостоятельного изучения. Тем самым у российских разработчиков — от самых продвинутых до начинающих студентов либо даже старших школьников — появляется уникальная возможность максимально быстро постичь суть самых современных технологических решений и на равных влиться в общемировой процесс разработки программного обеспечения. Это тем более важно сегодня, когда уйти от сырьевого вектора развития можно лишь в сторону высоких наукоемких технологий.

В феврале 2007 года авторы проводили в петербургском информационном агентстве «Росбалт» «круглый стол», посвященный проблемам свободного ПО и его будущему применению в России. Участники — представители крупных ИТ-компаний, государственных учреждений и органов власти, включая Законодательное собрание Санкт-Петербурга, проявили большой интерес. Уже после мероприятия поступило значительное количество запросов повторить «круглый стол» в других городах, а итоговый ролик, выложенный организаторами в Интернет, скачали более 40 тысяч пользователей. Широкие массы специалистов всерьез задаются вопросом о том, как существовать дальше в условиях повышенного внимания государства к используемому в организациях ПО.

Для успешной интеграции России не только в ВТО, но и в общемировое ИТ-сообщество необходимо, чтобы государство содействовало обеспечению равноправной здоровой конкуренции, в том числе в области применения программного обеспечения. Все участники коммуникаций — и в частных, и в государственных структурах — для начала должны хотя бы в общих чертах знать о существовании различных типов ПО — закрытого (проприетарного) и открытого (свободного).

ВОПРОСЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Важным аспектом применения ПО являются вопросы информационной безопасности страны. Государство, планирующее занимать одну из ключевых позиций в мировом сообществе, должно быть уверено, что программное обеспечение, управляющее критически важными процессами (особенно в оборонной отрасли), не содержит «закладок», наличие которых способно повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Предотвратить кризисы возможно посредством перехода государственных учреждений и организаций федерального подчинения на ПО с открытыми кодами. Министерство информационных технологий и связи и Министерство экономического развития и торговли уже выразили заинтересованность в подобной мере. Это имеет и важное экономическое значение. Направление бюджетных средств в российские компании вместо зарубежных, а также на оплату реальных сервисных служб и обучения позволит расширять ИТ-сферу внутри России. Лицензионные отчисления иностранным корпорациям из бюджетных средств представляются неэффективными расходами государства в ИТ-бизнесе.

Свободное ПО — это уникальная возможность. Ее можно и нужно использовать, например, при создании новой отрасли промышленности, связанной с программным обеспечением. Приходит время активных действий, и если в процесс будут вовлечены все стороны, заинтересованные в развитии отечественной ИТ-индустрии, то Россия сможет не только избавиться от внешней зависимости, но и решить локальные задачи, направить средства на развитие своей экономики.

В 2003-м в рамках рабочей группы при Министерстве связи и информатизации РФ (прежнее название ведомства. — **Ред.**) была разработана «Концепция базового программного обеспечения в Российской Федерации». В ней содержатся предложения по созда-

нию отечественной отрасли производства и обслуживания собственного ПО на базе открытых программных продуктов. Основная идея этой концепции – необходимо оснастить все государственные институты софтом отечественной разработки. Эффект от этого будет разнообразным: в области безопасности (в том числе военной), экономики (масштабная экономия бюджетных средств, дальнейшее развитие сферы ИТ-услуг), социальной сферы (образование новых рабочих мест, наращивание интеллектуального потенциала), научного процесса (вовлечение научных и учебных заведений всей страны в разработки). (Ознакомиться с данной Концепцией можно по адресу http://www.linuxformat.ru/docs/bpo_concept.phtml)

Подобные проекты есть и за рубежом. Экономические программы для стимулирования перехода различных отраслей на открытые технологии разрабатываются в Индии и Китае, сделаны заявления об использовании *Linux* в качестве официальной государственной операционной системы (ОС). Еще в 2003 году ряд госкомпаний Японии, Южной Кореи и Китая начали работы по созданию собственной ОС, которая должна избавить от внешней зависимости. Сингапур, Тайвань и Германия намерены внедрять серверные решения на базе *Linux*, мотивируя это прежде всего соображениями экономии средств. Очевидно, что движение в этом направлении будет развиваться.

В рамках стратегического развития российских ИТ следует обеспечить возможность свободного осознанного выбора различных видов применяемого программного обеспечения – особенно для государственных предприятий и организаций. В государственной политике необходимо избегать тенденций к монополизму, поскольку здоровое развитие обеспечивается именно благодаря свободной конкуренции. Как доказывает развитие глобальной экономики и тем более информационных технологий, использование такого типа ПО – продукции собственных разработчиков, находящихся на территории России и выполняющих международные правила *General Public License (GPL)*, – мощная составляющая национальной безопасности.

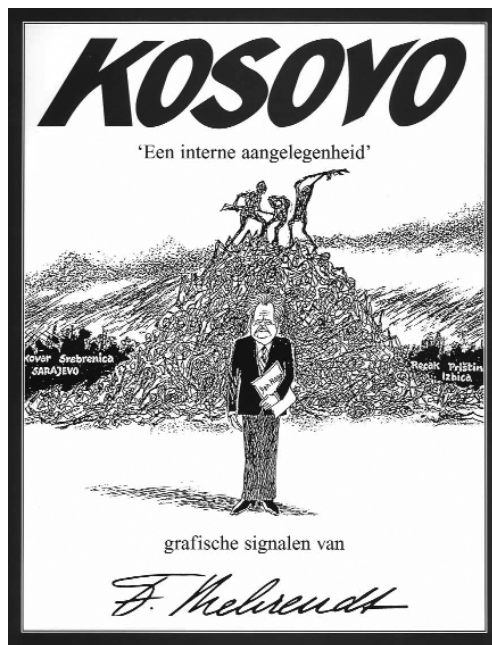
* * *

Россия должна использовать достижения мирового сообщества и в полном соответствии с лицензией *GPL* применить разработки программных продуктов *Open Source* для развития собственной ИТ-индустрии. Стране, которая претендует на значительную роль в глобальной экономике, необходима независимость в отношении базовых технологий.

вого программного обеспечения, каким является любая операционная система. Информационные технологии — одна из самых важных сфер человеческого развития в постиндустриальном мире. Сегодня же получается, что на средства российских налогоплательщиков поддерживается не самая бедная ИТ-отрасль экономики США. В отсутствие государственной программы поддержки российской ИТ-отрасли огромные средства уходят зарубежным компаниям, а отечественные разработчики зачастую остаются на грани финансового выживания.

Разумеется, нельзя настаивать на полном «изгнании» иностранного ПО: любой программный продукт обладает собственной нишей, пользователям нужна полная свобода выбора. Но в той части, которая решающим образом влияет на информационную безопасность, а именно, в части операционных систем, требуется четкая государственная политика — ОС, используемая в государственных структурах, оборонной промышленности, образовании и так далее, — должна иметь местные «корни». Именно в сфере образования необходима как можно большая свобода действий для изучения альтернативных *Microsoft* операционных систем. В этом случае Россия получит поколение людей, свободно ориентирующихся в любых сложных программных средах, способное творчески подходить к широчайшим возможностям, предоставляемым ИТ, и тем самым уйти от необходимости вслепую потреблять монопольный продукт единственного иностранного производителя.

Продолжение темы

Косово. «Внутреннее дело»
Нидерландская карикатура

“*Определения принципов Заключительного акта о нерушимости границ и территориальной целостности однозначно свидетельствуют, что эти принципы применимы в отношениях между государствами, а принцип права на самоопределение действует в отношениях между государством и включенной в его границы самоопределяющейся единицей*”

Американская ПРО и альтернатива Путина *Филип Койл*
196

Мнимое противоречие *Тигран Торосян*
203

Азербайджан: «без друзей и без врагов» *Сергей Маркедонов*
215

Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить *Георгий Мирский*
225

Американская ПРО и альтернатива Путина

Филип Койл

Сложности и противоречия, возникшие в связи с системой противоракетной обороны (ПРО), которую США намереваются развернуть в Центральной Европе, в полной мере проявились на июньском саммите «Большой восьмерки» в Хайлигендамме. Накануне российский президент Владимир Путин вызвал серьезную озабоченность Вашингтона и европейских столиц, пригрозив нацелить российские ракеты на Старый Свет в ответ на размещение элементов американской ПРО в Польше и Чехии. Назревавший конфликт на грани военно-политической конфронтации, казалось, должен был стать центральной темой встречи в Германии. Но этого не произошло.

7 июня Владимир Путин предложил грамотное техническое и политическое решение, возможность которого заранее могла быть предусмотрена Пентагоном: использовать базирующуюся в Азербайджане Габалинскую РЛС раннего предупреждения ракетных пусков. С точки зрения России, это самое удобное место расположения крупного радара – важнейшего элемента противоракетной обороны как для России, так и для Америки и Европы.

Учитывая географические координаты азербайджанской станции, очевидно, что она имеет ряд преимуществ по сравнению с планируемыми объектами в Польше (10 противоракет) и Чешской Республике (радар). Эта РЛС позволяет «прикрыть» всю Европу,

Филип Койл – советник Института мировой безопасности (Вашингтон), эксперт в области противоракетной обороны. С 1959 по 1979 год и с 1981 по 1993 год работал в Ливерморской национальной лаборатории им. Лоуренса, с 1994 по 2001 год – заместитель министра обороны США и директор Управления по оценке и проведению испытаний оружия, в том числе и ракетного.

включая ее юго-восток. При этом радар в Азербайджане не способен засечь пуски российских баллистических ракет, которые в случае войны с Америкой проследует через Северный полюс в сторону Соединенных Штатов.

В связи с размещением элементов ПРО в Польше и Чехии возник вопрос, кто именно нуждается в защите от нападения предполагаемого агрессора. В том, что американский план не «закрывает» всю Европу, многие его критики с самого начала увидели очевидное противоречие – почему Соединенные Штаты решили защитить одни европейские страны, а другие нет.

Кроме того, даже если в ходе предполагаемого конфликта США с Ираном американские перехватчики смогут поразить ракеты противника, их остатки, скорее всего, упадут на территорию России. Азербайджанская РЛС позволит предотвратить подобные последствия.

ЗАЩИТИТ ЛИ ПРО САМУ АМЕРИКУ?

При обсуждении темы ПРО слово «защита» нуждается в кавычках. Дело в том, что противоракетные системы, размещаемые на Аляске и в Калифорнии, до сего времени в рамках реалистичного военного сценария не смогли доказать свою способность защитить территорию самой Америки.

Ведь при таком сценарии не следует исключать, что противник нанесет одновременные ракетные удары с разных направлений, используя ракеты-ловушки и ракеты с разделяющимися боеголовками. Уничтожить ракету, легко преодолевающую 15 тысяч миль в час, все равно что во время игры в гольф попасть в лунку, которая мчится с такой же скоростью. А если противник применяет ловушки и другие средства, то это равносильно еще сотням мнимых лунок на поле, когда игрок просто не в состоянии определить, куда ему целиться.

Понимая это, Пентагон намеренно «занизил планку» возможного ракетного нападения Ирана или Северной Кореи, якобы способных обойтись одной-двумя ракетами и без использования ловушек.

Что касается ловушек и других противосредств, испытание ПРО, проведенное 1 сентября 2006 года, было весьма показательным. Цель сбили, и глава Агентства США по противоракетной обороне генерал-лейтенант Генри Оберинг поспешил объявить об «абсолютном успехе». Но тест проводился без использования ловушек и стал одним из самых простых за весь период существования программы.

Даже на первом испытании по поражению ракеты вероятного противника в октябре 1999-го в качестве ловушки фигурировал лишь один большой шар. В тех же условиях прошли и последующие четыре испытания. Как известно, во время двух из них американская «машина-убийца» промахнулась мимо цели.

Оба других теста проводились в 2002 году уже с использованием трех воздушных шаров-ловушек (один большой и два поменьше), что усложняло локализацию «реальной» ракеты противника. Это была пара единственно успешных испытаний. (По большому счету 6 из 12 испытаний провалились.) И вот теперь, четыре года спустя, Пентагон решил вернуться к самому примитивному варианту. Вероятно, не слишком надеясь на успешное проведение теста с ловушками и другими противосредствами, посчитали необходимым повторить программу десятилетней давности.

Выступая на слушаниях сенатского Комитета по вооруженным силам, адмирал Тимоти Китинг заявил, что последнее испытание было «проведено не до конца». А когда сенатор Карл Левин попросил его объяснить, что это значит, адмирал ответил: «Нам было известно все о нашей цели — время пуска, азимут, траектория и прочее, но при столкновении с реальным противником мы не сможем располагать подобной информацией». Китинг также назвал проводимые испытания «тестами открытой книги».

Решая проблемы национальной безопасности, американские политики и военные склонны доверять лишь технологическому прогрессу. В сфере высоких технологий Соединенные Штаты, безусловно, добились выдающихся успехов, мы располагаем самой совершенной боевой техникой в мире. Но, уповая исключительно на высокие технологии, мы оставляем без внимания долгосрочные военно-политические проблемы, надеясь, что прогресс оградит нас от общения с реальным противником. Иногда за это приходится платить слишком высокую политическую и экономическую цену. Мы поддаемся опасным иллюзиям в отношении собственных военных возможностей и не учитываем всех тонкостей сложного мира, в котором живем.

В 1999-м министр обороны США Уильям Перри предпринял ряд успешных шагов, чтобы убедить Северную Корею отказаться от производства баллистических ракет. Уже тогда стало ясно, что лучший способ общения с Пхеньяном — это дипломатия, а не военно-технологический шантаж. Администрация Джорджа Буша долгие

годы не разделяла этих убеждений и продолжала угрожать Северной Корее. И только сейчас она в той или иной степени вынуждена согласиться с мудростью Перри.

УТОПИЯ ЧИСТОЙ ВОДЫ

Еще до саммита «Большой восьмерки» и встречи президентов Буша и Путина в Кеннебанкпорте (июль с. г.) влиятельные представители Пентагона и Государственного департамента выступили с заявлениями, в которых призвали Россию к сотрудничеству в создании совместной ПРО. Но насколько реальны эти благие пожелания?

25 лет назад президент США Рональд Рейган тоже предлагал делиться с Москвой данными противоракетной обороны, но этим планам так и не было суждено осуществиться. Одновременно Вашингтон, по существу, блокировал программу *RAMOS* (*Russian American Observation Satellite*), Пентагон изощрялся в бюрократических проволочках, чтобы ее остановить. Затем была широко разрекламирована Программа Нанна – Лугара по совместному уменьшению угрозы, которая вступила в силу в 1993 году. Целью ставилось помочь бывшему Советскому Союзу обеспечить собственную безопасность и безопасность остального мира путем демонтажа огромных запасов ядерного, химического и биологического оружия, а также средств его доставки.

В первые годы действительно удалось достичь результатов, но впоследствии эта деятельность была, по сути, парализована администрацией Буша.

Управление стратегическими ракетными войсками США не посвящает в свои планы даже американский Конгресс. Поэтому было бы удивительно, если бы данными об объектах ПРО в Европе Пентагон начал делиться с Россией. Ведь это откроет русским «ахиллесову пяту». Москва убедится в том, что система ненадежна, уязвима, технически несовершенна и не способна защитить европейский континент от вероятного ракетного нападения. Но без предоставления объективной информации о возможностях ПРО российские военные не смогут доверять американским партнерам.

Российские военные прекрасно понимают, что в рамках реалистического военного сценария американская ПРО, развернутая на Аляске и в Калифорнии, не способна защитить территорию Соединенных Штатов. Также и противоракетные системы и радары, которые планируется разместить в Польше и Чехии, не защитят Европу от возмож-

ной ракетной атаки, в том числе со стороны Ирана или Северной Кореи, если они смогут создать современные баллистические ракеты.

В российском арсенале так много межконтинентальных баллистических ракет, что они легко преодолеют самую современную противоракетную оборону. Здравомыслящие люди в Америке это давно поняли. Еще в 1970-м Конгресс закрыл дорогостоящий проект *SAFEGUARD*, получив неопровержимые доказательства того, что СССР без особого труда пробьет этот щит, причем решение было принято на следующий день после того, как Пентагон объявил о готовности системы к развертыванию.

Тем не менее, зная, что российские межконтинентальные баллистические ракеты (усовершенствованные РС-24 и те, которые состояли на вооружении прежде) преодолеют самую совершенную американскую противоракетную оборону, Владимир Путин выступает против развертывания ПРО в Центральной Европе. Он руководствуется не техническими, а военно-политическими соображениями.

У Москвы появилось ощущение, что, размещая военные базы на территории бывших советских республик, продвигая НАТО на восток, устанавливая противоракетные установки в Польше и Чехии, США окружают Россию. И это дает Кремлю не только право создавать новые системы вооружения, но и определенные моральные основания попытаться восстановить подобие бывшей советской империи. Но если между Россией и Америкой вновь развернется гонка вооружений, ответственность ляжет на Соединенные Штаты. Ведь именно Вашингтон затеял эту опасную игру.

США создают абсурдную ситуацию.

Во-первых, Америка предлагает Европе фикцию, неработающий проект. Разумеется, Польша и Чехия могут потратить миллионы долларов на пресловутый противоракетный щит. Объяснения чиновников Пентагона до сих пор казались Варшаве и Праге убедительными. И лишь спустя какое-то время поляки и чехи поймут, что главные вопросы американцам они так и не задали.

Во-вторых, на их территориях предлагается воздвигнуть щит против несуществующего противника. Неужели лидеры Ирана либо Северной Кореи, сколь одиозными они бы ни были, настолько безрассудны, чтобы нанести ракетный удар по Европе? Американские военные стратеги исходят из того, что технические возможности Тегерана или Пхеньяна позволяют выпустить всего лишь одну-две ракеты. Но это бессмысленно! До какой степени глупости нужно дей-

ти, чтобы решиться на такой шаг и вызвать массированный ответный удар. Пытаться же шантажировать Европу либо Америку, угрожая одной-двумя ракетами, — полный нонсенс.

Однако ситуация может оказаться гораздо серьезнее, если Россия в ответ на американские действия выйдет из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД). Подобная чудовищная ошибка повлечет за собой тяжелейшие последствия. Такой шаг России лишь даст Ирану и Северной Корее повод для того, чтобы создавать собственные ракеты. Последует новый очень опасный виток гонки вооружений, в которую, помимо США и России, будут втянуты такие страны, как Сирия, Саудовская Аравия и многие другие.

В системах противоракетной обороны и России, и Америки слишком много уязвимых мест. Они вряд ли заинтересованы в том, чтобы в мире расширились арсеналы новых наступательных вооружений. Допуская возможность выхода России из Договора по РСМД, начальник Генерального штаба ВС РФ Юрий Балухевский наверняка понимает, чем чреват такой ход событий.

ПЕРЕТЯГИВАНИЕ КАНАТА В ОЖИДАНИИ ВЫБОРОВ

Но сейчас, похоже, никто не задумывается о последствиях. Между Россией и США идет политическое перетягивание каната.

На саммите «Большой восьмерки» Владимир Путин предлагает совместно использовать Габлинскую РЛС, советует Соединенным Штатам разместить объекты противоракетной обороны в Турции, в Ираке (иракское правительство тут же отмахнулось от этих планов, ссылаясь на угрозу со стороны исламских боевиков), создать новые установки морского базирования. Затем на встрече с президентом Джорджем Бушем в Кеннебанкпорте он развивает инициативу, вводя в круг возможных совместных объектов строящуюся станцию неподалеку от Армавира. И все только ради того, чтобы не допустить появления ПРО на стратегически важном для России западном направлении.

Джордж Буш незамедлительно выразил поддержку идее активного американо-российского сотрудничества в сфере ПРО. Однако последующие выступления официальных лиц дезавуировали высказывание президента. Министр обороны США Роберт Гейтс на встрече со своим российским коллегой Анатолием Сердюковым в середине июня сказал, что вопрос о сотрудничестве по ПРО «даже

не поднимался». Вскоре государственный секретарь Кондолиза Райс заявила, что ПРО будет развернута в Польше и Чехии в любом случае, вне зависимости от желания либо нежелания России.

Одновременно целая армада американских специалистов начала доказывать, что РЛС в Азербайджане не сможет выполнять те же функции, что противоракетные системы в Европе. Мол, ввиду ее слишком близкого расположения к Ирану, она в состоянии лишь отслеживать ранние пуски ракет, но не давать команды на поражение целей.

В конечном итоге американские лидеры заявили, что Габалинская РЛС — неплохое дополнение к системам ПРО в Польше и Чехии, но не более того. Решено продолжить переговоры осенью в составе «четверки» — двух руководителей внешнеполитических ведомств и двух министров обороны.

Если Соединенные Штаты все же примут предложенный Путиным план (что маловероятно) или если переговоры затянутся, то сроки, отведенные американской администрацией для развертывания ПРО в Восточной Европе, могут быть превышены. Буш полон решимости осуществить свой план, пока он остается хозяином Белого дома. Его устремлений, однако, не разделяет Конгресс, на чью оппозицию планам по развертыванию ПРО возлагает надежды Кремль. Палата представителей уже серьезно урезала соответствующие ассигнования, теперь слово за Сенатом.

Если обе страны признают, что в условиях реалистического военного сценария система не будет работать, какой смысл в сотрудничестве по созданию противоракетного щита? А если они не признают этот очевидный факт, то тогда у российских военных будет усиливаться подозрение, что развертывание американской ПРО в Центральной Европе предназначено для противостояния России. И Москва уже не на словах, а на деле начнет направлять баллистические ракеты в сторону Европы и принимать другие «асимметричные» ответы.

В результате создание бессмысленной, неэффективной системы чревато серьезным конфликтом. Как избежать его? Только развивая сотрудничество в сфере сокращения ракетного арсенала, готовя новый договор об ограничении стратегических вооружений, о чем пришли к согласию президенты США и России в Кеннебанкпорте. И делать это надо таким образом, чтобы подготовка стратегически важного документа никак не увязывалась с переговорами о сотрудничестве в области создания неработающей системы противоракетной обороны.

Мнимое противоречие

Территориальная целостность или право на самоопределение?

Тигран Торосян

Сложности, сопровождающие процесс определения будущего статуса автономного края Косово, заставили экспертов и наблюдателей более пристально взглянуть на проблемы, связанные с разрешением такого рода конфликтов. Конечно, урегулирование косовского противостояния не станет прецедентом для других конфликтов. Как справедливо отмечает главный научный сотрудник Института государства и права РАН Георгий Вельяминов в статье «Признание “непризнанных” и международное право» («Россия в глобальной политике», № 1, 2007 г.), прецедент в международном праве не является нормообразующим источником. Всякое противостояние имеет исторические, политические, правовые и прочие особенности, и для каждого из них необходимо найти решение, учитывающее все это своеобразие.

Однако урегулирование любого конфликта возможно исключительно в соответствии с принципами международного права и только в рамках Организации Объединенных Наций (ООН) и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Международные правовые нормы разрешения конфликтов можно рассмотреть на примере процесса урегулирования в Косово и в Нагорно-Карабахской Республике (НКР).

ФАКТОРЫ И ИЗМЕРЕНИЯ КОНФЛИКТОВ

Со строго правовой точки зрения, значительная часть конфликтов, относящихся к данной теме, не носят международного характера, а представляют собой противостояние внутри одного государства или одной нации, либо ситуацию, при которой одна из сторон не явля-

Т.С. Торосян — д. полит. н., председатель Национального собрания Республики Армения.

ется государством. Однако политическое развитие принимает все более глобальный характер. И конфликты, имеющие изначально внутренние причины – межнациональные, социальные, экономические, – приобретают иное измерение, как только в процесс урегулирования вовлекается международное сообщество.

Понимание термина «международное сообщество» существенно для обозначения рамок, в которых вырабатываются решения по урегулированию. Наиболее целостным и важным представляется интерпретация политического аналитика Дэвида Риффа: «Определение международного сообщества в большей, если не в исключительной мере – правовое. Это сообщество состоит из заключающих различные конвенции и договоры государств и из активных неправительственных организаций, проводящих среди них лоббирование».

Для успешного урегулирования конфликтов необходимо ответить на два вопроса.

Во-первых, кто от имени международного сообщества может выступить в качестве посредника или актора, осуществляющего миротворческую миссию?

Мандатом на проведение миротворческой миссии либо миссии по урегулированию прежде всего располагает ООН. Этой деятельностью также могут заниматься организации, которые удовлетворяют требованиям главы 8 Устава ООН. Соответствующие полномочия ряда региональных организаций (Содружество Независимых Государств, НАТО, Организация Договора о коллективной безопасности и др.) продолжают оставаться предметом споров. А вмешательство в конфликт одной из них без согласия конфликтующих сторон требует санкции Совета Безопасности ООН.

Во-вторых, какие задачи следует выполнить с целью урегулирования?

Как отмечает директор Центра политических и международных исследований Александр Никитин, существуют четыре основные группы таких задач:

- правовые (в первую очередь международно-правовые);
- функциональные (политическая, дипломатическая, конфликтологическая и т. д.);
- военные;
- идеологические.

В свете тенденций последних десятилетий миротворческие миссии можно классифицировать следующим образом: предотвращение

конфликтов; гуманитарное вмешательство; военное вмешательство; разоружение; обеспечение свободного передвижения.

В частности, международное вмешательство в Косово (1999) Чарлз Добби характеризует как вмешательство для предотвращения гуманитарной катастрофы. Правда, последующие события дают основания утверждать, что тогда имело место и военное вмешательство. Что касается карабахского конфликта, то по инициативе Межпарламентской ассамблеи СНГ 5 мая 1994 года заключено Соглашение о перемирии, которое подписали представители трех сторон конфликта: министры обороны Республики Армения и Азербайджанской Республики и командующий армией Нагорного Карабаха.

Факторы, влияющие на процесс урегулирования, разнообразны: правовые, политические, исторические, временные и пр. Степень влияния любого из них различна в каждом конкретном случае. Для их адекватного учета необходимо получить комплексное представление о конфликте. В книге «Самоопределение и новый мировой порядок» Мортон Гальперин и Дэвид Шеффер предлагают следующую классификацию типов самоопределения: антиколониальное, внутригосударственное (по определению авторов, к этому типу относится, в частности, Косово), внегосударственное (Нагорный Карабах и др.), туземное (*indigenous*), представительское самоопределение и самоопределение рассеянных народов. Рассматривая приведенную классификацию, председатель Армянской атлантической ассоциации Николай Ованнисян пришел к заключению: стремление армян Нагорного Карабаха к самоопределению неоспоримо, территориальная целостность Азербайджана при этом не нарушена.

Однако правовой компонент разрешения конфликтов имеет особое значение, так как при выборе любого решения и механизмов его реализации оно должно иметь правовое обоснование в рамках международного права.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ДОКУМЕНТЫ

В качестве основополагающего документа урегулирования конфликтов может служить «билль о правах» человека Организации Объединенных Наций, который включает Всеобщую декларацию прав человека (10 декабря 1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (16 декабря 1966 г.).

Согласно первым статьям указанных двух пактов, «все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно определяют свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие». Статья 1.2 Устава ООН также подчеркивает фундаментальное значение равноправия народов и утверждает их право на самоопределение.

Данные документы обязательны для выполнения всеми странами – членами ООН, они дают четкое и исчерпывающее определение права наций на самоопределение. основополагающий характер перечисленных документов зафиксирован и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.): «Государства-участники подтверждают, что в том случае, когда обязательства членов Организации Объединенных Наций по Уставу Организации Объединенных Наций окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо договору или другому международному соглашению, преимущественную силу имеют их обязательства по Уставу в соответствии со статьей 103 Устава ООН».

Тем не менее зачастую они бесосновательно (а может быть, и преднамеренно) не упоминаются при урегулировании конфликтов, особенно в Европе. А вот именно на Заключительный акт и ссылаются как на основополагающий документ в этой сфере. В частности, специальный представитель Европейского союза в странах Южного Кавказа Петер Сэмнеби заявил, что «хельсинкский Заключительный акт – это фундаментальная база для безопасности и взаимоотношений в Европе. Он определяет различные принципы, в том числе принципы территориальной целостности и самоопределения наций. Они на практике часто входят в *противоречие* (курсив мой. – Т.Т.) друг с другом – например, когда касаются всех “замороженных” конфликтов на Южном Кавказе. Но это не значит, что применение данных принципов невозможно, эти принципы нельзя комбинировать. Это сложно, но возможно».

Налицо чисто политический подход к разрешению конфликтов, основанный отнюдь не на нормах международного права. Проблема рассматривается через призму поиска решения, подходящего для урегулирования всех конфликтов на Южном Кавказе. Между тем они значительно отличаются друг от друга.

ПРАВОВАЯ БАЗА

Беспристрастный всесторонний анализ хельсинкского Заключительного акта ясно демонстрирует: утверждения, будто он юридиче-

ски закрепляет тот факт, что при урегулировании конфликтов принцип территориальной целостности преобладает над принципом права на самоопределение, несостоятельны.

Заключительный акт гласит, что государства-участники договорились уважать и на практике применять 10 принципов, регулирующих отношения между ними. Наибольший интерес в данном случае представляют собой следующие принципы:

- неприменение силы или угрозы силой (II);
- нерушимость границ (III);
- территориальная целостность государств (IV);
- мирное урегулирование споров (V);
- уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений (VII);
- равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой (VIII);
- добросовестное выполнение обязательств по международному праву (X).

При этом Декларация принципов устанавливает, что «все эти принципы... имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других».

То есть этот документ не только не устанавливает верховенство второго (или третьего) принципа над восьмым, но и содержит второй, пятый и десятый принципы, соблюдение которых не менее обязательно. Следовательно, остается найти ответ на вопросы: действительно ли есть противоречие между принципом территориальной целостности и принципом права на самоопределение? Неужели представители стран, подписавших Заключительный акт, были столь небрежны?

Такие предположения не выдерживают критики, поскольку в числе государств-подписантов были две сверхдержавы и все влиятельные европейские государства, для которых каждое положение этого документа имело чрезвычайно важное правовое и тем более политическое значение.

На самом деле никакого противоречия нет, особенно если рассматривать Декларацию принципов не фрагментарно, а во всей ее целостности. Документ констатирует: государства-участники договорились действовать «при полном соблюдении принципов, регулирующих отношения» между ними. Положения, касающиеся треть-

го принципа, изложены предельно четко: «Государства-участники рассматривают как нерушимые все границы друг друга... Они будут воздерживаться сейчас и в будущем от любых посягательств на эти границы. Они будут соответственно воздерживаться также от любых требований или действий, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства-участника».

То же относится к четвертому принципу: «Государства-участники... будут воздерживаться от любых действий, несовместимых с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, против территориальной целостности, политической независимости или единства любого государства-участника и, в частности, от любых таких действий, представляющих собой применение силы или угрозу силой».

Государства-участники будут равным образом воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или других прямых или косвенных мер применения силы в нарушение международного права или в объект приобретения с помощью таких мер или угрозы их осуществления. Никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной».

Следовательно, все эти принципы касаются отношений между государствами, и в этих рамках государства обязались уважать как неприкосновенность границ между ними, так и территориальную целостность. Между тем право на самоопределение не имеет никакого отношения к проблеме нерушимости границ между двумя государствами. Оно касается процессов, происходящих внутри одной страны, где государство — это только одна из сторон.

Ясно, что в Азербайджане прекрасно понимают эту разницу и именно по данной причине упорно и целеустремленно стараются представить конфликт между Азербайджаном и Нагорным Карабахом как конфликт между Азербайджаном и Арменией. Но в документах международных организаций (ОБСЕ, СНГ и др.), относящихся к ранней стадии противостояния, Нагорный Карабах зафиксирован в качестве стороны конфликта.

Резолюция 1416, принятая Парламентской ассамблеей Совета Европы (ПАСЕ), подтверждает: «Независимость и отделение региональной территории от государства могут быть достигнуты только посредством легитимного и мирного процесса, основанного на демократической поддержке населения данной территории... Ассамблея повторяет, что занятие чужой территории со стороны страны-

члена есть грубое нарушение взятых страной – членом СЕ обязательств и подтверждает право безопасного и достойного возвращения в свои жилища лиц, выселенных с территории конфликта».

Резолюция, соответствующая принципам хельсинкского Заключительного акта и вышеуказанных документов ООН, подчеркивает, что Нагорный Карабах может обрести независимость от Азербайджана посредством легитимного и мирного процесса, основанного на демократическом волеизъявлении населения. Если же какая-либо территория будет присоединена к Республике Армения, то это будет рассматриваться как грубое нарушение обязательств (территориальной целостности).

В ответе Комитета министров Совета Европы на рекомендацию ПАСЕ 1690 этот подход сформулирован в формате хельсинкского Заключительного акта. Исполнительный орган СЕ с удовлетворением «отметил продолжение прямого диалога по мирному урегулированию этого конфликта в рамках Пражского процесса и полное уважение международного права (в частности, принципов IV и VIII хельсинкского Заключительного акта (1975) – о территориальной целостности государств и права наций на самоопределение). Он подтверждает свою полную поддержку успеху этого диалога и в связи с этим – сопредседателям Минской группы ОБСЕ».

Таким образом, очевидно, что правовую базу урегулирования конфликтов составляют право наций на самоопределение, являющееся нормой международного права, и принцип нерушимости границ (территориальная целостность) с четким разграничением сфер их применения.

ДРУГИЕ ФАКТОРЫ

По мнению Александра Аксенёнка, изложенному в статье «Самоопределение: между правом и политикой» («Россия в глобальной политике», № 5, 2006 г.), народ может по своему выбору реализовать право на самоопределение посредством культурной автономии, федеративных и конфедеративных государственных структур, национально-территориальных единиц, имеющих различные уровни хозяйственной самостоятельности, межгосударственной интеграции (с передачей центру части национальной самостоятельности), полной независимости.

Но что делает приемлемым статус, подразумевающий те или иные ограничения самостоятельности?

Согласно Аксенёнку, это уровень доверия между двумя народами, гарантии равных конституционных прав и свобод, доверие к действиям центральных властей по обеспечению достойной жизни для всех граждан. Фактически речь идет о том, насколько стремления самоопределяющегося народа, с одной стороны, и предложения государства, осуществляющего формальную юрисдикцию, – с другой, соответствуют соблюдению трех основных европейских ценностей – прав человека, демократии, верховенства закона.

Этот подход может применяться в дополнение к нормам международного права при разрешении конфликтов в рамках европейских структур. Одновременно необходимо учитывать, что ключевую роль играет не мнение либо предложение государства (в частности, предложения Азербайджана или Сербии о «самой широкой автономии»), а желание народа (либо национально-территориальной единицы), применяющего право на самоопределение. Поскольку это – его абсолютное право, никак не ограниченное международным правом.

Так, Совет Безопасности ООН одобрил «Стандарты для Косово». На реализацию данного документа, созданного на базе вышеизложенных фундаментальных ценностей, возлагаются большие надежды. А вот в основу плана спецпредставителя Генерального секретаря ООН по Косово Мартти Ахтисаари положено именно стремление Косово к независимости, а не желание или предложения Белграда, хотя с точки зрения указанных европейских ценностей положение в Сербии много лучше, чем в Косово. (Кстати, в случае с Азербайджаном и НКР все наоборот: уровень демократического развития в Карабахе выше.)

Другой подход предлагает политолог Михаил Делягин. По сути, он излагает предпочтительную позицию России в отношении конфликтов, возникающих на постсоветском пространстве. В качестве отправной точки используется простой, понятный и демократичный критерий выбора между принципами территориальной целостности и права наций на самоопределение. Если население доказало свое право на самостоятельность или же если его стремление соединиться с другим государством, принадлежность к которому он ощущает, оказывается сильнее, нежели желание оставить его под юрисдикцией того государства, от которого оно желает отделиться, то нельзя сломить его прямо выраженную волю.

В статье «Два хельсинкских принципа и “атлас конфликтов”» («Россия в глобальной политике», № 2, 2007 г.) Владимир Казими-

ров, бывший сопредседатель Минской группы ОБСЕ (Россия), пишет о том, что ссылки на Заключительный акт СБСЕ, подписанный в Хельсинки, несостоятельны по двум причинам. Во-первых, этот документ принят в середине 1970-х годов для закрепления баланса двух мировых систем, 1990-е же стали периодом распада государств и создания новых. Если даже учитывать этот документ, то, по меньшей мере, следует иметь в виду: все принципы хельсинкского Заключительного акта равносильны, но ни один из них не абсолютен.

Наилучший пример: если принцип территориальной целостности абсолютен, то почему он не сработал в случаях СССР и Югославии? Какой принцип был задействован на этих территориях? Кто вправе определить, каковы будут рамки применения принципа – границы союзных республик либо территориальных образований более низкого уровня? Запад, отрицающий все советское, сделал нерушимыми произвольно начерченные советские внутренние границы. Как считает Казимиров, сегодня право наций на самоопределение становится на Южном Кавказе главенствующим и наличие или отсутствие прецедента может быть лишь дополнительным фактором. Основные факторы – период времени, регион, конкретные обстоятельства.

Бывший посол справедливо указывает на временной фактор, но с отрицанием духа хельсинкского Заключительного акта невозможно согласиться хотя бы потому, что этот документ не отменен или вместо него не принят другой. И какими виделись подходы, связанные с территориальной целостностью, в те времена, когда сам Казимиров играл эффективную роль в урегулировании карабахского конфликта? Это показательный пример того, как в ходе урегулирования наряду с нормами международного права и общепринятыми принципами проявляются и другие факторы, в данном случае интересы одной из влиятельных стран в регионе – России.

ПРОГРАММЫ «КРИЗИСНОЙ ГРУППЫ»

В урегулировании конфликтов наиболее интересна роль такой международной неправительственной организации, как Международная кризисная группа (*International Crisis Group, ICG*), чья «деятельность посредством регионального анализа и пропаганды на высоком уровне направлена на предупреждение и сглаживание острых конфликтов». Организация действует более чем в 50 странах на четырех континентах, сотрудничает и получает финансовую поддержку из двух с лишним десятков стран, многочисленных фондов. В совет входят

ряд известных представителей политических, дипломатических кругов, завершивших официальную карьеру.

Схема работы *ICG* состоит в том, что, когда комплекс принципов по урегулированию того или иного конфликта уже сформирован, группа представляет на его основе детальную программу урегулирования. Этому предшествуют доклады о ситуации, подготовленные после ее изучения на месте. Предлагаемая программа, по существу, является попыткой совместить ожидания сторон и сформированные в процессе урегулирования принципы. Возможные варианты урегулирования обсуждаются в ходе непубличных переговоров, что позволяет выяснить, как стороны конфликта отнесутся к тому или иному механизму.

Какие же программы предлагает Международная кризисная группа для урегулирования конфликтов в Косово и Нагорном Карабахе? Ее предложения базируются на праве на самоопределение и учете других прав человека.

Согласно плану *ICG*, необходимо оценить приверженность властей Косово принципам демократии и надлежащего управления, стандартам соблюдения прав человека. Если оценки позитивные, специальный посланник ООН должен разработать Косовское соглашение и Конституцию Косово на основе следующих принципов:

- Косово не объединится с Албанией либо другой соседней страной или территорией иначе как в контексте интеграции в Европейский союз;

- в состав Верховных судов Косово будет введено определенное число судей, назначаемых международным сообществом, и международные структуры гарантируют, что некоторые ключевые вопросы, касающиеся прав меньшинств и других согласованных обязательств, будут вынесены на рассмотрение этих судов;

- международная Контрольная миссия Косово будет постоянно информировать международное сообщество о положении дел и выработать рекомендации по реализации соответствующих мер, если Косово не будет выполнять свои обязательства.

Для обсуждения Косовского соглашения и Конституции Косово предлагается создать международный форум под эгидой ООН. Одобрение гражданами Косово Конституции в ходе референдума позволит этому соглашению вступить в силу. Желательно, чтобы оно получило поддержку в Совете Безопасности ООН. Даже если Сербия не согласится на юридическое признание суверенитета Косово, а соответствующая резолюция СБ ООН не будет принята из-за пози-

ции России, решение нельзя откладывать на неопределенный срок. Независимость должна быть признана по меньшей мере Соединенными Штатами и рядом стран – членов ЕС.

В случае с Нагорным Карабахом *ICG* предлагает «действенную и реализуемую программу». Группа считает, что «...окончательный статус Нагорного Карабаха следует определить на референдуме по самоопределению, который:

- должен быть проведен после возвращения перемещенных азербайджанцев в Нагорный Карабах... Международная конференция подтвердит, что Нагорный Карабах удовлетворяет международным критериям для обретения государственности, включая надлежащую защиту прав меньшинств. Такая оценка в первый раз должна быть проведена спустя пять лет после подписания договора о мире;

- предоставит Нагорному Карабаху надлежащие альтернативные возможности, в том числе – присоединения к Азербайджану или отделения от него;

- будет проведен с участием только карабахских армян и азербайджанцев;

- будет проведен на условиях, определенных на переговорах под председательством ОБСЕ, и на основе принципа, что результаты референдума будут признаны всеми сторонами...».

Конечно, предлагаемые *ICG* программы не лишены недостатков, но само их выдвижение свидетельствует о том, что международные неправительственные организации как часть международного сообщества признают Косово и Нагорный Карабах субъектами права на самоопределение. То же самое в своих документах и заявлениях представителей констатируют и Совет Европы, и Европейский союз, и ОБСЕ. Есть также подтверждающие это исследования авторитетных специалистов международного права, в частности профессора Гамбургского университета Отто Люхтерхандта, Мортон Гальперина и Дэвида Шеффера.

ВЫВОДЫ

Первое. Не существует противоречия между принципом нерушимости границ (территориальной целостности) и принципом права нации на самоопределение, зафиксированными в хельсинкском Заключительном акте. Больше того, они имеют абсолютно разные статусы (если первый лишь политический принцип, то второй – это также и норма международного права) и разные области применения.

Определения принципов Заключительного акта о нерушимости границ и территориальной целостности однозначно свидетельствуют о том, что эти принципы применимы в отношениях между государствами, а принцип права на самоопределение действует в отношениях между государством и включенной в его границы самоопределяющейся единицей. Причем, согласно Уставу ООН, все государства – участники Международного пакта о гражданских и политических правах должны уважать право на самоопределение и поощрять его реализацию.

Второе. Конфликты регулируются не на основе прецедентов, а в рамках норм международного права. Единственной базой урегулирования косовского и карабахского конфликтов является право на самоопределение. Ключ к разрешению конфликта – это то обстоятельство, что Косово и Нагорный Карабах являются стороной соответствующего конфликта.

Третье. При урегулировании конфликтов, касающихся стран – участников европейских организаций, дополнительный, но важный фактор – это отношение сторон к фундаментальным ценностям данных организаций.

Азербайджан: «без друзей и без врагов»

Сергей Маркедонов

Рассматривать ту или иную страну в рамках противопоставления «прозападный – пророссийский» стало уже традиционным для отечественного экспертного сообщества. Однако к Азербайджану такую бинарную оппозицию применить невозможно. Между Москвой и Баку существуют серьезные расхождения во взглядах на «большую игру» в Южном Кавказе, и то же время Азербайджан демонстрирует приверженность укреплению добрососедских отношений. Ему необходимо фактическое (а не формально-правовое) присутствие на Северном Кавказе сильной российской государственной власти.

Москва также заинтересована в тесных связях с Азербайджаном и в его стабильном развитии. Значимость Баку подтвердило предложение российского президента Владимира Путина американскому коллеге Джорджу Бушу совместно использовать для решения проблемы ПРО Габалинскую радиолокационную станцию, арендуемую Россией у Азербайджана.

Международное внимание к этой стране также растет благодаря ее углеводородным ресурсам и общему повышению значения Каспийского региона в качестве альтернативного источника энергоносителей для европейского рынка. Находясь в точке пересечения интересов различных держав, Азербайджан вынужден вести выверенную и гибкую внешнюю политику.

ПОЛИТИКА «КАЧЕЛЕЙ»

В отличие от Армении, вышедшей из состава СССР на основе союзного законодательства, Азербайджан не создавал государственность с

С.М. Маркедонов – к. и. н., заведующий отделом проблем международных отношений Института политического и военного анализа.

нуля, а возрождал ее. Первая Азербайджанская Демократическая Республика (АДР) была провозглашена 28 мая 1918 года. В начале 1920-го на Парижской мирной конференции ее де-факто признал Верховный совет союзных держав. Однако в Лигу Наций АДР не попала, поскольку, как объяснялось в меморандуме Генерального секретаря Лиги Наций, «территория Азербайджана являлась частью Российской империи, ввиду чего возникает вопрос, достаточно ли объявления... о независимости и признания Союзными Державами... для того, чтобы считать Азербайджан де-юре полностью самоуправляемым государством». Оказалось — недостаточно: уже в апреле 1920-го в республике начали устанавливать советскую власть.

Как бы то ни было, в декларации Верховного Совета Азербайджана, принятой на его внеочередной сессии 30 августа 1991 года, сказано о восстановлении государственной независимости. Новая республика провозглашала свою политико-правовую преемственность в отношении «старой».

«Восстановленная» азербайджанская государственность существует уже на протяжении 16 лет, демонстрируя свою жизнеспособность и эффективность. В первом квартале 2007-го рост национальной экономики составил 40 %.

Азербайджан — мусульманская страна. В октябре 1991 года в республике была учреждена Азербайджанская исламская партия прогресса. Затем появилась Азербайджанская исламская партия (АИП), провозгласившая своими основными целями достижение «социальной и экономической независимости Азербайджана путем установления в стране исламских законов». В стране действуют такие экстремистские организации, как «Джейшулла» («Армия Аллаха») и «Хизбулла» («Партия Аллаха»).

В то же время Азербайджанская Республика — это светское государство, декларирующее приверженность демократическим идеалам и жесткое неприятие исламского фундаментализма. В 1995-м АИП было отказано в перерегистрации. В мае 1996 года ее лидеры были арестованы, а в 1997-м — осуждены за сотрудничество с иранскими спецслужбами.

Постсоветский Азербайджан сумел доказать, что не является слабой и зависимой геополитической субстанцией; он играет ключевую роль на Южном Кавказе и Ближнем Востоке. Это, пожалуй, единственный в СНГ пример государства с успешно диверсифицированной внешней политикой.

Действуя по принципу «у нас нет друзей, нет врагов, а есть одни лишь интересы», Баку сумел заставить великих мира сего искать дружбы у малого государства. Несмотря на разнообразные трудности, Азербайджан неизменно подбирал ключи к важным международным игрокам. В отличие от Тбилиси он научился быть «своим» одновременно в различных столицах крупных мировых держав.

В период первой республики азербайджанская элита играла роль сначала младшего брата Турции, а затем и «нефтяной вышки» Великобритании. «Второй Азербайджан» действует намного тоньше, стараясь «не складывать яйца в одну корзину». С одной стороны, он участвует в прозападном ГУАМ (межгосударственная организация, созданная Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдавией. — **Ред.**), с другой — говорит о стратегической заинтересованности в партнерстве с Российской Федерацией.

Даже в ходе своего визита в Вашингтон в апреле 2006 года президент Азербайджана Ильхам Алиев не постеснялся подчеркнуть свою приверженность сотрудничеству с Россией, выступая на заседании влиятельного американского Совета по внешней политике. Кстати, именно в отношении Баку российские дипломаты используют термин «стратегический партнер» (Армению они называют «стратегическим союзником»).

Благодаря хорошим отношениям с Америкой (которой в 1990-х были свойственны проармянские настроения) Азербайджан, несмотря на авторитаризм его руководства, не попал в черный список «недемократических» государств. Взаимная доброжелательность облегчила Баку решение крайне сложных и деликатных задач, связанных с передачей власти в стране от отца к сыну. США симпатизируют антиалиевской оппозиции, но не переоценивают степень ее влияния. В ноябре 2005 года — накануне очередных выборов в Милли меджлис (парламент) Азербайджана — влиятельный американский сенатор Ричард Лугар констатировал: «В Азербайджане не ожидается никаких “оранжевых” революций». Схожие мысли высказали и другие американские деятели, включая Джорджа Сороса. Как отметил президент Фонда Джеймстауна Глен Ховард, специалист по Кавказу и Центральной Азии, наличие у Азербайджана существенных запасов нефти «заставляет Вашингтон игнорировать некоторые моменты внутривнутриполитической жизни этой страны».

Европейский союз — партнер для Азербайджана гораздо более неудобный. Представители европейских структур давали в целом кри-

тическую оценку политическому процессу, отмечая многочисленные факты нарушения законодательства и злоупотребления властью чиновниками всех уровней. И все же Азербайджан, как и считающиеся более демократичными Грузия и Армения, был включен в программу Европейской политики соседства. А лидеры республики подчеркивали необходимость теснейшей интеграции с ЕС по всем направлениям. В 1999-м министр обороны Сафар Абиев заявил, что республика «осознаёт себя составляющим элементом новой Европы».

Значительно бóльших успехов Азербайджан добился в экономическом сотрудничестве со странами Европы. Странниками активного вовлечения Баку являются наиболее последовательные союзники США, прежде всего Польша. Как отметил в апреле 2007 года директор Центра нефтяных исследований Азербайджана Ильхам Шабанов, «сегодня Польша выстраивает новую концепцию своей нефтегазовой безопасности. В качестве основных партнеров она хотела бы видеть Казахстан, Азербайджан, Грузию и Украину. Если точнее, Варшаве нужна каспийская нефть, которая через Грузию и Украину должна быть транспортирована в Польшу».

Баку продемонстрировал умение балансировать не только на американо-российских качелях. В 1991-м постсоветский Азербайджан, как и АДР, избрал своим стратегическим партнером Турцию. Однако нынешние азербайджано-турецкие отношения больше не являются вассально-ленными, какими они были в 1918–1920 годах.

В ходе армяно-азербайджанского конфликта вокруг Нагорного Карабаха (1991–1994) Анкара оказала содействие Баку, в 1993-м она перекрыла армяно-турецкую границу. Однако полномасштабной турецкой военной интервенции в Армении, как в 1918–1920 годах, не произошло. В начале 2000-х именно Турция стала лоббистом Азербайджана в НАТО, поддерживала Баку в его спорах с Тегераном по Каспию.

При этом Азербайджан сумел переломить негативные тенденции в двусторонних отношениях с Ираном – традиционным конкурентом Турции на Кавказе и Ближнем Востоке. Движение обеих стран навстречу друг другу началось в 2004–2006 годах, когда Тегеран, обеспокоенный возможностью превращения Азербайджана в форпост для военной операции против Ирана, стал проводить более взвешенную политику по отношению к Баку. Со своей стороны Азербайджан понимал: случись на Ближнем Востоке война, она способна перекинуться на Кавказ, что чревато экологической ката-

строфой в Каспийском регионе. Поэтому он стал гораздо терпимее к южному соседу. В 2004-м в городе Тебризе, расположенном на заселенном преимущественно азербайджанцами севере Ирана, было открыто генконсульство Азербайджана. В рамках политики «разрядки напряженности» прошли визиты президентов Ильхама Алиева в Иран (2005) и Махмуда Ахмадинежада в Азербайджан (2006).

Потепление в отношениях с Тегераном не мешает Баку «дружить» с Израилем, в том числе на почве общих ценностей. Осенью 2006 года руководитель отдела пропаганды, информации и аналитики Госкомитета по работе с азербайджанцами, проживающими за рубежом, Джаваншир Велиев заявил, что в музеях Холокоста по всему миру будут установлены стенды, посвященные «геноциду азербайджанцев» в Ходжалы в феврале 1992-го (в ходе военной операции армянских формирований в этом населенном пункте на территории Нагорного Карабаха погибло большое число мирных жителей. — **Авт.**). По словам Велиева, «это отвечает интересам не только азербайджанских, но и еврейских организаций, о чем они неоднократно заявляли». Кроме того, Баку умело использует непростые отношения между армянским и еврейским лобби в США и Европе.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И ТАКТИЧЕСКИЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Азербайджан, расположенный в Каспийском регионе и являющийся связующим звеном между Южным Кавказом и Центральной Азией, занимает важное место в российской внешней политике.

По словам американского политолога Збигнева Бжезинского, «Азербайджан можно назвать жизненно важной пробкой, контролирующей доступ к бутылке с богатствами Каспийского моря и Центральной Азии. Независимый тюркоязычный Азербайджан, по которому проходят нефтепроводы и далее тянутся на территорию этнически родственной и оказывающей ему политическую помощь Турции, помешал бы России осуществить монополию на доступ к региону и таким образом лишил бы ее главного политического рычага влияния на политику государств Центральной Азии».

При этом в условиях, когда Россия вовлечена в борьбу с международным исламским терроризмом, ее отношения с политически стабильным светским государством-соседом, занимающим неприемлемую позицию по отношению к религиозным экстремистам, чрезвычайно важны.

Для российской внутренней политики азербайджанский фактор имеет далеко не меньшее значение. По данным официальной статистики, миграционный прирост азербайджанского меньшинства в России составил с 1989 по 1999 год 62,8 тыс. человек. Согласно Всероссийской переписи населения 2002-го, в 55 субъектах РФ проживают 621,5 тыс. азербайджанцев, что делает данный этнос тринадцатым по численности. Наши правоохранительные органы и посольство Азербайджана в Москве полагают, что эти цифры занижены. Гейдар Алиев, выступая на учредительном собрании Всероссийского конгресса азербайджанцев (2000), оценил численность своих соотечественников в России приблизительно в миллион человек. По подсчетам директора Института экономики РАН Руслана Гринберга, только денежные переводы в Азербайджан достигают ежегодно 1,8–2,4 млрд долларов.

В интервью «Новой газете» (7 августа 2006 года) начальник Управления Администрации Президента РФ по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами Модест Колеров, перечисляя основных партнеров России, сказал: «Наш стратегический союзник – Германия, Франция, Италия, Казахстан, Азербайджан – прекрасная страна, Белоруссия». Примечательно, что в этом списке «лучших друзей» не было Армении, до сих пор считавшейся главной пророссийской силой на Южном Кавказе.

Во многом такая Азербайджана была вызвана еще и тем, что в ноябре 2005-го эта страна остановила волну «цветных» революций в СНГ. О том, что парламентские выборы (ноябрь 2005 г.) состоялись, исполнительный секретарь СНГ Владимир Рушайло заявил еще до того, как соответствующее заявление озвучил азербайджанский Центризбирком. В течение всего последующего за этими событиями года Москва не раз заявляла об отношениях с Баку как о внешнеполитическом приоритете.

Вместе с тем независимая Азербайджанская Республика никогда еще не достигала того высокого уровня сотрудничества с РФ, прежде всего в военной и политической сферах, на который вышли Россия и Армения. В отличие от Армении, Азербайджан не состоит в Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Азербайджан – член ГУАМ, организации, которую иногда называют анти-СНГ и считают противовесом российскому влиянию в ближнем зарубежье. И если еще вчера первые скрипки в «обновленном ГУАМ» играли

Грузия и Украина, то сегодня возрастает (прежде всего качественно) роль Азербайджана.

Последний саммит ГУАМ (18–19 июня 2007 года) прошел в Баку. Именно там азербайджанское руководство впервые получило со стороны Украины публичную поддержку своих действий по «собирацию земель». Президент Украины Виктор Ющенко охарактеризовал политику Армении в Карабахе как «оккупационную» и выразил готовность отправить украинские «голубые каски» в зону армяно-азербайджанского конфликта. (Прежде он говорил о необходимости размещения украинских миротворцев в Южной Осетии и Абхазии.) На бакинском саммите состоялось также два диалога в формате ГУАМ – Япония и ГУАМ – Польша.

В Москве ревниво следят за развитием американо-азербайджанских отношений. Накануне визита Ильхама Алиева в США (апрель 2006 г.) Азербайджан был назван «исламским союзником» Вашингтона. Ранее этого титула удостаивалась Турция.

Между тем именно Баку является той точкой Южного Кавказа, в которой позиции Москвы и Вашингтона в наибольшей степени совпадают. И США, и РФ заинтересованы в стабильном, модернизирующемся светском Азербайджане. Для Белого дома, равно как и для Кремля, вопросы демократизации внутривнутриполитической жизни Азербайджана значат куда меньше, чем предсказуемость режима.

Явное недовольство Кремля вызывают «особые отношения» (энергетическое партнерство, совместные транспортные проекты) между Азербайджаном и Грузией, придерживающейся стратегического курса на евро-атлантическую интеграцию и избавление от российского «имперского наследия». Именно «грузинский сюжет» стал главной причиной охлаждения отношений между Москвой и Баку в конце 2006 – начале 2007 года.

Правда, грузинский сценарий не повторился, наметившиеся разногласия не повернули двусторонние отношения вспять. В отличие от Михаила Саакашвили Ильхам Алиев не сделал антироссийский ресурс своим главным внешне- и внутривнутриполитическим оружием. Более того, в марте 2007-го глава Азербайджана совершил неофициальный визит в Москву и на встрече с Владимиром Путиным всячески подчеркивал, что дорожит добрососедскими связями с Российской Федерацией. Критика России за политизацию ею проблемы цены на «голубое топливо» велась официальным Баку не более месяца. Впрочем, Азербайджан, который в значительно меньшей

степени, чем Грузия, зависит от российских энергоресурсов, может позволить себе более гибкую политику в отношении Москвы.

Между Москвой и Баку есть расхождения по вопросу о российско-армянском стратегическом союзничестве, которым во многом обусловлены и неучастие Азербайджана в ОДКБ, и членство в ГУАМ. Военное присутствие РФ в Армении (особенно после вывода российских частей из Грузии и их передислокации в соседнюю республику) лидеры Азербайджана рассматривают как повод для возможной эскалации армяно-азербайджанского противостояния. Борьба с «рукой Москвы» — выгодный политический «бренд» оппонентов Ильхама Алиева.

Однако, несмотря на сложность двусторонних отношений, Россия и Азербайджан имеют значительный потенциал для развития партнерства. Баку не считает российское военное присутствие (Габалинская РЛС, предложенный Сергеем Ивановым проект создания «Касфор» — объединенной силовой структуры в составе Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркмении) причинением ущерба национальному суверенитету. Многие азербайджанские представители, начиная с президента Ильхама Алиева, неоднократно давали высокие оценки миротворческому потенциалу России в процессе карабахского урегулирования. Тот факт, что тезис о возможном размещении российских миротворцев в зоне армяно-азербайджанского противостояния был в течение 2006 года дважды озвучен именно в Баку (это сделал Сергей Иванов, на тот момент министр обороны РФ), говорит о многом.

Мощная азербайджанская диаспора в России еще один важный фактор развития отношений. В свою очередь Азербайджан — территория проживания дагестанских народов (лезгины, аварцы, цахуры), оказывающих заметное влияние на этнополитические процессы на российском Северном Кавказе.

ИЗВЛЕЧЬ УРОКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Главный потенциал развития российско-азербайджанских отношений заключается в том, что Баку и Москва учатся исправлять ошибки начала 1990-х. Для России такой ошибкой был крен в сторону Армении и отказ от диверсифицированной политики на Южном Кавказе. Следует особо подчеркнуть, что нормальные российско-азербайджанские контакты не должны означать «забвения» Армении — нашего многовекового геополитического союзника, поддер-

живающего российское присутствие в Закавказье. Просто следует идти по пути сбалансированной и диверсифицированной политики.

Для Азербайджана же серьезной ошибкой стали политические контакты с чеченскими сепаратистами. Цели и лозунги Общенационального конгресса чеченского народа (ОКЧН) были во многом созвучны политической идеологии Народного фронта Азербайджана (НФА). Азербайджанские националисты видели в ОКЧН возможного союзника по «антиколониальной борьбе». Прочеченскую позицию занимал второй азербайджанский президент Абульфаз Эльчибей, а министр внутренних дел республики (в 1992 г.), лидер партии «Боз гурд» Искендер Гамидов называл себя личным другом лидера чеченских сепаратистов Джохара Дудаева. Небольшой отряд чеченцев сражался в Нагорном Карабахе на азербайджанской стороне.

Когда российско-чеченский конфликт перешел в 1994 году в вооруженную фазу, на стороне чеченских сепаратистов воевал численно небольшой отряд азербайджанцев – в основном приверженцев партии «Боз гурд». (В интервью британской радиостанции Би-би-си Гамидов говорил о 270 добровольцах.) Летом 1999-го президент самопровозглашенной Чечни Аслан Масхадов назначил своим полпредом в мусульманских странах Зелимхана Яндарбиева, его головной офис был открыт в Баку. Между чеченскими сепаратистами и азербайджанским криминалитетом установились контакты в теневом бизнесе.

Азербайджан оказал «неоценимую», по словам главы «внешней разведки» Ичкерии Хож-Ахмеда Нухаева, «помощь в размещении [чеченских] беженцев». После 1994 года в стране было зарегистрировано 4,7 тыс. чеченцев. (В 1989-м, согласно Всесоюзной переписи населения, там проживало всего 456 чеченцев). Коренные азербайджанцы в целом сочувствовали Чечне. В январе 1995 года в Баку был открыт Культурный центр Чеченской Республики Ичкерия.

Тогдашний президент Азербайджана Гейдар Алиев, заявляя, что «Чечня – внутреннее дело России», рассматривал «чеченский вопрос» прежде всего как гуманитарную проблему. Ведь к 2000 году численность беженцев из Чечни достигла 10 тыс. человек. В результате проблема Чечни стала одной из ключевых во взаимоотношениях независимого Азербайджана и России.

Однако обстоятельства толкали Баку к ревизии чеченской политики.

Во-первых, азербайджанское руководство всегда рассматривало карабахский конфликт как борьбу с армянским сепаратизмом, а эф-

фактивная защита такой точки зрения невозможна на международном уровне в условиях поддержки другого сепаратизма — чеченского.

Во-вторых, эскалация напряженности в российско-азербайджанских отношениях чревата, в частности, введением Москвой жесткого визового режима, что могло бы серьезно ударить по Азербайджану, учитывая многочисленную азербайджанскую диаспору в России и ее социально-экономическую значимость для республики.

В июле 2000-го деятельность офиса ичкерийского представительства в мусульманских странах была приостановлена. Межэтнические столкновения между выходцами из Чечни и азербайджанцами, произошедшие в 2000–2001 годах, способствовали снижению уровня оказания массовой поддержки «чеченскому делу». В 2001-м российские и азербайджанские спецслужбы провели совместную операцию по задержанию трех полевых командиров-сепаратистов.

Все эти шаги вызвали резкое недовольство чеченской стороны. В марте 2001 года к президенту Гейдару Алиеву обратилась с открытым письмом группа чеченских беженцев. В мае Аслан Масхадов объявил, что Азербайджан «перестал быть дружественной для Ичкерии страной». Свою роль сыграли и события 11 сентября 2001 года. В октябре 2002-го официальный Баку осудил захват заложников в Москве («Норд-Ост»), а в сентябре 2004 года — теракт в Беслане. В государственных СМИ Азербайджана существенно изменились акценты в освещении пребывания чеченских беженцев на территории республики. Таким образом, налицо серьезные улучшения в российско-азербайджанских отношениях по «чеченскому вопросу».

Палестинский узел: ни развязать, ни разрубить

Георгий Мирский

На Ближнем Востоке в дополнение к перманентной конфронтации между двумя главными протагонистами — Израилем и палестинцами произошло кровопролитное столкновение внутри самого палестинского лагеря. Идея союза двух государств на земле «исторической Палестины» — от Средиземного моря до реки Иордан — внезапно оказалась под угрозой трансформации в некий тройной раздел. Наряду с Израилем того и гляди возникнут два враждебных друг другу квазигосударственных палестинских образования.

ФАТХ И ХАМАС

ФАТХ — это перевернутая аббревиатура арабского названия «Харакат ат-тахрир аль-филястыний» (Палестинское движение освобождения). Созданное Ясиром Арафатом во второй половине 1950-х годов, это движение стало доминирующей силой в Организации освобождения Палестины (ООП) и сначала базировалось в Иордании, затем в Ливане, откуда в 1982-м году было изгнано израильцами. Арафат и его сторонники обосновались в Тунисе. ФАТХ отвергало решение Организации Объединенных Наций о разделе Палестины вплоть до начала 1990-х годов, когда Израиль и ООП взаимно признали друг друга в качестве партнеров по переговорам. За этим последовало возвращение ФАТХ во главе с Арафатом из Туниса в Палестину, где было организовано самоуправление палестинцев в секторе Газа и на Западном берегу реки Иордан.

Г.М. Мирский — д. и. н., главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений, профессор ГУ — ВШЭ, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

Казалось, в туннеле забрезжил свет и дело идет к образованию палестинского государства, но начавшаяся в 2000-м интифада (вооруженное восстание палестинцев) похоронила эти надежды... Стала раскручиваться жуткая спираль насилия: взрывы, осуществлявшиеся террористами-смертниками в Израиле, ответные вторжения израильских танков в палестинские города. Экстремисты с обеих сторон объективно подыгрывали друг другу, делая жизнь невыносимой и для евреев, и для арабов.

Экономическое положение на палестинских территориях неуклонно ухудшалось. За время интифады валовый внутренний продукт снизился на 40 % в реальном выражении. Между тем в расчете на душу населения Палестина получала больше внешней помощи, чем любая другая территория в мире: так, с 2001 по 2005 год ей было перечислено 5 млрд долларов.

Куда шли эти деньги? Прежде всего – на обогащение палестинской элиты. Движение ФАТХ, которое монополизировало власть и на Западном берегу, и в Газе, представляло собой коррумпированную бюрократическую машину. Пока был жив Арафат, режим держался на его харизме и непререкаемом авторитете. Смерть «вождя революции» в ноябре 2004-го была тяжелейшим ударом для ФАТХ, и на выборах в январе 2006 года партия-монополист потерпела поражение, уступив лидерство своему давнишнему сопернику – ХАМАС.

ХАМАС – это аббревиатура названия «Харакат аль-мукаввама аль-исламия» (Исламское движение сопротивления). Группировка была создана в Газе 20 лет назад (1987) шейхом Ахмедом Ясином и ее нынешним лидером Халедом Машалем. Она отпочковалась от экстремистской организации «Братья-мусульмане», возникшей первоначально в Египте. Как следует из названия, ХАМАС выступает за создание теократического государства. В его Хартии, принятой в 1988-м, говорилось: «Единственной властью для палестинцев может быть власть духовных лиц». В отношении еврейского государства там было сказано: «Израиль будет стоять, пока не будет уничтожен исламом, как и другие до него... Наша борьба против евреев является настолько всеобъемлющей и ожесточенной, что требует приложения всех усилий, на которые мы способны».

В другом документе («Вступительный меморандум») утверждалось: «С сионистской колонизацией может быть покончено только путем всеобъемлющей священной борьбы, основным инструментом которой является борьба вооруженная... Ни при каких обстоятель-

ствах недопустимо уступить хотя бы часть Палестины». В параграфе 22 устава организации евреи называются «органическим злом» и угрозой всему миру.

Неудивительно, что ХАМАС всегда отказывалось входить в состав ООП, считая сторонников Арафата соглашателями и капитулянтами. Группировка отнюдь не ограничивала свою деятельность террористическими акциями. Ее приверженцы строили школы и больницы, создавали кассы взаимопомощи, трудоустраивали палестинцев. И на выборах 2006 года ХАМАС выбирали не столько за вооруженные акции (военное крыло ФАТХ, так называемые «Бригады мучеников Аль-Аксы», совершило, вопреки распространенному мнению, больше террористических актов против израильтян, чем хамасовские боевики), сколько за заботу о населении. Палестинцы голосовали против тех, кто понастроил себе виллы, и за тех, кто жил среди народа.

ДВА МЕДВЕДЯ В ОДНОЙ БЕРЛОГЕ

То обстоятельство, что одна из враждующих группировок светская, а другая религиозная, конечно, имеет значение, но не столь принципиальное, как это может показаться. И фатховцы и хамасовцы принадлежат одной конфессии (суннитская ветвь ислама), и в этом заключается отличие, например, от Ирака с давним суннитско-шиитским противостоянием. Вряд ли сторонники ФАТХ видят врага в ХАМАС из-за его стремления создать теократический режим. На данном этапе этот вопрос не столь уж актуален. Нет кардинальных различий и в отношении фатховцев и хамасовцев к Израилю. И те, и другие ненавидят израильтян и хотели бы создать арабскую Палестину со столицей в Иерусалиме. Есть немалые различия в тактике, но не об этом думали люди, ожесточенно убивавшие друг друга на улицах Газы.

Дело в том, что, несмотря на всю воинственную риторику, даже непримиримые враги Израиля понимают, что в настоящий момент еврейское государство представляет собой данность, с которой пока что ничего не поделаешь. Ликвидация Израиля — цель достаточно отдаленная.

Расчет здесь, во-первых, на демографический фактор: сейчас на земле «исторической Палестины» проживает 5,4 млн евреев и примерно столько же арабов (2,4 млн на Западном берегу, 1,4 млн в Газе и 1,4 млн в Израиле), но коэффициент рождаемости у евреев — 2,69, а у арабов-мусульман — 4,03. Недаром Арафат сказал: «Главное оружие палестинцев — это чрево арабской женщины». Пале-

стинские политики полагают, что Израиль не сможет ни аннексировать Западный берег (тогда он будет уже не еврейским, а арабо-еврейским государством), ни бесконечно вторгаться в арабские города при возникновении беспорядков, неизбежных ввиду нежелания палестинцев жить в условиях хотя бы частичной оккупации.

Во-вторых, надежды возлагаются на то, что Израилю будет крайне трудно выдержать новый тип войны. Войны не против армий арабских государств, как это было в прошлом, когда израильская армия обычно побеждала, а против «народных вооруженных сил» типа «Хезболла», весьма успешно показавшей себя в прошлогодней войне в Ливане, в сочетании с ракетными обстрелами израильских городов и акциями смертников — «шахидов». Ведутся разговоры о том, что рано либо поздно наиболее образованная, состоятельная и активная часть еврейского населения не выдержит всего этого и уедет в Америку. Ну а с оставшимися, мол, не так трудно будет справиться.

Но все расчеты такого рода, как бы к ним ни относиться, связаны с более или менее отдаленным будущим. «Время работает на нас, — считают многие палестинские политики, — рано либо поздно оно сделает свое дело». Ведь арабская пословица гласит: «Бедуин отомстил через сорок лет и сказал: я поспешил». А сейчас обстановка не позволяет надеяться на скорое решение конфликта; возобновятся переговоры с Израилем или нет — все равно израильтяне не пойдут на принятие условий урегулирования, приемлемых для палестинцев. Значит, не так уж важно, какой линии придерживаться в отношениях с «сионистским врагом» — жесткой либо мягкой. И данный вопрос играет какую-то роль лишь в пропагандистском плане: хамасовцы ради укрепления своего авторитета в глазах палестинских масс обвиняют фатховцев и лично Махмуда Аббаса в сговоре с Америкой и Израилем. Тем самым они, безусловно, набирают очки: ведь их противники не могут в ответ обвинить ХАМАС в экстремизме и непримиримости по отношению к Израилю — это для палестинских масс скорее достоинство, чем недостаток.

Итак, ни религиозный фактор, ни тактические разногласия (при всем их несомненном значении) сами по себе еще не были достаточной причиной для вспышки внутripалестинской войны. Что же тогда? Вопрос о власти.

Столкнулись две мощные военно-политические машины, за каждой из которых стоят прочные, давно сложившиеся разветвленные структуры, многочисленные кадры бюрократии и «силовиков», свои

вооруженные силы во главе с полевыми командирами. И два медведя просто не способны ужиться в одной берлоге.

В истории часто бывало так, что в беспощадной схватке сходились политические или конфессиональные группы, вроде бы не особенно отличавшиеся друг от друга ни по идеологии, ни по социальному, этническому либо территориальному составу сторонников. Более того, чем ближе они были по этим признакам, тем сильнее враждовали. Ведь «работали» эти организации, как правило, на одну и ту же аудиторию, апеллировали к тем же самым классовым или религиозным группам населения и только поэтому оставались соперниками. Шло время, конкретные обстоятельства возникновения вражды забывались, но в умах поколений борцов закреплялись стереотипы враждебности, сохранялась память о давних обидах. На последующих этапах возобновлялась борьба за «место под солнцем», за привилегии, статусные должности, за распределение материальных благ.

Каждая из непримиримых палестинских группировок опирается на могущественные кланы, располагающие крупными финансовыми средствами. Происхождение последних в значительной мере связано с нелегальными или полунелегальными коммерческими операциями, в том числе с контрабандой.

ФАТХ многие годы оставалась партией-монополистом, полномочным хозяином той части Палестины, от господства в которой Израиль отказался в результате соглашений Осло. (Подписанная в 1993 году палестино-израильская Декларация о принципах промежуточного урегулирования, более известная как «Осло-1», и Соглашение о распространении палестинского самоуправления на Западный берег реки Иордан, или «Осло-2», заключенное в 1995-м. — Ред.). Неожиданная для всех, в том числе и для самого ХАМАС, победа оппозиционной группировки на выборах повергла фатховцев в шок. И даже когда весной этого года — после первых вспышек междоусобной войны — по инициативе и под давлением саудовского короля создавалось коалиционное правительство, никто не сомневался в том, что вопрос, в чьих руках будет власть, лишь отложен на время. Ключевая проблема — кто будет контролировать силы безопасности — решена так и не была. Существовало хрупкое двоевластие. Дело шло к столкновению, и даже незначительный эпизод мог спровоцировать решающую схватку. Так и произошло.

Все началось и закончилось в секторе Газа, где ХАМАС захватило ключевые позиции после вывода израильских войск в 2005 году. Есть

логика в том, что экстремисты стали доминирующей силой именно в той части Палестины, где наиболее остро стоят проблемы нищеты, разрухи, безработицы и где преобладают настроения безысходности и отчаяния, в то время как «умеренное» ФАТХ господствует на несколько более благополучном Западном берегу. Военные действия продолжались всего несколько дней и привели к полной победе ХАМАС.

Оружием и боеприпасами обе стороны были обеспечены с лихвой, но хамасовцы проявили бóльшую организованность и дисциплину, а самое главное – их боевой дух, мотивированность оказались выше. Бойцы ФАТХ – это обычные солдаты, а на войне солдат, при том что он, конечно же, желает победы своей армии, в первую очередь наверняка обычно думает о том, как бы остаться в живых, это естественное человеческое чувство. А бойцы ХАМАС – бесстрашные фанатики, для которых смерть во имя великого дела – счастье.

Вооруженная борьба на данном этапе закончилась, да и шла она только в Газе. На Западном берегу реки Иордан сторонников ХАМАС их более многочисленные и имевшие более крепкие позиции противники частично арестовали, частично «вычистили» из всех структур. Территория, подвластная Палестинской национальной администрации, разделилась на две части: в Газе утвердилась власть ХАМАС, на Западном берегу господствует ФАТХ.

Каждая из сторон, несомненно, испытывает облегчение. Ушла постоянная напряженность, вызванная необходимостью все время отслеживать деятельность соперничающей группировки, ожидая от нее подвоха либо удара, оспаривать на каждом шагу те или иные акции, бороться за позиции и влияние. Теперь никто не мешает действовать по своему усмотрению, не считаясь с возможной реакцией противника. Но выигрыш этот – мнимый. Положение каждой из сторон на самом деле только усложнилось.

ВМЕСТО ДВОЕВЛАСТИЯ – ДВЕ ВЛАСТИ

Прежде всего, обстановка стала совершенно ненормальной и парадоксальной с юридической точки зрения. Правительство Исмаила Хании опирается на законное, демократическим образом избранное парламентское большинство, но и Махмуд Аббас – всенародно избранный глава Палестинской национальной администрации. Каждая из двух не признающих друг друга властей может считать себя легитимной.

Запад, равно как и ведущие арабские государства, а также Израиль объявили о поддержке Махмуда Аббаса и его администра-

ции, обладающей властью только на Западном берегу. Обещана крупная помощь, израильтяне разморозили финансовые средства, перечисляемые палестинцам. Но все направляется фатховским властям, хотя какая-то гуманитарная помощь, в том числе и со стороны Израиля, идет и бедствующему населению Газы (при трудновыполнимом условии: это не должно попасть в руки ХАМАС). Газа изолирована, ее власть бойкотируется. Фактически наиболее значимая часть мировой общественности солидаризировалась с Аббасом, который назвал хамасовцев путчистами, «кровавыми убийцами» и заявил, что «отныне не может быть никакого диалога с этими террористами».

Но вряд ли разумно закрывать глаза на два важнейших факта. Первый – правительство ХАМАС полностью легитимно и обладает реальной властью на определенной территории. Второй – значительная, а возможно, и преобладающая часть населения Западного берега голосовала в прошлом году за ХАМАС и, видимо, склонна будет возражать против того, что ее волеизъявление игнорируется, а законно избранный парламент как бы не существует только потому, что большинство в нем составляют люди, неугодные ФАТХ.

Но дело не только и даже не столько в юридических нелепостях. Создается впечатление, что США и Израиль (а в известной степени также Европейский союз и Лига арабских государств), так сказать, узаконили раздел территории, находившейся под контролем Палестинской национальной администрации, и намерены иметь дело только с одной из двух образовавшихся властей автономии. Они как будто бы рассчитывают на то, что, избавившись от экстремистов, которые сводили на нет переговорный процесс, власти Западного берега реки Иордан, признанные единственными законными представителями палестинского народа, этот процесс возобновят. А сектор Газа пусть себе загнивает и погружается в пучину катастрофы до тех пор, пока отчаявшееся местное население не избавится каким-либо образом от власти ХАМАС или же заставит его «образумиться» и отказаться от своих нынешних амбиций.

Иллюзорность такого рода надежд очевидна. Ошибочно было бы считать, что переговорный процесс зашел в тупик по вине ХАМАС, и что без участия этой организации дело пойдет на лад. Пора взглянуть правде в лицо и честно признать, что, даже не будь ХАМАС вообще, Израиль и палестинцы все равно не приблизились бы к достижению решения, приемлемого для обеих сторон.

Достаточно вспомнить судьбу соглашений Осло. Начатый тогда мирный процесс не вылечил болезнь, а лишь загнал ее вглубь, отодвинув на время решение кардинальных проблем. Соглашения принимались в расчете на то, что лучше начать с более легких вопросов, а к тому моменту, когда неизбежно придется заняться главным, накопится позитивный опыт, который облегчит окончательное решение. Но срыв переговоров в Кэмп-Дэвиде в 2000-м (встреча Ясира Арафата с израильским премьером Эхудом Бараком при посредничестве президента США Билла Клинтона) показал, что именно в тот момент, когда пришло время взять быка за рога и приступить к решению кардинальных проблем, позиции оказались несовместимы.

А таких проблем три.

Первая из них — **Иерусалим**, город, который и израильтяне, и палестинцы считают своей столицей. По-арабски он называется Аль-Кудс, «священный», и считается третьим религиозным центром мусульман (после Мекки и Медины). Арафат говорил: «Не родился еще такой арабский лидер, который мог бы отказаться от Аль-Кудса». Но и никакой израильский лидер не уступит Иерусалима, западную часть которого еще в 1950-м кнессет (парламент) провозгласил столицей еврейского государства. Генеральная Ассамблея ООН при решении вопроса о разделе Палестины в 1947 году признала за «городом трех религий» особый статус и поставила его под международный контроль. Но уже спустя год Иерусалим оказался разделенным между Израилем и Иорданией, а после Шестидневной войны в июне 1967-го полностью перешел в руки израильтян. Фактически Иерусалим состоит из двух частей: еврейский город с населением 475 тыс. и арабский город (245 тыс.).

Особое место занимает находящаяся в Старом городе Храмовая гора. На земном шаре нет куса земли аналогичных размеров (ее площадь около 12 гектаров), которому бы придавалось столь колоссальное символическое значение. Арабы называют Храмовую гору Аль-Харам аш-Шариф («благородное и неприкосновенное святилище»), так как там расположены две мечети, почитаемые мусульманами как величайшие святыни, — Аль-Акса и «Купол скалы». Но там же находится и еврейская святыня — Западная стена, или Стена Плача, единственная сохранившаяся часть второго храма, разрушенного римлянами. Другого такого святого места на Земле у иудеев нет.

Несколько лет назад сообщалось, что израильское правительство якобы согласно на раздел Старого города и на предоставление

палестинцам права учредить свою столицу в пригороде Абу Дис, объявленном частью Иерусалима. Таким образом арабский Аль-Кудс и еврейский Ерушалаим стали бы соответственно столицами двух государств в пределах одного города. Если такой вариант и имел место, он остался мертворожденным: после начала интифады судьба Иерусалима больше уже не обсуждалась.

Вторая проблема — это **еврейские поселения на Западном берегу** реки Иордан. На их строительство, которое началось вскоре после Шестидневной войны года, было израсходовано 14 млрд долларов. Ныне существует 122 поселения с общим числом жителей 270 тысяч человек (и еще 190 тысяч еврейских поселенцев живут в районе Иерусалима на арабской территории, не входящей в состав Западного берега). И хотя территория, занимаемая поселениями, составляет всего около 6 % площади Западного берега, палестинцы считают оккупацией сам факт их наличия. Решить проблему поселенцев крайне сложно: как правило, это сильные, невероятно упорные и фанатично настроенные люди с высокой идейной мотивацией — сохранять еврейское присутствие в Иудее и Самарии, как в Израиле называют Западный берег. Например, в Хевроне, бывшей первой столице древнего царства при царе Давиде, где находятся могилы Авраама и других патриархов, в окружении 150 тысяч арабов живут 500 еврейских семей, для охраны которых постоянно дислоцирована целая воинская часть.

И третья проблема — **палестинские беженцы**. Это арабы, покинувшие ту часть Палестины, которая вошла в состав Израиля, и их потомки (последних теперь, конечно, гораздо больше, чем первоначальных переселенцев). Зарегистрированных беженцев сейчас насчитывается более трех миллионов, они живут на пособия, выдаваемые ООН, в 32 лагерях на территории Иордании, Западного берега реки Иордан, сектора Газа, Ливана и Сирии. Согласно резолюции 194 Генеральной Ассамблеи ООН, принятой в 1948 году, беженцам должно быть обеспечено право на возвращение, которое Израиль, однако, никогда не признавал.

В принципе ни одна из названных проблем не может считаться абсолютно неразрешимой.

Разделить Иерусалим можно — ведь и сейчас его еврейская и арабская части представляют собой фактически два обособленных города, соседи на «чужую территорию» стараются не заходить. Даже вопрос о юрисдикции над Храмовой горой поддается решению на основе компромисса.

Это относится и к проблеме палестинских беженцев: конечно, ни одно израильское правительство никогда не согласится вернуть на территорию своей страны миллионы арабов, в таком случае еврейское государство перестало бы существовать. Но значительная часть даже тех, кто родом с территории, ставшей Израилем, согласилась бы переехать на Западный берег, в потенциальное палестинское государство, часть удовольствовалась бы денежной компенсацией и осела бы в других странах. Все достижимо при наличии доброй воли, а ее-то и нет. За долгие годы вражды каждая из противоборствующих сторон накопила такой заряд ненависти и тотального недоверия, что любое предложение рассматривается как попытка обмана, как коварная ловушка.

Допустим даже, что режим Махмуда Аббаса, пользующийся исключительным расположением Америки и Израиля, получив огромные деньги, сумеет инициировать подъем экономики и повышение жизненного уровня населения и, более того, снизить традиционную фатховскую коррупцию (мало кто в это поверит, но, предположим, это получится). И все равно, когда глава Палестинской национальной администрации сядет за стол переговоров с представителями Израиля по трем главным, кардинальным вопросам, он не сможет, как и прежде, не выдвинуть все те же условия урегулирования.

А эти условия зафиксированы в резолюции 242 Совета Безопасности ООН еще в 1967 году. Потом они воспроизводились и в «Дорожной карте», и в представленном не так давно саудовском плане: вывод израильских войск со всех оккупированных в 1967-м палестинских территорий (включая и Восточный, т. е. арабский, Иерусалим); демонтаж еврейских поселений на Западном берегу; решение (хоть какое-то) проблемы беженцев. Если Махмуд Аббас не выступит с таких позиций, он предстанет перед палестинским народом и всем арабским миром как предатель, окажутся справедливыми хамасовские утверждения о том, что налицо бесстыдный сговор лидеров ФАТХ с американцами и сионистами.

Что ответит ему израильское правительство, слабое и непопулярное, утратившее доверие народа после неудачной прошлогодней военной операции в Ливане? Следует ли от него ожидать согласия вернуться к границам 1967 года и демонтировать поселения? Самое большее, на что оно было бы способно, — ликвидировать часть из тех 250 блокпостов на Западном берегу, которые делают невыносимой жизнь палестинцев. Они вынуждены часами простаивать на

пропускных пунктах, чтобы пройти из одного города в другой, — и это на своей родной земле!

Однако следует ожидать выдвижения проекта «обмена землей» — речь идет о передаче палестинцам некоторых израильских районов взамен на включение в состав Израиля крупных блоков поселений вблизи Иерусалима. Еще при Ариэле Шароне циркулировал такой план «урегулирования», в результате осуществления которого у палестинцев осталось бы 44 % территории Западного берега, то есть менее десятой части «исторической Палестины». Далеко уйти от замыслов Шарона нынешние политики, лишенные его харизмы и авторитета, вряд ли смогут, а это будет неприемлемо для палестинцев.

Беда в том, что концепция «земля в обмен на мир», столь широко распропагандированная еще не так давно, выглядит в глазах израильтян полностью провальной. Люди говорят: «Мы ушли с юга Ливана — и получили “Хезболлу” с ракетами на нашей границе, ушли из Газы — а там властвует ХАМАС, а вернемся к границам 1967 года — и врагу хватит одной ракеты, чтобы накрыть международный аэропорт имени Бен Гуриона».

Все это свидетельствует о том, что надежды на прорыв в конфликте после образования фактического альянса между режимом ФАТХ, Соединенными Штатами, Израилем и несколькими арабскими государствами крайне сомнительны.

Что же касается Газы, то бросить ее на произвол судьбы — худший вариант. Конечно, гуманитарная помощь будет туда направляться: арабский мир и международное сообщество не дадут почти полутора миллионам человек умирать с голоду. Но не более того. Ожидать, что жители сектора Газа в отчаянии повернутся против ХАМАС, наивно: они во всех своих бедах будут по-прежнему винить Израиль и Америку.

ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ

Первый сценарий. Власти Западного берега и израильское правительство будут придерживаться принципа «малых шагов» навстречу друг другу, взаимных уступок по второстепенным вопросам, оттягивая на неопределенный срок момент, когда придется вернуться к трем кардинальным проблемам урегулирования. Режим Махмуда Аббаса, пользующийся явным расположением Америки и Израиля, получив огромные деньги, постарается добиться подъема экономики и улучшения жизненного уровня населения и хотя бы уменьшить

традиционную фатховскую коррупцию (последнее — сложнее всего). Будут пресекаться попытки осуществления акций самоубийц.

Максимум, что может в ответ предложить Израиль — постепенно освобождать из тюрем фатховских боевиков. Теоретически все же возможен «обмен земель» — передача палестинцам некоторых израильских районов взамен на включение в состав Израиля крупных блоков поселений вблизи Иерусалима. Все эти взаимные шаги будет контролировать новый спецпредставитель «квартета» Тони Блэр, в функции которого входит именно это (а не окончательное урегулирование). Конечная цель — представить Западный берег в качестве витрины прогресса в деле создания палестинского государственного образования под руководством «умеренного» ФАТХ (на фоне социально-экономического кризиса в управляемом экстремистами секторе Газы).

Второй сценарий — это попытка ХАМАС сорвать данный вариант развития событий путем активизации своих сторонников на Западном берегу. Экстремисты могут принять меры по дискредитации режима Аббаса как, во-первых, предательского, пошедшего на сговор с врагами, и, во-вторых, нелегитимного, — ведь он блокирует деятельность законного парламента, большинство в котором составляют хамасовцы. Дело может дойти до вооруженных столкновений и даже до гражданской войны на Западном берегу, в то время как «симметричный» ответ ФАТХ в Газе маловероятен — там ХАМАС полностью контролирует ситуацию.

Третий сценарий. Несмотря на политическую стабильность экономическая ситуация в заблокированной Газе будет деградировать, и внутри движения могут взять верх наиболее экстремистские элементы. Они захотят спровоцировать Израиль на вторжение в Газу и повторить прошлогоднюю акцию «Хезболлы». Цель: во-первых, нанести противнику урон, который неизбежен, когда израильтяне натолкнутся на укрепленные палестинские позиции и увязнут со своими танками на узких городских улицах; во-вторых, резко поднять престиж ХАМАС среди арабов и мусульман вообще, сделать его, опять же по примеру «Хезболлы», героем сопротивления оккупантам.

В таком случае вероятна широкомасштабная интервенция израильской армии в Газу, результатом чего будет взрыв антиизраильских настроений и на Западном берегу, массовые выступления против режима ФАТХ как бросившего на произвол судьбы палестинцев Газы. Тогда первый сценарий фактически будет сорван.

Наконец, **четвертый сценарий**. При таком варианте во всем регионе резко возрастает роль двух сил, совершенно различных по конфессиональному признаку, но с одинаковой яростью выступающих против Израиля и Америки. Это суннитская «Аль-Каида» и шиитский Иран. Если ХАМАС загонят в угол, он вполне закономерно обратится к ним. Еще недавно бюджет ХАМАС на 50–60 % обеспечивался поступлениями из Саудовской Аравии, теперь же все больше средств, не говоря уже об оружии, идет из Ирана.

Ключевые арабские государства региона – Саудовская Аравия, Египет и Иордания – в последнее время оказались в двойных тисках.

С одной стороны, им угрожает террор «Аль-Каиды», провозгласившей борьбу против «продажных прозападных режимов».

С другой – эти три суннитские страны всерьез опасаются того, что иорданский король Абдалла однажды назвал «шиитским полумесяцем». Видимо, имеется в виду утихшая со времен Хомейни, но ныне возобновившаяся экспансия шиитского Ирана в союзе с шиитскими экстремистами в Ираке и ливанской «Хезболлой». Воинственный шиизм стал теперь авангардом так называемого «арабского сопротивления», под которым им подразумевается «борьба против империализма, сионизма и их пособников». Если этот «полумесяц» дойдет до Палестины (хотя она населена суннитами, но политика иногда важнее конфессиональных противоречий), вся обстановка изменится не в пользу прозападных суннитских режимов.

«Иранизация» ХАМАС, превращение Газы в плацдарм экстремизма, борющегося не только против Запада и Израиля, но и против умеренных арабских режимов, является для последних серьезнейшей угрозой.

Понимая это и не желая «отдавать» Газу Ирану или «Аль-Каиде», правители Саудовской Аравии, Египта и Иордании просто обязаны приложить все силы, чтобы восстановить единую палестинскую власть хотя бы на «внешнем уровне» (внутри каждой из двух палестинских территорий ожидать примирения трудно). Помимо всего прочего, палестинская власть должна являться субъектом мирного процесса, партнером по переговорам, а для этого ей нужно быть единой, пусть даже только на «верхнем этаже», перед лицом международного сообщества. Это, конечно, вариант неуклюжий и нестабильный: в каждой из двух частей Палестины есть своя власть, а наверху, в виде крыши – правительство во главе с нейтральным премьером. Но все прочие варианты еще хуже.

Объективно в подобном заинтересованы и Соединенные Штаты, которые нуждаются в продвижении к мирному урегулированию в Палестине, чтобы снизить невероятный накал антиамериканских настроений в арабских странах и вообще в мире ислама. С Израилем сложнее. С одной стороны, в новой ситуации он действительно вправе спросить: «Переговоры? Но с кем?» и отложить все попытки урегулирования в долгий ящик. Но с другой — превращение Газы в заповедник самого оголтелого экстремизма чревато для израильтян большими бедами.

Выше уже говорилось, что экстремизм хамасовцев не следует считать аргументом в пользу бесполезности переговоров.

Во-первых, ХАМАС неоднороден, в него наряду с «непримиримыми» входят также деятели умеренных взглядов, и не исключен даже раскол этого движения на «большевиков» и «меньшевиков».

Во-вторых, обстоятельства, в частности катастрофическое ухудшение положения народа в случае продолжения антагонистического, воинственного курса, не обязательно приведут к преобладанию «непримиримых». Напротив, развитие ситуации может побудить ХАМАС скрепя сердце сделать выбор в пользу «меньшего зла», то есть эволюционировать в сторону фактического признания концепции двух государств. Поэтому в интересах Израиля — не списывать ХАМАС как потенциального партнера. Но ясно, что завязать хоть какой-то диалог удастся, лишь если принципиально изменится позиция исламистов. Двукратный визит в Москву Халеда Машаля, проживающего в Дамаске лидера ХАМАС, ничего в этом смысле не дал. Правда, его у нас и не уговаривали признать Израиль, но, возможно, возлагались надежды на то, что он сам пересмотрит свою позицию. Однако этого не произошло. Тем не менее власти ключевых арабских стран, видимо, не теряют надежды на то, что еще не поздно предотвратить окончательное превращение ХАМАС в ударную силу спонсируемого Ираном «арабского сопротивления».

Итак, сложившаяся ситуация имеет столько различных и противоречивых аспектов, настолько запутана, что даже трудно сказать, используя журналистское выражение, на чьей стороне поля находится мяч. Если в ближайшее время ничего не прояснится, вероятны худшие варианты. Пока что на Ближнем Востоке время работало не на оптимистов.

Рецензии

“ Постепенно благодаря действиям нескольких групп людей на протяжении десятилетий расширялось поле свободы в общественных науках, а затем и в политике. Сейчас эта борьба за слово, за фразу, за понятие кажется трогательно смешной. Но тогда подковерные баталии влияли на судьбы сотен миллионов людей и в Советском Союзе, и в сфере его влияния ”

Пространство свободы
Сергей Караганов

240

Великобритания: хроника модернизации
Игорь Максимычев

243

ИМЭМО смотрит в будущее
Иван Иванов

247

Пространство свободы

Сергей Караганов

Георгий Арбатов. Детство. Отрочество. Война: Автобиография на фоне исторических событий. — М.: Собрание, 2007. — 151 с. ISBN 978-5-9606-0041-5

Георгий Аркадьевич Арбатов, чью автобиографию на фоне исторических событий я имею честь рецензировать, не просто крупный ученый и политический деятель прошедшей эпохи. Основатель и директор Института США и Канады АН СССР, член ЦК КПСС, он был советником высшего руководства с хрущевских до горбачевских времен.

Но важнее, наверное, другое. Выражаясь старым языком, Георгий Арбатов выступал властителем дум значительной части советской интеллигенции. Телепередачи с его участием и участием его соратников открывали окно в мир политической мысли, удивляли нетривиальным для данного жанра (попросту говоря, нормальным человеческим) языком, расширяли поле свободы в несво-

бодном обществе.

Еще больше для расширения этого поля академик Арбатов делал в основной сфере своей деятельности. Один из интеллектуальных отцов разрядки международной напряженности, он всю жизнь боролся против холодной войны и чудовищной милитаризации страны и экономики, которые не давали государству развиваться. Очень многих Георгий Аркадьевич защищал, о чем скромно умалчивает в автобиографической книге. Зато другие об этом помнят.

Наконец, Арбатов создавал и защищал вокруг себя еще одно уникальное поле. Его сотрудники и ученики, к которым я причисляю и себя (не знаю, признаёт ли таковым меня Георгий Аркадьевич), жили в условиях удивительной творческой свободы. Мы могли читать, говорить и даже писать почти всё, за вольнодумство нас не преследовали и даже не отчитывали. Свобода — это тоже особый талант. В таких условиях

С.А. Караганов — д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.

многие люди смогли добиться гораздо большего, чем равные им по способностям. За это мы по сей день благодарны академику Арбатову.

Георгий Арбатов был храбрым и на войне, и в мирное советское время, когда многие бесстрашные воины Великой Отечественной тушевались. Я сам был несколько раз свидетелем его политического мужества, о котором, впрочем, в книге он не пишет. Хотя и признаёт, что смелость, готовность думать, говорить и писать то, чего другие боялись, давали ему возможность интеллектуально вырываться вперед. Применительно к Арбатову политическое мужество — это еще один его великий талант.

В рецензируемой работе увлекательно описывается, как постепенно благодаря действиям нескольких групп людей на протяжении десятилетий расширялось поле свободы в общественных науках, а затем и в политике. Сейчас эта борьба за слово, за фразу, за понятие кажется трогательно смешной. Но тогда подкововерные баталии влияли на судьбы сотен миллионов людей и в Советском Союзе, и в сфере его влияния.

В книге нашла отражение благодарная память автора о своих учителях — Отто Куусинене, академиках Анушаване Арзуманяне и Алексее Румянцеве, друзьях и соратниках — академике Николае Иноземцеве, Александре Бовине, Олеге Богомоллове, Валентине Зорине, Николае Шишiline и некоторых других уче-

ных публицистах, чиновниках.

Очень многие из первого послевоенного выпуска МГИМО, поддерживая друг друга, сделали немало для продвижения страны и общества к прогрессу, как тогда выражались, или к свободе и здравому смыслу, как сказали бы сейчас. Они были внутрисистемной оппозицией того времени.

Расцвет славы и влияния Георгия Арбатова пришелся на период в тридцать лет с 1960-х годов, но основы его мировоззрения были заложены раньше — в годы войны, на которой он заслужил многие боевые награды, отвращением к гитлеризму, осознанием ужаса сталинских репрессий. Для него «величайшей катастрофой и трагедией прошлого века были три десятилетия кровавой сталинской тирании и неразрывно исторически связанная с ней Вторая мировая война». Всю жизнь он посвятил тому, чтобы ничего подобного не повторилось.

Политическая автобиография интересна прежде всего описаниями жизненных эпизодов и политических баталий. И многие эпизоды читаются с увлечением. Но Арбатов не уходит и от современной полемики. Он русский европеец и по-прежнему ярко отстаивает свои убеждения: «Мы, россияне, европейцы, а никакие не “евразийцы” по генетике и истории, по традициям и культуре. Мы — часть Европы; правда, в силу объективных исторических причин и собственных субъективных ошибок,

мы сильно отстали. Бесконечные рассуждения о нашей “особости” (“русская идея”, “особая миссия”, “самодостаточная цивилизация”), о наших якобы отличающихся от Европы ценностях, на мой взгляд, полная чушь. В лучшем случае это отражение искренних заблуждений, а в худшем — потуги обосновать и облагородить неумение или нежелание создать благополучное и активное гражданское общество».

Свою книгу Георгий Арбатов завершает следующими словами: «Россия — это великая нация и великая держава. Но этот статус не есть нечто безусловное, данное как аристократический титул от рождения и навечно. История знает множество великих держав и народов, скатившихся на обочину мирового развития и канувших в небытие. Статус великой державы в современном ми-

ре должен постоянно подтверждаться, как титул чемпиона, и обеспечивается он благосостоянием и свободами граждан, прочностью внутренней и внешней безопасности, прежде всего перед лицом новых вызовов и угроз XXI века. Уверен, что Россия, пройдя столько невероятных испытаний в XX веке, может этого добиться. Но только — на путях строительства экономики высоких технологий и демократического, социально ответственного государства, последовательно развивая взаимовыгодное сотрудничество со своими ближайшими соседями, с самыми передовыми демократическими странами мира».

К этим словам академика надо прислушаться. Он всегда желал блага своей Родине и в своих рекомендациях, как этого добиться, насколько я знаю, не ошибался.

Великобритания: хроника модернизации

Игорь Максимычев

Великобритания: эпоха реформ. Под ред. Ал. А. Громыко. М.: Весь мир, 2007; Ал. А. Громыко. **Модернизация партийной системы Великобритании.** М.: Весь мир, 2007

За прошедшую четверть века Великобритания сильно изменилась: процессы модернизации затронули партийно-политическое устройство, экономику, культуру, внешнюю и оборонную политику. Однако многие традиции устояли и выглядят по-прежнему незыблемыми. Масштабные перемены в одной из ведущих стран Европы во многом ускользали от внимания широкой российской общественности ввиду многочисленных проблем, с которыми пришлось столкнуться в 1990-е годы. Восполняет этот пробел коллективная монография «Великобритания: эпоха реформ» — первая в страновой многотомной серии Института Европы РАН под общим названием «Старый Свет —

новые времена». Текст издания предваряет общее введение академика РАН Николая Шмелёва — руководителя этого крупномасштабного научного проекта.

Коллектив авторов представляет широкий срез жизни современного британского общества — от политической модернизации до эволюции «особых отношений» с США. Деятельность британских реформаторов в последние десятилетия чаще сопровождал успех, нежели неудачи. Это объясняется тем, что новое здесь, как правило, укладывается в рамки старого, придавая ему второе дыхание и динамику. Прошлое не отбрасывается, а становится фундаментом для будущих преобразований. Уважение к старине, к золотому веку только помогает Великобритании поддерживать динамику трансформаций и не сдавать ведущих позиций в мире.

Первая часть коллективной монографии посвящена непосредственно

И.Ф. Максимычев — д. полит. н., главный научный сотрудник Института Европы РАН.

анализу политической модернизации Великобритании. Показана обстановка внутрипартийной и межпартийной борьбы в Консервативной и Лейбористской партиях, восполнен недостаток внимания к малым партиям. Вторая часть проливает свет на такие вопросы, как формирование механизма гендерного равенства: программа правительства Тони Блэра и подход консерваторов. Далее исследуется степень участия британской монархии в общественно-политической жизни, та роль, которую она выполняет в разрешении конституционных и внутрипартийных кризисов, ее эволюция. Особо выделены отличительные черты пребывания на троне Елизаветы II. Затрагиваются проблемы, связанные с британской церковью (англиканской, баптистской, католической), а также с общим упадком религиозности. Рассматриваются социокультурные и конфессиональные особенности иммигрантских общин.

Тенденциям экономического развития, финансовым аспектам участия Великобритании в Европейском союзе и российско-британским экономическим отношениям посвящена четвертая часть книги. Значительный интерес представляют главы, в которых анализируется внешняя и оборонная политика Великобритании. Руководствуясь хронологическим принципом изложения, авторы раскрывают суть британских подходов к узловым международным во-

просам, к отдельным государствам, в том числе к России, дают анализ участия Великобритании в кризисных ситуациях и войнах, особенно в иракских событиях.

Широкий охват проблем в рамках одной монографии делает ее уникальным источником информации и экспертных выкладок по современной Великобритании. К безусловным достоинствам следует отнести богатый фактический материал, удобную разбивку на части и главы, наличие таблиц и указателя имен, облегчающего поиск персоналий. Сожаление вызывает то, что в книге не находит освещения культурная жизнь страны в рассматриваемый период, и хотелось бы, чтоб в дальнейшем этот пробел был обязательно восполнен.

Углубленный анализ развития политических партий, представляющих собой важнейшее звено британской общественно-политической системы, продолжен в монографии Алексея Громыко «Модернизация партийной системы Великобритании». Книга делает заявку на новую ступень в исследовании двухпартийной системы. Она постепенно превращается в «двухсполовинную» на национальном уровне и многопартийную на более низких электоральных уровнях. Либеральная партия (Партия либеральных демократов) вкупе с малыми партиями реально претендует на большее, нежели роль статиста в соревновании консерваторов и

лейбористов. Подробно рассматриваются вопросы федерализации государственного устройства, сдвиг Великобритании от мажоритарной к плюральной модели демократии.

Впервые современная история британских партий взята в их совокупности и взаимосвязи, а модернизация ведущих партий интегрирована в тему модернизации партийно-политической системы в целом.

Подробно охарактеризованы новейшие тенденции в идеологическом оснащении партий, прослежены эволюции тэтчеризма и «третьего пути» — идеологии «нового лейборизма».

Особый интерес представляет обращение автора к региональным партийно-политическим системам в Северной Ирландии, Шотландии и Уэльсе, для которых характерно собственное электоральное и институциональное измерение. Процесс формирования локальных и региональных партийно-политических систем Великобритании ускорился в последней трети XX века и изменил их привычный облик. После введения на региональных выборах в Шотландии и Уэльсе комбинированной процедуры голосования громко заявили о себе малые партии. В результате Вестминстер остался единственным местом, где продолжает действовать «двухполовинная» партийная система.

Анализируется такое принципиально новое для Великобритании явление, как деволюция. Она стала

уникальной формой распыления власти в стране и ключевым элементом конституционных реформ лейбористов после их победы на всеобщих выборах в 1997 году. Деволюция отличается и от «децентрализации» — передачи на нижние этажи государственного управления функции исполнительной (но не законодательной) власти, и от «деконцентрации» — размещения части органов центральной власти в регионах. На практике распыление власти приняло вид передачи части властных полномочий регионам и их перераспределения между местными и региональными органами власти в пользу последних. Кроме того, деволюция по-британски отличается от применяемого в Евросоюзе принципа «субсидиарности», в соответствии с которым решение должно приниматься на возможно более низком уровне властного управления. Цель «субсидиарности» — предотвратить нежелательное усиление власти наднациональных органов ЕС за счет государств-членов. Задача лейбористского руководства была обратной: обезопасить центр от нежелательного расширения легитимности и властных полномочий субнациональных регионов.

Формально принцип суверенитета британского парламента, основанный на неписаной конституции, неизменен. Однако в действительности деволюция ведет к размыванию суверенитета Вестминстера. Унитарная

форма государственного устройства Британии постепенно сменяется на квазифедеративную (Англия – Шотландия – Уэльс) с элементами конфедерации (Великобритания – Северная Ирландия), при которой отдельные регионы обладают признаками ограниченного суверенитета.

Специальная глава посвящена системным функциям партий – вовлечению граждан в политический процесс (в последние годы наблюдается снижение уровня их активности), обеспечению представительства (усиление исполнительной власти – правительства во главе с премьер-министром) и организации избирательного процесса. Помимо

этого партии участвуют в государственном управлении, занимаются рекрутированием и воспитанием элит. Прямой контакт с избирателями (за исключением всеобщих выборов), массовые митинги уходят в прошлое. Партии активно осваивают медийное пространство, в том числе и для манипуляции общественным сознанием.

Обе книги Института Европы РАН являются важным событием в российском англоведении. Написанные живым, понятным языком, они привлекают внимание не только специалистов, но и всех тех, кто интересуется жизнью европейских стран и международными отношениями.

ИМЭМО смотрит в будущее

Иван Иванов

ИМЭМО. Мировая экономика: прогноз до 2020 г., М.: Магистр, 2007. 430 с.

В последние годы из совместных функций науки и государства, к сожалению, выпало регулярное прогнозирование экономики, науки и техники. Наука давно уже не получает государственного заказа, а ведомственные прогнозы зачастую не отличаются достоверностью. Примером здесь могут служить три подряд энергетические стратегии страны, прозевавшие скачок в мировых ценах топлива, ряд среднесрочных программ МЭРТ и т. д.

Однако традиция научного прогнозирования в российской академической среде сохраняется. Так, рецензируемая публикация продолжает серию более ранних прогнозов ИМЭМО РАН. Работа имеет как свои отраслевые (наиболее удавшиеся), так и страновые разделы, аналитически объединяемые в ее введении и трех первых главах (перспективы

глобализации, проблема догоняющего развития, инновационная динамика мировой экономики). Самостоятельную ценность имеет и обширное статистическое приложение, позволяющее увидеть прогнозируемые тенденции в их количественных измерениях и во взаимной связи.

Период до 2020 года авторы рассматривают как относительно спокойный этап мирового экономического развития. Не ожидается крупных кризисов, темпы роста остаются умеренными, но существенно меняются позиции основных групп государств. Так, ВВП развивающихся стран к концу прогнозного периода может превысить (хотя в основном за счет КНР и Индии) ВВП государств – членов ОЭСР, а на роль локомотива развития выдвинется Азиатско-Тихоокеанский регион. Наименьшие темпы роста прогнозируются для Европейского союза, где страсть к расширению тормозит интеграцию «вглубь» и ее синергию (с. 9,13,14 и др.). Этим тенденциям

И.Д. Иванов — академик РАН.

будут следовать и мировые инвестиционные потоки (с. 39–45). На производственном уровне прогноз предсказывает начало новой смены технологического уклада от базовых отраслей до сферы услуг.

Можно вполне согласиться с авторами и в том, что движущей силой международного обмена на перспективу станет уже не частное, а единичное разделение труда (с. 50), что существующая методология учета занижает объем торговли услугами (с. 52). Достаточно конкретны разделы, посвященные новым технологиям (с. 97–114), в том числе нанотехнологиям и альтернативной энергетике.

Читатель сможет разобраться с причинами застоя в экономике прежде бурно развивавшейся Японии, полнокровно представлены в анализе КНР и Индия. Верно подмечены тенденции к федерализации ряда ныне унитарных государств (с. 255), разъяснена суть понятия государственно-частное партнерство (с. 164–165). Перечисление достоинств работы можно было бы продолжить.

Вместе с тем у внимательного читателя возникает и ряд вопросов. Первый из них — о роли нашей страны в современной мировой экономике. Несомненно, что Российская Федерация все более восстанавливает свои позиции как держава мирового калибра и на ее перспективы должен быть во многом спроецирован и сам прогноз. Однако в тексте Россия присутствует лишь

эпизодически, причем, как представляется, по чисто организационным причинам. Прогнозирование по российской и нероссийской тематике даже в рамках одного из отделений РАН все еще ведется раздельно, а не во взаимной связи. В итоге безотносительно к России рассматриваются такие прямо затрагивающие ее проблемы, как инновации, региональное развитие, становление альтернативной базы энергетики, индустриализация экспорта и пр.

В одном месте авторы вполне обоснованно предупреждают страну о нецелесообразности гипертрофированного евроцентризма в ее внешнеэкономических связях и призывают к их диверсификации; в другом — видят ее чуть ли не «в орбите» ЕС (с. 239). Практически за пределами анализа остается и зона СНГ. «Хозяйственное пространство СНГ останется стратегическим тылом России в ее борьбе за место в мировой экономике», — констатируют авторы (с. 55). Но на той же странице они не исключают, что «интерес России к рынкам стран СНГ приобретет выборочный характер, а потребность в интегрировании с ними будет по-прежнему носить не столько экономическую, сколько геополитическую окраску».

Очевидно, в интересах дела эти две ветви прогнозирования должны быть объединены, что и соответствует традициям, сложившимся ранее в Академии наук.

Из других замечаний можно упомянуть слабое присутствие в работе тематики мелкого и среднего бизнеса, хотя он достаточно широко выходит ныне на мировую арену. Не всегда выдержана вариантность прогнозов. Остается неясным, сохранился ли в современной мировой экономике воспроизводственный цикл. Из ткани прогноза выпадает гл. 2, которая во многом обращена, наоборот, в историю вопроса и перегружена уже известными истинами. Роль экспорта в «догоняющем развитии» в ней переоценена, ибо выгоды от вывоза имеют обычно лишь отдельные регионы развивающихся государств, тогда как развитие их базовых, внутренних рынков по данной причине фрагментируется. Это, в частности, характерно и для КНР. Слабо верится, что уже к 2020-му население Земли на 40 % превратится в средний класс (с. 14).

Редакторам прогноза следовало бы точнее определиться и с характером современного энергокризиса. Призывая отказаться от алармизма в его оценках (с. 20) и даже прогнозируя возможное падение цен нефти (сс. 20–22), они (на сс. 85 и 146) предсказывают, по сути, противоположное. Пересказывая зарубежный оптимизм в отношении экзотических альтернативных источников энергии, прогноз, как представляется, упускает из виду воз-

можный «ренессанс» ядерной энергетики (с. 21, 92 и др.)

В разделе о Евросоюзе упор сделан на национальные, а не наднациональные аспекты его развития. Отсюда и лишь беглое упоминание таких инструментов интеграции, как Рамочные программы Европейского союза по поощрению развития науки и техники, недооценка программирования исследований (хотя именно из таких программ родились и *Airbus*, и *Galileo*). Никто не переносил сроков выполнения Лисабонской стратегии на 2013 год (с. 91). «Скачут» прогнозируемые для ЕС темпы роста (с. 13 – 2,2 % ВВП в год, с. 23 – 2,5 %, с. 235 – 2,2–2,6 %). Доля России во внешней торговле Евросоюза (6–7 %) уже сейчас превышает прогнозируемые на 2020-й 4–5 % (с. 271). Наконец, текст на с. 272 можно понять и так, что Россия действительно является ненадежным энергопартнером.

Болеющий за дело специалист может найти в работе и другие недочеты. Однако в целом авторский коллектив успешно справился со своей задачей. Compliments заслуживает и редколлегия книги, ибо далеко не просто системно обобщить в ней вклад почти полусотни авторов. Работа продолжает отечественную школу прогнозирования и теперь важно, чтобы она нашла заинтересованного читателя также и в российских коридорах власти.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, зам. директора Института Европы РАН, декан факультета мировой политики и мировой экономики ГУ – ВШЭ
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Маргги** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл**
(в личном качестве) министр иностранных дел Швеции
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., в 1998–2004 гг. – министр иностранных дел РФ, в 2004–2007 гг. – секретарь Совета безопасности РФ
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., заместитель президента – председателя правления ЗАО «Внешторгбанк. Розничные услуги»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич академик РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ
- ЛИВШИЦ**
Александр Яковлевич д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»

ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика», член Общественной палаты РФ
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	член-корреспондент РАН, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, президент фонда «Наш выбор», заместитель председателя президиума движения «Российский народно-демократический союз»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., проректор МГИМО(У) МИД РФ
ВИШНЕВСКИЙ Анатолий Григорьевич	д. э. н., директор Центра демографии и экологии человека ИНХП РАН
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Института энергетики и финансов
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть»», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	генеральный директор (президент) ООО «Промышленные инвесторы»
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих <i>ИАТА</i> , член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал			<input type="text"/> индекс издания														
Россия в глобальной политике (наименование издания)															<input type="text"/> Количество комплектов		
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда			<input type="text"/>														
			Почтовый индекс						(адрес)								
Кому			<input type="text"/> (фамилия, инициалы)														
			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА														
<table border="1"><tr><td>ПВ</td><td>место</td><td>литер</td></tr></table>			ПВ	место	литер	<input type="text"/> индекс издания											
ПВ	место	литер															
Россия в глобальной политике (наименование издания)																	
Стоимость подписки			_____ руб. _____ коп.						Количество комплектов								
			_____ руб. _____ коп.														
на 2006 год по месяцам																	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12						
Куда			<input type="text"/>														
			Почтовый индекс						(адрес)								
Кому			<input type="text"/> (фамилия, инициалы)														

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд **Российской Государственной Библиотеки**
- В киоске «**Деловые люди**» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках **МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА**
- **Клуб «Проект О.Г.И»** Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (495) 681-9137, 681-9763
Факс: (495) 681-3798
E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447, USA
Tel: 1-763-550-0961
Fax: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

«Фонд исследований мировой политики»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7706617302

(ИНН получателя платежа)

№ _____ № р/с 40703810700410000002

(номер счета получателя платежа)

в ОАО «ИНВЕСТСБЕРБАНК», г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810000000000311

БИК 044525311

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____

(номер лицевого счета (код) плательщика)